

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1977

**ЗДЕСЬ ТРУД ВЫСОК,
А БЫТ СУРОВ И ПРОСТ**

ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

Владимир
ДЕСЯТЕРИК

ХРОНИКА
Часть третья

Год 1919-й

Ранее 3 января с Владимиром Ильичем был согласован одобренный Наркомпросом проект Г. С. Долгорукова об организации зарубежной помощи русским голодающим детям.

Не ранее 14 января Владимир Ильич знакомится с докладной запиской межведомственной комиссии Наркомпроса по закупке продовольствия для детей Москвы и Петрограда. Среди мер, изложенных в записке, предлагалось подготовить и объявить «неделю голодных детей» с целью организации обмена в сельской местности товаров на продукты для детей. Владимир Ильич пишет на этом документе, обращаясь к А. Д. Цюрупе: «Неделю голодных детей во всяком случае подготовить, объявить и провести надо.

Может быть, соединить ее с разверстой и особой мобилизацией комбедов.

Может быть, еще что-либо взять и сделать для детей?

Надо бы».

Один из сподвижников В. И. Ленина, Н. А. Семашко, так говорил о трогательной, душевной заботе Владимира Ильича о детях в то суровое время: «Буквально все, что проведено в нашей стране в отношении детского населения, те меры, которые принимались в тяжелые годы блокады, в тяжелые годы гражданской войны, в тяжелые годы голода,— вспомните о всех детских карточках, цель которых была одна — пусть взрослые поголодают, пусть взрослые вынесут тяжчайшие лишения, но все, что есть только, последний кусок хлеба, сахара, последний кусок мяса, все питательное, последнее остаток дадим детям,— все это было устроено по инициативе Владимира Ильича».

17 января Владимир Ильич в речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов особо подчеркивает: «...Передовые слои рабочих уже взялись за дело государственного управления, за дело строительства новой жизни. Мы знаем, что надо спускаться ниже, глубже, смелее брать новые и новые слои. Они еще не обучены, они неизбежно будут делать ошибки, но мы этого не боимся. Мы знаем, что это создаст нам молодые кадры работников, вознаградит нас сторицей тем, что даст нам десятки молодых, более свежих сил. Нам неоткуда больше брать сил. Мы должны идти только вперед, брать серье дня молодых рабочих, ставить представителей пролетариата на все более и более ответственные посты».

Не позднее 17 января Владимир Ильич поручает В. Д. Бонч-Бруевичу достать все необходимое для детского праздника в лесной школе в Сокольниках, где отдыхала Н. К. Крупская. Позднее в статье «Как и что рассказывать школьникам о Ленине» Н. К. Крупская, коснувшись этого эпизода и подчеркнув, что у ребят не должно остаться впечатления, будто любовь Ильича к ним выражалась лишь в устройстве развлечений — елок, подарков и пр., добавляла: «Против елок он ничего не имел, но позаботился о посылке гостинцев ребятам на елку в конце 1918 г. потому, что ребята в то время очень плохо питались: сладкого и в глаза не видели, а больше «картошку жарили на воде», как рассказывал мне один мальчонка из лесной школы...»

18 января Владимир Ильич, выступая с речью на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, разоблачает лживость заявлений буржуазной школы о том, будто она стоит вне политики. Буржуазия «во главу угла школьного дела ставила свою буржуаз-

ную политику», старалась свести его к тому, чтобы «натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников... исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием воспитания человеческой личности». И дальше В. И. Ленин провозглашает: «...Теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая...» Он предостерегает учителей также от неумелого проведения в жизнь принципа связи школы с политикой. «...Дело перестройки школы,— подчеркивает В. И. Ленин,— дело трудное. И, конечно, тут бывали и сейчас наблюдаются ошибки и попытки принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубом и уродливом смысле, когда пытаются неумело внести эту политику в умы еще молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться».

19 января Владимир Ильич приезжает на елку к ребятам лесной школы в Сокольниках, присутствует на детском празднике и концерте. «Дети звали Ильича приехать к ним на елку,— вспоминает Н. К. Крупская.— Он обещал. Попросил Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича купить ребятам гостинцев побольше. Когда он ехал в тот вечер ко мне с Марией Ильиничной, дорогой напали на них бандиты... и угнали автомобиль. А мы в лесной школе поджидали Ильича с Марией Ильиничной и удивлялись, что они опаздывают...» По приезде В. И. Ленин был весел и общителен с ребятами, шутил с детьми, с интересом рассматривал пестро убранный елку.

25 января Владимир Ильич председательствует на заседании Совнаркома, где обсуждается проект «Декрета об учреждении Совета защиты детей».

Ранее 4 февраля Владимир Ильич, знакомясь с проектом «Декрета об учреждении Совета защиты детей», вно-

сит поправку в первоначальный заголовок — вместо слова «обороны» пишет слово «защиты».

4 февраля Совнарком принимает отредактированный Владимиром Ильичем декрет «Об учреждении Совета защиты детей» из представителей комиссариатов просвещения, социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия и труда. «Принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность оберечь в опасное, переходное время подрастающее поколение, Совет Народных Комиссаров настоящим декретом утверждает особый Совет защиты детей», — говорится в первом параграфе декрета. Председателем Совета назначался нарком по просвещению, а в его состав входили также представители от народных комиссариатов: социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия и труда.

Совету было предоставлено право налагать вето через соответствующие народные комиссариаты на распоряжения ведомств, не входящих в Совет, «если таковые распоряжения ведут к явному ущербу для детей». Декрет определял как одну из важнейших государственных задач дело снабжения детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью, а равно эвакуацию детей в хлебобродные губернии.

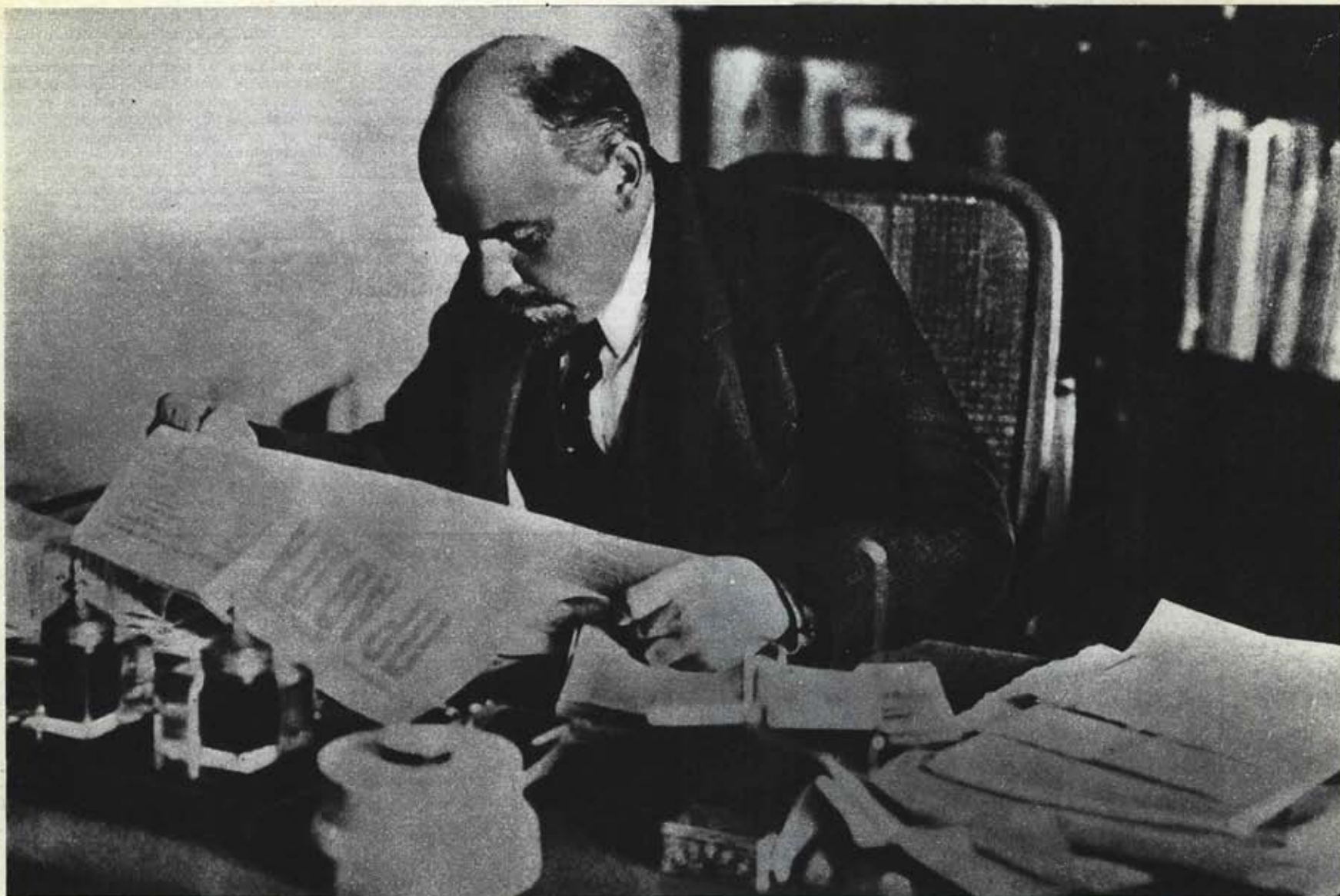
10 февраля Владимир Ильич знакомится с письмом С. Д. Корнильевой от 2 февраля 1919 года из Пензы, в котором содержалась просьба оказать помощь ее семье, ибо после смерти мужа, бывшего подполковника М. М. Корнильева, она осталась с четырьмя детьми без средств к существованию. В. И. Ленин обращается с запиской к наркому социального обеспечения А. Н. Винокурову и зампредреввоенсовета Э. М. Склянскому, просит их по возможности оказать помощь.

10 февраля Владимир Ильич обращается со следующей телеграммой в Вологодскую ЧК: «Получил прошение детей Михайлова, больного, привезенного из больницы Северодвинская. Просят освободить. Сообщите ваше заключение». Несмотря на то, что у бывшего народного судьи Шлиссельбургского уезда Петроградской губернии П. И. Михайлова при обыске был обнаружен дневник с записями антисоветского содержания, 17 марта 1919 года он был освобожден за недостаточностью оснований для обвинения.

19 февраля Владимир Ильич в ответ на полученную им телеграмму от Кумысниковой, Баймановой и Рахимовой, в которой сообщалось, что комбед деревни Медяны распоряжается судьбой молодых женщин, «отдавая их своим приятелям, не считаясь ни с согласием родителей, ни с требованием здравого смысла», дает категорическое предписание Симбирскому губисполкому и Симбирской губчека: «Немедленно проверьте строжайше, если подтвердится, арестуйте виновных, надо наказать мерзавцев сурово и быстро и оповестить все население». Расследованиями были опровергнуты факты, содержащиеся в этой телеграмме, адресованной В. И. Ленину.

20 февраля Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома, которым определялся порядок перехода приютов и других детских учреждений из ведения Народного комиссариата социального обеспечения в ведение Народного комиссариата по просвещению.

Ранее 23 февраля Владимир Ильич пишет пункт проекта Программы РКП(б) о задачах партии в области народного просвещения, подчеркивает, что партия ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 года «дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие разрушения этого господства». В

**ЛЕНИН
В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ
В КРЕМЛЕ.
МОСКВА.
ОКТАБРЬ 1918 г.**

Фото Петра ОЦУПА

принятой съездом Программе говорилось: «В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм». Среди ближайших задач, которые предстояло решать, на первое место Владимиром Ильичем поставлены: проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 16 лет; осуществление тесной связи обучения с общественно производительным трудом; снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

VIII съезд РКП(б) принял эти разделы Программы.

Между 3 и 15 марта Владимир Ильич пишет записку заместителю наркома по военным делам и заместителю председателя Реввоенсовета Э. М. Скланскому, просит удовлетворить ходатайство руководства третьего Петербургского педагогического института об освобождении в порядке исключения студентов этого института от призыва на военную службу ввиду острой нужды в учителях.

6 марта Владимир Ильич в телеграмме на имя Царицынского губисполкома спрашивает: «Некая Валентина Першикова, 17 лет, арестована будто бы за мой портрет. Сообщите, в чем дело». Получив разъяснение, из которого вытекало, что 4 марта был обнаружен в помещении жилотдела 3-го района исчерченный и разрисованный дочерью бывшего лесопромышленника, а ныне служащей жилотдела Першиковой портрет В. И. Ленина, вырванный из брошюры с его краткой биографией, Владимир Ильич 8 марта дает указание председателю Царицынского губчека: «За изуродование портрета арестовать нельзя. Освободите Валентину Першикову немедленно, а если она контрреволюционерка, то следите за ней».

9 марта Владимир Ильич подписывает телеграмму в адрес четырнадцати губернских исполкомов и отделов народного образования с просьбой представить к 28 марта 1919 года сведения о том, сколько после Великого Октября открыто детских садов, площадок, школ I ступени, школ для взрослых и подростков... как они функционируют, количество лиц, обслуженных ими; количество и социальный состав детей школьного возраста...

Ранее 18 марта Владимир Ильич беседует с секретарем ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой о подготовке вопроса на VIII съезд партии о работе среди молодежи. Ветеран комсомола И. А. Жолдак, участвовавший в этом разговоре, вспоминает: «Мне и другим товарищам поручили проверить в Москве и в провинции работу с молодежью... Как-то вечером я находился в помещении ЦК партии... Из Кремля позвонила Елена Дмитриевна Стасова и попросила доставить в приемную В. И. Ленина нужные ей документы о работе среди молодежи... Она пригласила меня зайти в кабинет и рассказать

Владимиру Ильичу то, что я днем сообщил ей относительно своей поездки. Речь шла о том, что Костромской губком партии считал комсомол как самостоятельную организацию ненужным, а работу среди молодежи должны вести комитеты партии примерно так же, как они вели работу среди женщин...

Владимир Ильич предложил, чтобы в разъяснениях, которые даются аппаратом ЦК на места, была четко оговорена самостоятельность организаций Коммунистического Союза молодежи и максимум их самостоятельности. Партийные организации должны поддерживать их, руководить ими, а не выполнять сами работу, которую могут и должны вести организации Союза молодежи... Я отчетливо помню, как Владимир Ильич сказал тогда:

— От успеха работы партии среди молодежи в значительной мере зависит судьба революции».

20 марта Владимир Ильич в проекте добавлений к пункту Программы РКП(б) в области народного просвещения записывает:

«1) о политехническом образовании для юношей...

2) самостоятельность (детей) в школе...»

21 марта Владимир Ильич в перерыве между заседаниями VIII съезда партии беседует с группой членов бюро МК РКСМ.

Комсомольцы обратились к В. И. Ленину за содействием в решении крайне актуального в тот период для организации вопроса более широкого вовлечения в союз пролетарской молодежи.

«— Да, вопрос очень важный, надо его обдумать и наметить план действий...»

Ленин закидывал нас вопросами: сколько членов комсомола в Москве, много ли рабочих-подростков, сколько

девушек, что комсомол делает на предприятиях и т. д.,—вспоминает ветеран комсомола Г. Г. Толмачев.—Мы старались подробно обо всем рассказать. Беседа с нами, Ильич все время поглядывал вокруг. Мы поняли, что он кого-то ищет. Наконец он заметил Владимира Михайловича Загорского—секретаря Московского комитета партии. Ильич подозвал его.

— Ваши комсомольцы поднимают серьезный вопрос. Им надо помочь,—сразу сказал он.

— ...Надо пойти к молодежи, разъяснить ей обстановку в стране, задачи рабочего класса и призвать молодых рабочих вступать в комсомол.

— А затем,—обратился Владимир Ильич к Загорскому,—не плохо бы в Москве организовать, но только хорошо организовать, понимаете, скажем, День коммунистической молодежи. Помогите им,—указав на нас, сказал Ильич...

22 мая в Москве был проведен первый День коммунистической молодежи...»

30 марта Владимир Ильич направляет телеграмму в адрес председателя саратовской «Совета защиты голодающих детей красных столиц» С. А. Королева. Это ответ на обращение саратовских товарищей во ВЦИК от 29 марта. «Завтра отправляют третий маршрутный поезд с подарками,—говорилось там.—Срочно сообщите, куда направить важнее, в Москву или Петроград...» Владимир Ильич телеграфирует: «Направьте в Москву, развивайте работу дальше». На следующий день В. И. Ленин посылает телеграмму в Саратовский губисполком: «Окажите всемерное содействие отправке подарков Королеву».

31 марта Владимир Ильич подписывает постановление Совета Обороны о немедленном выпуске студентов пятых курсов медицинских институтов и о мобилизации их в Красную Армию.

Наша обложка:
картина
Вячеслава ЖЕМЕРИКИНА
«Девчата
с Магистрального».

- 1** К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.
«ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ». Хроника.
- 3** 60 УДАРНЫХ НЕДЕЛЬ.
Александр ШЕРМЕТИНСКИЙ, секретарь комитета ВЛКСМ
Калужского ордена Трудового Красного Знамени
турбинного завода.
«...И ВСЕ ЗА ОДНОГО!»
- 4** «ЛУНЕВ И ЕГО СОРАТНИКИ».
Фотоочерк Эллы ЧЕРЕПАХОВОЙ и Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.
- 8** Рассказ Бориса ФАИНА «БЛИЗКИЕ ЛЮДИ».
- 12** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ОГНЕННЫЕ КРИСТАЛЛЫ».
- 14** Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «ПРИХОДИТЕ—ВАС ЖДУТ...»
- 16** ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
«БУХАРА».
Фотоочерк Тимура ПУЛАТОВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 18** ЭКСКЛЮЗИВ «СМЕНИ».
- 22** ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Петр ВЕГИН. «БОГИНЯ НИЩЕТЫ».
- 24** ЧЕМПИОНЫ О СЕБЕ.
Борис МИХАЙЛОВ, заслуженный мастер спорта.
«ПРОИГРАННЫХ МАТЧЕЙ НЕТ».
- 26** Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА «ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО».
- 28** АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕ-
ДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕН-
СКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П.
СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН,
Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1977 г.

5 апреля Владимир Ильич пишет письмо в саратовские советские учреждения (губпрофком, губисполком, горисполком и др.): «Вполне присоединяюсь к просьбе Народного комиссариата по продовольствию оказывать всечасное содействие саратовскому «Совету защиты голодающих детей красных столиц». С своей стороны очень прошу всеми силами помочь этому «Совету защиты детей». В упомянутой В. И. Лениным телеграмме Наркомпроса высоко оценивалась саратовская комиссия по сбору продуктов для голодающих детей красных столиц, деятельность ее признавалась чрезвычайно полезной, отмечалось, что она работает в полном контакте с Всероссийским Советом защиты детей.

Воодушевленные ленинским признанием их начинания, активисты совета принимают следующее воззвание к пролетариату г. Саратова: «...Товарищи! Наша святая обязанность и в дальнейшем помочь детям красных столиц в критический момент, к чему нас, товарищи, призывают наши вожди т. т. Ленин и Луначарский—председатель Всероссийского Совета защиты детей...»

5 апреля Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома о введении в действие циркуляром Народного комиссариата труда правил о труде малолетних (до шестнадцати лет).

11 апреля Владимир Ильич пишет тезисы ЦК РКП (б) в связи с положением Восточного фронта. Шестой тезис посвящается молодежи: «... Должно быть организовано широкое вовлечение крестьян, особенно крестьянской молодежи неземледельческих губерний, в ряды Красной Армии и для формирования продовольственных отрядов и продармии на Дону и на Украине.

Эту деятельность можно и должно во много раз расширить...»

16 апреля в речи на конференции железнодорожников Московского узла Владимир Ильич говорит о крестьянской молодежи, которая по причине политической незрелости дала себя одурманить Колчаку. С горечью констатируя, что Колчаку удалось мобилизовать несколько десятков тысяч сибирской крестьянской молодежи, В. И. Ленин заявляет: «Он не решился взять в войска фронтовиков, он знает, что они не пошли бы с ним, и держит молодежь палочной дисциплиной и обманами».

Спустя несколько месяцев, 3 октября, в статье «Пример петроградских рабочих» он вновь коснется этой проблемы и скажет: «... у врага для «поддержки» его крестьянской армии идут в ход только помещичьи сынки, а мы знаем, эта «поддержка» погубила Колчака, погубит Деникина».

17 апреля Владимир Ильич выступает с приветственной речью на первом «Всероссийском съезде учащихся-коммунистов», на котором присутствовало около двухсот делегатов от двадцати девяти губерний, представляющих восемь тысяч членов союза.

Как вспоминает делегат съезда от Нижегородской единой трудовой школы имени В. И. Ленина А. Азаров, всеми, кто приехал в Москву, «владело неодолимое желание встретиться с Лениным». В президиум буквально с первой минуты посыпались записки с просьбой о приглашении его на съезд. Просьба делегатов была передана Владимиру Ильичу, и он выкроил время для встречи с учащимися-коммунистами.

В своей речи Владимир Ильич прежде всего отметил важное обстоятельство, что «молодежь, коммунистическая молодежь организовывается», что она «собирается, чтобы учиться строить новую школу». Затем он кратко обрисовывает перед юными слушателями перспективу борьбы за социализм, указывает на их место в общем строю строителей нового общества.

«Работа нами рассчитана на очень

долгое время,—говорит Владимир Ильич.—Будущее общество, к которому мы стремимся, общество, в котором должны быть только работники, общество, в котором не должно быть никаких различий,—это общество придется долго строить. Сейчас мы закладываем только камни будущего общества, а строить придется вам, когда вы станете взрослыми. Теперь же работайте по мере своих сил, не берясь за непосильную работу, работайте под руководством старших». К сожалению, на съезде стенографическая запись не велась. Секретари же, выделенные из самих делегатов, заслушались и о своих обязанностях забыли. А как свидетельствует делегат съезда С. Далин, «речь Ленина была сложной, многоплановой, и даже по скупому тексту ее изложения, по крутым переходам от одной темы к другой можно это почувствовать...».

25 апреля Владимир Ильич делает пометки на тезисах А. З. Гольцмана «К борьбе за восстановление народного хозяйства». Против двадцати четвертого тезиса он пишет: «Это да». Из содержания данного тезиса видно, чем была вызвана положительная реакция В. И. Ленина. Автор писал: «Так как в процессе революции не только расплылись квалифицированные рабочие, но прекратилось и выделение новых кадров, необходимо организовать ученичество в заводах на новых началах с государственным премированием лиц, отдающих своих детей в предприятия на выучку, с одной стороны; и с премированием рабочих и мастеров, от которых зависит успешность выучки—с другой...»

Между 20 и 27 апреля Владимир Ильич встречается с руководителем организации Коммунистической молодежи Мюнхена Альфредом Куреллой. «После продолжительной поездки, продолжавшейся целый месяц, 20 апреля я прибыл в Москву...—вспоминает Альфред Курелла.—Через несколько дней мне сообщили, что со мной хочет говорить Ленин. Это приглашение было для меня несколько неожиданным, но я догадывался, что послужило поводом к нему. Приглашение последовало не потому, что я привез письма. Причина была более значительная. В то время, когда я находился в пути, в Баварии была создана Советская республика. Москва тогда с внешним миром имела мало связей. Очевидно, Ленину сообщили, что прибыл курьер ЦК КПГ непосредственно из Мюнхена, где он руководил организацией Коммунистической молодежи. Ленин видел в этом курьере живой источник для дополнительной информации о том, что произошло в Мюнхене. Определенную роль играл, вероятно, также живой интерес, который Ленин питал и теперь к вопросам движения молодежи.

...Он осведомился о моей работе в Германии. Его, безусловно, интересовало наше движение молодежи... Ленин посоветовал мне как можно скорее связаться с Центральным Комитетом РКСМ (при выходе он дал распоряжение секретарю тов. Фотиевой известить комсомол) и особенно заняться международным конгрессом молодежи, о подготовке которого я кратко упомянул».

29 апреля Владимир Ильич пишет рекомендательное письмо двадцатилетнему юноше Валентину Мицкевичу, изъявившему желание добровольцем уйти в Красную Армию. С осени 1918 года по май 1919 года В. С. Мицкевич работал библиотекарем у Владимира Ильича. «Настоящим,—говорилось в ленинском письме,—рекомендую товарища Валентина Сергеевича Мицкевича и как коммуниста и как безусловно добросовестного работника. Должен добавить, что, по свидетельству товарищей, наблюдавших его работу и заслуживающих абсолютного доверия, т. Мицкевич обладает способностями организатора».

Читатели постоянно встречают на страницах «Смены» статьи и очерки о жизни комсомольско-молодежных коллективов. Это правило диктуется не какими-то формальными причинами, а самой действительностью. Сотни тысяч бригад, участков, смен, других подразделений промышленности и строительства, в которых рабочая молодежь проходит трудовую и гражданскую закалку, завоевали прочный авторитет, показали примеры дерзновенной, активной творческой работы, стали форпостами трудового воспитания молодой смены рабочего класса.

Александр ШЕРМЕТИНСКИЙ, секретарь комитета ВЛКСМ Калужского ордена Трудового Красного Знамени турбинного завода

...И ВСЕ ЗА ОДНОГО!

Проект строительства нашего завода был утвержден в 1940 году, но дату его рождения на несколько лет отодвинула война... Только в послевоенное время из сборочного цеха выплыли на железнодорожных платформах первые небольшие паровые турбины. Как видите, завод наш сравнительно молод: тридцать лет для промышленного предприятия — срок не слишком большой. А нынешний облик турбинного еще моложе: потребовались годы строительства, реконструкции, пока из первого мало-мощного корпуса завода вырос индустриальный гигант.

О возрасте турбинного я заговорил не случайно. История завода, его традиции не достались нам в «наследство», они создавались и продолжают создаваться нашими современниками, на наших глазах. А это большая честь, большая и ответственность.

Сейчас, в разгар ударной вахты, посвященной 60-летию Октября, меряя свои дела по трудовым подвигам наших отцов, мы задумываемся о связи и преемственности поколений и, оглядываясь в прошлое, тесно связываем его не только с настоящим, но и будущим. Уже сейчас пора поразмышлять о том, какие традиции мы сохраним, какие утвердим новые, чтобы передать их молодой смене рабочего класса, по каким делам и свершениям будут судить о молодых коммунистах и комсомольцах семидесятых годов.

Я думаю, отдельной строкой в летописи завода будет выделена шестидесяти-недельная комсомольская ударная вахта — время поисков новых путей повышения эффективности производства, улучшения качества продукции. Для наших ребят это не просто производственный лозунг, а долгосрочная программа действий, фундамент которой закладывается именно сейчас.

Начиная ударную вахту, мы взяли за основу уже сложившуюся схему соревнования — оказалось, что комсомольский почин прекрасно вписывается в нее и даже углубляет содержание известных форм. Как и прежде, сохранился порядок ежедневного и еженедельного подведения итогов по всему заводу — мы считаем, что о них необходимо знать не только директору, но и каждому рабочему, поэтому сообщаем по радио о событиях прошедшего дня. А в конце недели заводской штаб по соревнованию выпускает специальный бюллетень.

Беру в руки один из последних таких бюллетеней. На небольшом листе — полная картина недельной деятельности завода. Отмечены призовыми местами лучшие цехи, участки, брига-

ды, появились новые имена хороших бригадиров. Но бюллетень не парадный отчет. Поэтому здесь же публикуются и менее приятные сообщения. Вот, например, четыре цеха имеют претензии к отделу материально-технического снабжения: он не обеспечил заказы металлом. В цехе № 11 — неудовлетворительная культура производства; три цеха допустили брак — названы фамилии непосредственных виновников. Это сигнал и для завкома ВЛКСМ — очевидно, комсомольские посты качества тоже что-то проглядели в своей профилактической работе по предупреждению брака.

Ставшее привычным недельное подведение итогов, должен сказать, упростило задачу комитета комсомола. Мы распространили эту практику дальше, и все бригады охотно приняли предложение еженедельно обсуждать кандидатуры и называть лучшего в своем коллективе. И раньше в обычаях были предсменные планерки, когда бригадир распределяет задание на смену. Еженедельные совещания стало как бы логическим продолжением этого обычая: результаты всей недели — серьезный этап в работе бригады.

Наш завод одним из первых в отрасли отказался от индивидуального метода труда станочников. Объединив их в бригады, мы избавились от такой организации производства, когда каждый работал только сам за себя, стремился сделать как можно больше «своих» деталей. Из-за такого положения дел частенько оказывалось, что одних деталей — в избытке, а других, наоборот, не хватало. Можно было сколько угодно говорить о взаимовыручке, помощи новичкам, но при индивидуальной сделке слова часто оставались всего лишь словами.

Сейчас у нас идет массовый переход на работу по единому наряду, оплату за готовый технологический узел, а не за отдельные детали, операции: своеобразный бригадный подряд в промышленности. Появилась заинтересованность в общем результате труда, а не в своих личных показателях. Теперь, оценивая недельные итоги, выдвигая лучшего рабочего, совет бригады прежде всего задается вопросом: а что этот станочник, слесарь, сборщик сделал для всего коллектива?

...Комсомольско-молодежная бригада расточников Виктора Яковлевича Чернова стоит на последнем перед сборкой участке технологической цепочки. Сюда привозят сварные конструкции, корпуса турбин — каждая такая деталь весит несколько тонн. Самая ответственная операция — установка корпуса на расточный станок, от нее зависит 90 процентов успеха. Ни один расточник не включит станок, пока установку детали

Новой энергией, поиском и свершениями наполнены будни этих коллективов во втором году десятой пятилетки, когда на просторах нашей Родины широко развернулось патриотическое движение комсомольцев и молодежи «60-летию Октября — 60 ударных недель!».

Крупницы этого опыта трудно переоценить...

Ударная вахта молодых в честь знаменательного юбилея Советской власти — вот тема материалов, предлагаемых читателям в этом номере «Смены».

не примет у него Виктор Яковлевич: на корпусе турбины приходится обрабатывать до десятка плоскостей с высоким классом точности, и тут малейшая ошибка грозит превратить огромную заготовку в простую груды металла, годного лишь на переплавку.

Между станками выкроили небольшой свободный пятючок, оборудовали на нем что-то вроде красного уголка: поставили стол для собраний, оформили стенд. Стенд оформить тоже можно по-разному. Повесить пару красивых лозунгов или безликих плакатов — такое ребят не устраивало. Стенд у Чернова — деловая хроника жизни бригады. Здесь — договоры со смежниками, обязательства всей бригады, своя стенгазета, на центральном месте — экран 60-недельной вахты.

Вокруг стола уже расположилась первая смена: по рукам идет специальный журнал учета: в нем каждый станочник записывает, что сделал за день, — ведь бригада давно работает без ОТК. Наконец журнал возвращается на центр стола, и Чернов начинает планерку.

Одна неделя в жизни бригады... Что вместила в себя короткая рабочая пятитдневка?

Самое важное событие — заключили договоры о соревновании. Хочу подчеркнуть, что договоры заключаются не с кем попало (лишь бы соревноваться), а обязательно с участками, связанными технологической цепочкой. У бригады Чернова несколько договоров со смежниками — сварщиками, поставляющими корпус турбин, карусельщиками, сборщиками. Не помню случая, чтоб договоры не выполнялись по вине бригады: если у соседа заминка, другая бригада без напоминаний и уговоров приходит на помощь, иначе она и сама рискует подвести смежников.

В эту же неделю обсудили и приняли индивидуальные обязательства, комплексный план повышения производительности труда. А общий «материальный» итог таков: все свои задания бригада выполнила, как обычно. Сданы с отличным качеством корпуса двух энергетических турбин, не считая других, внеочередных заказов. Эти корпуса — общий результат труда 24 человек. Как, по каким цифрам и процентам узнать лучшего из них? Совет бригады называет фамилию группкомсорга Коли Белякова. Знаю, что Коля — первоклассный расточник, универсал, может работать на любом оборудовании, но этим бригаду не удивишь, и я жду, какими аргументами обоснуют свой выбор.

Во-первых, Беляков за одну вместо двух смен расточил корпус турбины. Во-вторых, единственный за эту неделю рацпредложение — тоже у Белякова: привезли в бригаду новую деталь — пат-

рубок, собирались, согласно технологии, на расточный станок устанавливать. А Коля что-то в уме прикинул, попросил вызвать в цех технолога и доказал, что проще и быстрее обработать эту деталь на карусельном станке. Выигрыш во времени для всей бригады — еще одна смена... И если каждую неделю вот так экономить во времени хотя бы смену, можно план двух лет закончить не 7 ноября, как обязалась бригада, а даже раньше.

Пятый раз подряд фамилия Коли крупно, чтоб из прохода было видно, заносится на экран соревнования. Планерка окончена.

Вторая смена расходится по рабочим местам, причем расходятся все попарно: вдвоем устанавливают детали, вдвоем настраивают станки. Это тоже обычай, пришедший вместе с бригадным методом. Дело в том, что бригада Чернова часто пополняется новичками, ее даже называют у нас «кузницей кадров». За короткое время ушли бывший бригадир Савранский, группкомсорг Макаров, опытный станочник Шаурин и другие. Все они были направлены на укрепление слабых участков. Савранский и Шаурин возглавили отстававшие коллективы, Макаров стал партгрупоргом тоже в «трудной» бригаде. А их место заняла совсем зеленая молодежь. Сейчас, например, шестеро из 24 человек меньше года как встали за пульта управления сложными станками. А вот на производственной линии труда, качества работы это никак не отражается. Бригада постановила: если новичок не справляется, то часть его задания выполняет более опытный товарищ. Так и родилась традиция — начинающий обязательно работает в паре с ветераном.

С самого начала в бригаду были включены и ремонтники и электрики. Первое время кое-кто считал их чуть ли не нахлебниками. Но когда случилась поломка станка и не нужно было, как прежде, бежать искать специалиста — вот он, в своей бригаде, — отношение к «нахлебникам» резко изменилось. А теперь электрики и ремонтники освоили и новую для себя специальность, стали квалифицированными станочниками. Сейчас и другие молодежные бригады строятся по такому же принципу: полная взаимозаменяемость, максимум различных профессий в одном коллективе.

Бригада кавалера орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Виктора Яковлевича Чернова — лучшая в нашем городе. Но не подумайте, будто ей «запланировано» первое место в соревновании в честь 60-летия Октября. На нашем заводе — 32 комсомольско-молодежных коллектива, и каждый из них — достойный соперник.

Когда все в порядке, «в ритме и цикле», люди в цехе как-то не видны. Каждый на своем месте, при деле, и все в разных позах: кто действует стоя, кто пригнувшись или даже присев на корточки—зависит от операции, от потребностей сборки. Больше бросаются в глаза станки, особенно такие, какие собирают на Воронежском станкостроительном—шлифовальные. Неофициальное их прозвище «шифоньер»—за размер названы и конфигурацию. Действительно похоже...

Так вот, покуда челнок рабочего дня спует равномерно, без перебоев,—участки смотрятся, если перевести на язык кино, как бы общим планом. Но стоит возникнуть сколько-нибудь серьезной заковыке, и производственный «кадр» сразу резко меняется. Становится крупным, жанровым, озвучивается человеческой выразительной речью.

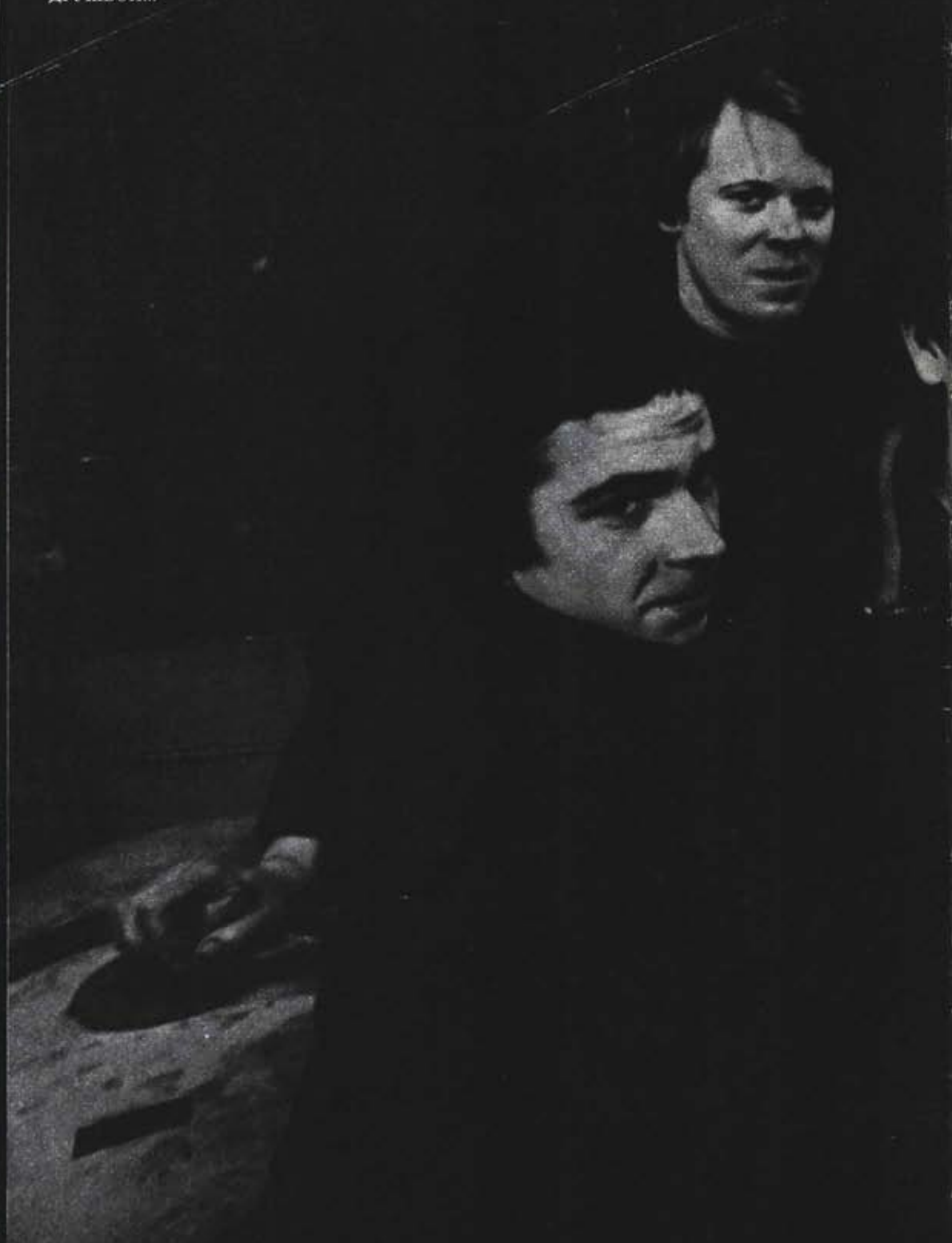
И надо же быть такому совпадению: как раз корреспондент приехал «отражать достижения и опыт», толчется на участке среди прославленных сборщиков бригады Александра Лунева, а тут вдруг с неба приземляется на участок принесенный крапом «шифоньер», собранный уже до последнего винтика, даже лампу на длинной ноге и под металлическим колпаком успели привинтить, и когда станок положили на бок, незажженная электролампочка устала на сбежавшую к месту происшествия бригаду выпуклым, холодным, злорадным взглядом. Сразу натекла лужа масла из маслопровода; на участок к поваленному «шифоньеру» моментально набежал народ: заведующий производством—с криком, конечно; старший мастер—озабоченный, взбудораженный; контролер—с видом одновременно и осуждающим и немного виноватым; соседи по участку... Ну, а как же: ЧП—станок с ОТК вернули. И кому ни случится пройти мимо, обязательно спросит с испуганной интонацией: «Что, повалили?»—как будто и так не видно...

Что интересно: Сашу Лунева, бригадира и «ответчика», присутствие корреспондента совершенно не смутило. Ни он, ни ребята его нисколько не попытались прикрыть широкими спинами этот неожиданный «подарок судьбы».

СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ ВЫПАДАЮТ НЕ СТОЛЬ ЧАСТО, НО И ОНИ НАПОЛНЕННЫ ЧТЕНИЕМ, РАЗДУМЬЯМИ, РОЖДАЮЩИМИСЯ ПЛАНАМИ...

ЛЮДИ, СПЛОЧЕННЫЕ ОБЩИМ ДЕЛОМ, ЦЕЛЮЮ, БУДУЩИМ, КОМСОМОЛЬСКОЙ ДРУЖБОЙ...

Элла ЧЕРЕНАХ

ЛУНЕВ И ЕГО

Станок вернули потому, что во время контрольных испытаний не показал он нужной чистоты обработки. Как любит выражаться зам. начальника цеха по технике Борис Константинович Веремей, «разбежались микроны», и все тут. Дело, конечно, нештучное: на станках этого типа (кстати, серийных) шлифуют шарикоподшипники, а хитрый «шарик» этот после куда только не «закатывается»: и в турбины, и в мотороллеры, и в детский велосипед, да и в те же «шифоньеры»... То-то и дело, что стучал там, внутри станка, этот самый шарикоподшипник, как нездоровое сердце. А должен работать несильно, и чтобы все было до микрона точно.

На вопрос, сборщиков ли вина в случившемся, Саша Лунев, не отводя немигающих темных глаз

от «подкидьша», ответил негромко: «Разберем до конца—выясним». Неуловимо—взглядом, что ли?—бригадир вернул своих людей по местам: время рабочее, делу не стоять. Коля Куркин опять взял в руки пневмоинструмент—просверливать отверстия на «бабке». Он мог бы сделать вид, что из-за шума, воя пневматики не слышит неприятного, повторенного вопроса: чья же вина? Но он не уклонился: «Брак? Не, у нас не бывает.—Быстрая улыбка «зайчиком» мелькнула на длинном художественном лице.—Неудачи случаются иногда». И Шура Банников и Виталий Бутусов занялись тем, на чем остановились: возились с кожухом «бабки», прессовали статоры. Конвейера на этой сборке нет, но технологию работы можно назвать коммунальной.

Все в зависимости от операции работают на одной и той же «бабке». По ходу дела, бывает, и в четыре руки приходится действовать одновременно. Шлифовальный станок по составу имеет 36 только основных частей: станина, колонна, пневмокоммуникация, механизм хода, сложное электрохозяйство, но «бабка», можно сказать, центральная его часть. Что это такое? Да проще говоря, это электромотор высокого напряжения. 40 киловатт мощности—ни больше ни меньше. Табун лошадей. Сидица! Луневская бригада занимается механической частью «бабки». Мощная-то она, эта «бабка», мощная, но и капризная донельзя. Все время борьба за каждый микрон точности. А микрон—тысячная доля миллиметра, вот на такую малость этот злопо-

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

СОРАТНИКИ

лучный поваленный «шифоньер» не захотел уступить. Конечно, дело временное. Разберутся, исправят. С предприятия ведь не ушел.

Каждый год с Воронежского станкостроительного завода имени 50-летия ВЛКСМ уходит в мир почти полторы тысячи шлифовальных станков разного типа, и на каждом фирменная гарантия—точно сбалансированные весы на фоне лучистой звездочки—Знак качества. Престиж станков высок и дома и в тех 45 странах, где их получают благодарные заказчики.

Но сейчас сам Лунев торопкой, цепкой своей походкой десантника уже унесся в сторону электропечи—запрессовывает там роторы. Банников колдует с трубками для маслопровода, и у «подкиды-

ша» только Витя Жуков—самый старший после бригадира, самый опытный. Уже отвинчены туго ввевшиеся винты, отвален тяжелый шлифовальный круг, и гибкие, умелые пальцы Жукова погружаются в вязкую густоту смазки, нащупывая и выбирая из лабиринтиков одну за другой 16 пружинок... Самое распроклятое дело для сборщика—разбирать уже собранное, сбитое, подогнанное, законченное. Крутишь все это кино в обратную сторону, да притом замедленно, дотошно...

Когда подошло обеденное время, некоторые любители собрались у притулившегося в углу цеха столика, и началась звонкая чечетка «козла». Лунев тоже стоял у стола, курил. Из всех ребят своей бригады он один носит черный берет немного набок,

поверх блестящих черных волос. И вместе с крепко сбитой, невысокой, коренастой фигурой, мягкими и одновременно точными движениями это еще больше усиливает его сходство с десантником—во всяком случае, как нам их рисуют художники и артисты. Лунев стоял у стола, слушал, наблюдал за игрой, успел перекинуться парой слов с крановщицей, спустившейся на время обеденного перерыва с «небес», и смугловатое лицо его было как будто спокойно. Но нет-нет глаза его обращались к «подкидышу» и, темные, темнели еще больше. Жуков в это время «забивал». Он сидел к «подкидышу» спиной, играл с азартом, как будто обо всем позабыв, но вдруг, разглядывая костяшки на широкой ладони—сразу по семь помещается, запросто

сказал: «Скорей всего пружины усилить надо... До шпинделя, думаю, не дойдет...» Когда место освободилось, сел и Лунев, но сразу же проиграл и вылетел: был явно не в форме.

Как войдешь на заводской двор, как раз на пути ко второму сборочному цеху, с заиндевшего стеллажа смотрит на тебя празднично одетый, при галстучке, Саша Лунев с орденом Трудовой Славы на груди. Тридцати нет, а с орденом. Вариант не такой уж обычный.

И в цехе тоже видно особое положение луневской бригады—фотопортрет Вити Жукова среди «лучших и почетных», на самом участке алый шелковый вымпел—награда обкома комсомола за классное место в соревновании.

Воронеж—город промышленный и, конечно, богат хорошими работниками. А все же не всех, как Сашу Лунева, знают по имени и в лицо.

К «подкидыву» на луневском участке никто не подошел со злорадным словом, попреком, намеком ли... Подходили с догадками, техническими советами, предположениями...

Что же особенного находят люди в молодом бригадире?

Из беседы с одним заводским кадровиком: «Лунев, знаете ли, природный труженик. Любит порядок во всем своем труде, чистоту исполнения. А тут еще повезло: ребята подобрались один к одному—молодые, но уж все в армии отслужили, женаты—значит, солидность есть, привязанность к месту. Вот в 73-м году появилась у нас бригада эта—из молодых, из комсомольцев полностью, и некоторые у нас сомневались: мол, не распадется ли? А она завязалась, пошла, и, пожалуйста, к 5 декабря прошлого года они уж план годовой закрыли. Бригада завидная. Удачное вышло совпадение».

Петр Максимович Некрасов, заместитель секретаря парткома завода: «Умеет Лунев снять конфликтные ситуации. Это не каждому дано. Вы слышали, что он с ребятами своими обещал два годовых плана к празднику 60-летия Октября дать? И посмотрите—дадут. Болтунов там нет. Саша болтунов не жалуется».

Борис Константинович Веремей, заместитель начальника цеха, занятый в производстве вот уж скоро 30 лет: «В Луневе—ничего от кустаря, поделщика. Никакой попытки зажать что-то в себе, никаких этих «от» и «до»—и до свидания. Допустим, не завезли ему к началу работы подшипников. Он и минуты не ждет. Берет кару, сажает своего человека, завсклада в охапку—и марш, живенько нам подшипники. «Перекуривать» это дело не станет да кивать на начальство повыше. Утрясает лично. Бывает, детали какие-то поступают недоведенные. Он это дело «засечет», без проволочек оформит и сразу начинает жать, чтобы их тут же, на его глазах, в нашем же цехе довели, исправили. Оправку вон выдумали на его участке—простая вещь, а никто же не додумался раньше: статор 100-килограммовый теперь при операциях не два раза крану поднимать да ставить, а один... Да всех мелочей не перескажешь... Впрочем, какие же мелочи? В работе нет мелочей... В 74-м году начина-

ющая еще была эта бригада, а смастерили-таки «сверхурочника»—«бабку» собрали для комсомольского станка. Ушел этот станочек в общем потоке со Знаком качества... В работе у нас мужали ребята. Техники они не боятся, всегда доищутся, «что из чего». Молодость, задор... Ну, и грамотность имеется». В комитете комсомола Лунев был аттестован как отличный группкомсорг. В партбюро цеха, куда он недавно избран, о нем отзывались как об ответственном и обязательном товарище.

Трудовой стаж и трудовой опыт человека не всегда совпадают. Это уж как у кого жизнь повернется. У Лунева она повернулась так, что в школьные каникулы не он под солнцем на песочке лежал, а песочек—на нем: приходилось подсобником на стройке работать. Мать хворала, отец работал на заводе, детей в семье трое. Приходилось идти на стройку. Тогда еще 11-летка была, «затягивали инкубационный период развития». Но Лунев свою профориентацию еще в 8-м классе закончил. Он сразу, с первой производственной практики, застолбил свое будущее на станкостроительном. И недели не пролегло между последним его школьным экзаменом и первой рабочей сменой на заводе. Взяли его охотно, как уже знакомого, поставили на привычные по практике школьных времен «узелки». Сборка ему всегда нравилась: «без тупости работа» и разнообразная, тут тебе и осверловка, и развальцовка, и фрезеровка, чего только нет! Да и сами «бабки» по устройству разные—не дают мозгам заржаветь.

После того, как отслужил в армии, предлагали много соблазнительного: на любую крупную стройку, новый завод. На БАМ даже. А его потянуло в Воронеж, на свое место. Вернулся он окончательно. «Я люблю в постоянстве работать. Зачем бегать, приключений искать? Занятие для мальчишек». Такие люди взрослеют раньше многих своих сверстников.

Собирать, заметьте, можно разного типа «узлы». Бригада—тоже «узел». Сегодня ты, скажем, понял, в чем особенность твоего дела. Завтра—в чем твои слабости, послезавтра—в чем сила людей. А после послезавтра—это уже опыт, знание жизни.

Мягкий человек Саша «Бабку» новичку объяснит, каждую деталь ласково назовет: «редукторишка», «шарошечка», «флянчик». Глаза у него хорошие, смотрят доброжелательно. Он играет немного на гитаре и любит иногда спеть под ее переборы есенинскую «Родину» или «Русь». Негромкий голос. Сдержанные жесты. Никогда на человека не заорет, даже если вроде есть причина. Словом, это не «волевой тип командира производства». А между тем тот же Веремей как-то заметил (и все его поддержали), что «не было случая в любой ситуации, чтобы бригада ослушалась Лунева или вообще возникли трения».

А ведь одинаковые у его ребят только черные спецкуртки и спецштаны... Возраст, пожалуй, тоже общий—комсомольский, но ведь молодые не значит похожие. И не только в том дело, что Куркин или Банников, скажем, люди веселые и острые на язык, а Сережу Долго в шутку называют «баптист»

за чрезмерную молчаливость и глухоту к юмору. Разная у людей реакция: где один управляется быстро, другой притормаживает на том же месте. Разная у ребят и подготовка, разный стаж и разная квалификация. Самые высокие разряды у Лунева и Жукова, да и опытом они превосходят пока всех прочих в бригаде. Между тем работа идет на общий наряд. Бригадир получает работу на всех, его обязанность и его право—раздать ее в наиболее выгодной и для работы и для самих людей комбинации, а затем закрыть наряд и проставить всем «рубли». И вот на этом «тонком» этапе и начинается линия стратегическая. Заходя вперед, скажем, что заработком (200—250 рублей) довольны все. Кто и что умеет лучше всего—Луневу ли не знать? Он встретил каждого, кто новичком пришел к нему в бригаду, прошел с ним на «бабках» начальный, самый трудный практический курс сборки—как бригадир и как наставник.

Банников хорошо помнит, как он вернулся из армии, имел 4-й разряд—до службы заработал, но сам чувствовал, что на практике этой работы еще «не тянет». «Опыт подкачать надо. А спросить с меня имели полное право. Раз аттестован по четвертому—соответствуй. Наряд-то общий. Если ты не смог, за тебя другой перемог. Я и думал: а кому это надо? Неприятности ждал, накачек, попреков. От того же Лунева. Я ж не знал его как человека. А он? Как будто так и надо, как будто ничего. Только стоит со мной больше, чем с другими, показывает, поправляет. Нормально, говорит, втянешься, это и сейчас видно. И стал он моим другом с тех пор, поверите? Потому что я понял: у него наряд человека не заслоняет. Рубль у него не дороже человека. И действительно, стал я работать вроде не хуже других. Время вместе часто проводим. С ним вообще интересно. Все на рыбалку зимнюю с ним хочу съездить, но не получается: во всей бригаде овчина, шуба то есть, у одного меня. Ну, конечно, я ее Сашке. Он сумасшедший рыболов-любитель. А вообще пора теплое что-то парню достать, бегае он у нас в курточке, остудится».

В этом естественная тактика Лунева—он не поставит человеку завышенный разряд за так, за хорошие отношения. Он хорошие отношения «использует», чтобы человека научить и действительно заставить на разряд вытянуть.

Бутусов—самый молодой рабочий. Его даже недавно «посвящали в рабочие», как это водится теперь на заводах. Но вначале Бутусова «посвятил» тот же Лунев. И у него первые рабочие недели на «бабках» шли вкривь и вкось: ломались метчики, летели сверла. И за это, конечно, не приходилось ждать поощрений. А Лунев? Конечно, и он премии за то не обещал. Но не было ненужных, жестких, ругающих слов... «Когда Саша научил исправлять поломанное, то у меня как-то меньше стало чувствования за порчу, ну, подавленности, что ли, смущения перед остальными. От Саши—обстановка такая легкая, обживаешься—не замечаешь как. Работает опять же он больше всех. Вы знаете, что вчера, например, кому-то во вторую смену выйти надо было. Как бригадир он мог послать любого. Но

«ПРИКИДКА» ПЕРЕД СТАРТОМ.

СМОТРЕТЬ ВПЕРЕД, УМЕТЬ БЫТЬ СТРАТЕГОМ, МОЖЕТ БЫТЬ, УСПЕХ НАЧИНАЕТСЯ С ЭТОГО—С ОБЫЧНОЙ БРИГАДНОЙ ПЛАНЕРКИ.

ПОБЕЖДАТЬ ЕЖЕДНЕВНО, ЕЖЕЧАСНО!

ЗАДАНИЕ НЕ ДЛЯ «СЕРЕНЫХ».

вышел сам. А у него двое детей, и как раз болеют...» Так Бутусов говорит о бригадире.

Саша объяснил мне свой выход во вторую смену «с практической точки зрения»: «Кого же я мог еще послать? Доля в отгулах был. Ну, а ребята должны отдохнуть, они уже смену отмахали. Как я с них завтра работу спрошу, если они не отдохнут как следует?»

Как будто сам он не «отмахал» смену с ними. Математика простая: от себя дать побольше, себе взять поменьше. На разнице выигрываешь авторитет. Но Саша не «игрок», не «карьерный человек». Он просто сознает, что и производственные и общественные навыки прививаются лучше всего «на глаз», а не «на слух». Если нужно, скажем, организовать ребят на дежурство дружинников, он подойдет к ним не со словами: «Ты пойдешь», а «Мы с тобой пойдем». И это для него в логике вещей: если любишь спорт (а все у них в бригаде разрядники — по футболу, гандболу, лыжам), то как можешь не выйти в субботу на строительство заводского спортивного дворца? «Сейчас ведь сами довольны, хозяином входи в любую из 13 секций — не на готовенькое ведь, сами делали».

И турбаза «Березка», и пионерлагерь, и новое рабочее общежитие — все это, укладываясь в Сашину логику, «было за ними». «Ну, а пользуетесь-то теперь кто? Мы, наши дети. Тут, по-моему, полный баланс». Конечно, Саша имеет дело не с «сырым» — с активным, сознательным народом. «Жуков у нас — член цехового комитета комсомола. Доля — за группкомсорга, мой то есть помощник, а помощник мне нужен: в группе 14 человек. И для остальных мало ли дела: рейды, комсомольские посты, работа с новичками. В 23 года ты уж наставником можешь быть...»

Но ведь это нужно уметь поддержать. Умение подметить в человеке самую сильную его сторону или ценную особенность, повернуть к практическому делу — тоже бригадирская черта. Жуков на участке закреплен за балансировочным станком. Только он один. Потому что шпиндель балансировать — тут не просто надо ручки и кнопки на станке крутить и нажимать. Интуиция нужна, приспособленность. Лучше Жукова никто не сможет, тут и спора нет».

— И даже вы, Саша?
— Конечно!

...Бывает, люди рядом работают годами, а спросишь адрес соседа — только плечами пожмет. Здесь же знают семьи, отмечают вместе праздники и дни рождения, собираются поговорить «за жизнь» — и общественную и личную. Иной раз очень и очень личную — только с друзьями можно о таком. Спокойно, без оглядок, могу написать, что в центре сложившейся, сплотившейся этой молодой коммуны — Саша Лунев. Зашла как-то у нас с ребятами речь о жилье. Все наперебой заговорили о Луневе: «Сашке надо дать. Он с двумя детьми, женой, отцом на тесной жилплощади. Просто он не лезет, не кланчит».

— Жуков вон тоже в старом доме живет, — отводил от себя разговор Саша.

— Да я-то ведь со всеми удобствами, — не уступал Жуков.

— Ну, ладно вам, ребята, я ж на очереди стою, дадут мне в конце концов, вы что! — закончил обсуждение Лунев. Но отношением ребят был заметно тронут.

«Саша — друг, Саша — душевный парень». Но не попробуй ты у него опоздать, прогулять или схалтурить. Прогульщику, лодырю или халтурщику он другом быть не может. И больше того — он станет ему врагом.

Пустословие. Вот что он ненавидит. «Пустословие, просто формальщина разлагают людей. Они разуверятся в своих возможностях».

Я видела обязательство бригады Лунева к 60-летию Октября. Оно составлено лаконично и деловито. И первый пункт стал хорошим воспоминанием: план первого года десятой пятилетки выполнен к 5 декабря. Но еще впереди — добиться звания ударной комбригады. Сборку делать только качественно, сдавать с первого предъявления. И есть зазорный пункт: вызвать на соревнование новую комсомольско-молодежную бригаду — Володи Макеева. Но главным там было: дать два годовых плана в честь славного юбилея.

Программа, как видите, солидная, хотя вся помещалась на одной страничке, не очень большой по размеру.

Посмотрите, как Лунев измеряет время: «В девятой пятилетке я работал один, не в бригаде, и присудили мне звание победителя за этот год, так как я пятилетку выполнил за 2 года и 8 месяцев. Значок храню, грамоту. Но скажу честно, когда теперь хвалят бригаду, мне как-то больше удовольствия. И работать сообща много интересней».

Человек меряет время пятилетками, ворокает масштабными понятиями. И когда он обсуждал со своей бригадой обещание «дать два плана», он уже опирался на свой опыт управления с временем и производственными делами. И люди, подписывавшие обязательства вместе с ним, знали об этом и подписывали уверенно.

«Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых». Мне вспомнилось хозяйство Лунева — небольшой его, чисто прибранный участок, статоры, похожие на круглобокие глечки, в оплетке проводов, заботливо разложенные вдоль длинной стойки. Гремучего шума и раздраженной ругни, сопровождающей поиски нужного инструмента в захлапанных ящиках, тут никогда не услышишь: сверла различного диаметра аккуратно торчат в ячейках специально сработанной решеточки. И банки со смазкой и маслом, и ветошки, и всякая нужная вещь — все строго разложено по своим местам. Луневские ребята не бегают по соседям с криком: «У вас не найдется?» Бригада хозяйственная: и организовать все, что для работы надо, умеет, и побережет. И стойка и решеточка для сверл собственного производства и изобретения, а иначе говоря — творчества. С этого и начинаются «эффективность и качество».

Где-то у самых истоков бригады стоят люди, которые были наставниками и самого Лунева. Он

называет тогдашнего секретаря комсомольской организации Александра Сеченых, сборщика Виктора Иванова. Сеченых «подтолкнул», кстати, создание бригады, Иванов учил его и Жукова сборке «бабок» — он в этом деле великий специалист. Лунев очень это подчеркивал: тогда был получен изначальный заряд солидарности и взаимоподдержки, энтузиазма. А в цехе разве мало было внимания к молодой бригаде? Да в том же комитете комсомола и в партбюро всегда находилось время для разбора их проблем и просчетов (а они случались).

И как сегодня не сопоставить хозяйскую повадку Лунева и Бориса Константиновича Веремея, рассматривающего свой цех как «квартиру на 4 тысячи квадратных метров с антресолями». Раньше цех был сильно «разбросан», а теперь «жилцы» не могут нарадоваться на удобства и благоустраиваются как только могут.

Цветы в цехе растут в каких-то особенных, полированных ящиках. Чисто. Дорожка для машин и электрокар тщательно прочерчена и хорошо заметна. И это стремление уйти от обезлички, казенщины очень совпадает с настроением и стремлениями луневской бригады, а может быть, одно и следует из другого?

Люди кончают работу, подходят к проходной. Над ней плакат: «Дорогие товарищи! Спасибо за труд! Желаем доброго отдыха».

С днем рождения поздравляют.

На стенде для информации появляются (без опозданий!) приветствия победителям соревнований — за неделю, месяц или год. «Молнии» комсомольских постов по качеству, список фамилий тех мастеров, которым вручено личное клеймо...

И конечно, там же — экран социалистического соревнования. Что отражает этот экран? Возрастающие темпы. Энтузиазм. Творческое отношение к делу. В юбилейный год это соревнование, можно сказать, приняло оттенок романтический. Каждая нынешняя трудовая неделя посвящается одному из славных прожитых страной шестидесяти лет. И в этом есть волнующая символика.

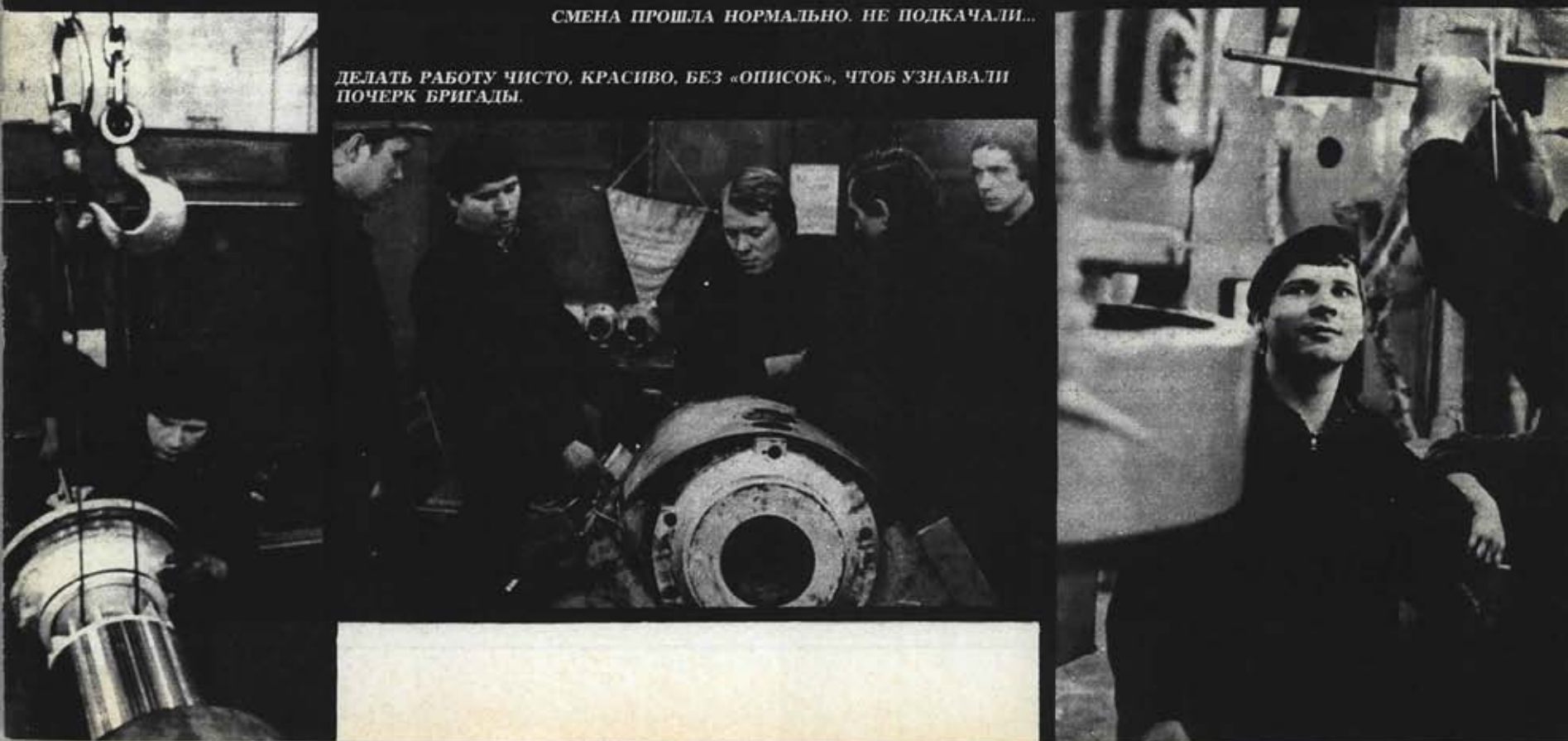
Те недели, о которых идет речь, пришлись как раз на 30-е годы. Именно в эти годы Воронеж закладывал основы новой советской индустрии, рождались знаменитый «Электросигнал», дизельный завод, весовой, силикатного оборудования — «киты» воронежской промышленности. Через годы, через поколения эхом откликнулись внуки на комсомольскую ярость и упорство дедов своих, поднимавших индустриальную целину, — им было тогда столько же, сколько теперь ребятам из луневской бригады...

Ну, а как же «подкидыв»? Когда я уезжала, он еще лежал на луневском участке, но специалисты определенно выразили мнение, что «допущенная опечатка» — из-за детали со скрытым браком, и сборка тут ни при чем. Но все в той же позе напряженного внимания стоял у «подкидыва» Жуков, и озабоченно прикидывал что-то Лунев: «шпатель» надо сдать как можно быстрее.

Производственный кадр стал почти прежним: люди не «завоевывали успех», а просто работали...

СМЕНА ПРОШЛА НОРМАЛЬНО. НЕ ПОДКАЧАЛИ...

ДЕЛАТЬ РАБОТУ ЧИСТО, КРАСИВО, БЕЗ «ОПИСОК», ЧТОБ УЗНАВАЛИ ПОЧЕРК БРИГАДЫ.

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

Борис ФАИН

РАССКАЗ

I

По улицам шли туристы с сумками и аквалагангами, матросы с транзисторами, женщины в белых панاماх. Антон, приехавший в отпуск к родным, не уставал разглядывать с балкона это шумное шествие. Люди спешили на пляж и там, в сутолоке, купались, загорали... А дома было тускло и тягостно. В двух больших комнатах под ногами поскрипывал паркет, на сквозняке колыхались занавески, слышались со двора голоса ребятишек. Здесь господствовала та недоброжелательная тишина, которая предвещает ссору. Мать болела радикулитом, лежала в меньшей, темной комнате и все требовала, чтобы были настежь раскрыты окна, и одновременно куталась в одеяла, постанывая.

Приезд Антона сначала не повлиял на нее. Она встретила его плачем и жалобами на болезни, злыми намеками на неверность отца—намеками, которые Антон и прежде уже слышал... А отец стоял тут же, в терпеливой позе, полный, крепкий человек, стриженный ежиком.

Брат дудел свое: о работе, о товарищах (он лишь в прошлом году окончил институт), рассматривал новый портфель-чемодан Антона и шутил:

— Махнем на рубашку и авторучку?

Антону все здесь было знакомо—он и пять лет назад приезжал сюда и два года назад. Разве только сам теперь был непривычен в этой меньшей, темной комнате—он раздался в плечах, потяжелел после своей длительной зимней поездки на Север. Он приехал сюда потому, что родители звали его в письмах, в редких телефонных разговорах, звали требовательно и жалостливо—никак не желали смириться, что их старший уже давно живет сам по себе. Антон был женат, его жена и две дочери отдыхали сейчас километрах в ста на небольшом курорте у моря—совсем близко. Он их отвез, а сюда приехал, как всегда, один.

Это были странные приезды.

В этот раз Антону, прибывшему на юг с семьей, особенно не хотелось отрываться от своих даже на время... Сюда же они не могли приехать, их здесь не ждали, не приглашали их сюда—и Антона злило, что сын в нем преодолел отца и мужа, что приехал он по долгу, по обязанности, доставляя утешение одним и неудобство, обиду другим близким ему людям. Устал он от всего этого; а из его намерения что-то изменить ничего не получалось...

Именно в этот раз его готова была оставить обычная сдержанность. Он все выслушивал, воспринимал, перемалывал в себе с какой-то обостренной активностью, восполнял прежними, еще детскими воспоминаниями то, чего не досказывали отец и брат.

Отец снова работал. Не стерпел, ушел с пенсии. Ему было шестьдесят два, но его крепкое тело, цепкий взгляд быстрых диковатых глаз, увесистая поступь—вся повадка, характер не смогли смириться с квартирным пленом. Он завел гантели—они лежали на нижней полке книжного шкафа,—по утрам тихо, чтобы не разбудить мать, пускал приемник и делал гимнастику. Потом ходил на рынок, подметал, а иногда и мыл полы, прочитывал по полдюжины газет—и все же девать себя ему было некуда. Он жаловался сыну:

— Кто это придумал—списывать в отставку? Да я еще...

А мать не велела ему возвращаться на работу, играла на слабых струнах:

— Самолюбия у тебя нет, Корин!

Она всегда его так называла—Корин, по фамилии.

Отцу сняли персональный оклад, и выходило, останься он—работать пришлось бы почти за те же деньги, что и пенсия. Ему бы и наплевать, но она все вымерила и учла. «Нет никакого смысла»,—говорила мать и ссылалась на соседа, нянчившего во дворе годовалую внучку. А отцу некого было нянчить—только обслуживай ее да самого себя. «Ты никогда не считался со мной, Корин»,—упрекала она его и настаивала на том, что больна, что ей нужен присмотр, что пора, наконец, и ей дать пожить.

И отец сдался.

И потом ему все виделось его шестидесятилетие—с цветами, с речами, с нарядными папками золоченых адресов, с дорогими подарками, с телеграммами от коллег из ближних и дальних городов. «Неужто не нужен стал?»—думал он, прожидая тот день и час, когда скостили ему этот несчастный персональный и поставили все дыбом...

Вскоре его вызвали, мягко пригласили: «Ждем тебя, Владимир Алексеевич».

Но он уже был не тот. Слишком отравлен был ее наставлениями, в нем разыграло ретивое, он обещал подумать—только подумать...

Однообразное и медленное было время. Но вот с мая он решился...

Правда, пошел на другой завод—помельче, попроще—и оклад не тот, что раньше, но зато не начальником отдела, а замом директора. И снова началось: планерки, совещания, командировки, телефонные бои, беседы с посетителями.

Только обедать домой он теперь не ходил. Это было ее отмищенье. «Я большой человек!»—подчеркивала мать и не убирала, не готовила, и он, чертыхаясь, мел по утрам две здоровенные комнаты и ворчал на младшего сына: «Чужеспинник, помог бы...» Но «чужеспинник» много работал, крутил романы и приходил поздно. И поздно вставал.

У него была масса увлечений, которые он еще со студенческой скамьи называл «хобби». Теперь некоторые из этих хобби наряду с профессией стали давать заработок. «Чужеспинник» решил копить на комнату в кооперативном доме.

— Халтурщиком, смотри, не сделайся,—предупреждал Антон младшего, а тот сокрушенно вздыхал и перечислял, что завтра надо и на стадион и в Дом культуры, а еще завтра же приезжает одна, а он не знал и накануне условился с другой, и что теперь делать—черт его знает!..

— Погряз, погряз,—посмеивался Антон.

— Все-то ты над ним смеешься,—говорила мать из другой комнаты: слух у нее был завидный. Отвечал брат:

— Не будь третейским судьей.

Антон видел: и безобидная ее реплика выводит младшего из себя.

...Отец и брат уходят на работу, а Антон то лежит, читает, то с балкона смотрит на вереницы людей. Мать время от времени зовет его:

— Антон, Антон, ты бы поел, сыночек. Там в холодильнике мясо, в буфете фрукты. Может быть, на днях я встану, ты не будешь так связан из-за меня. Много приходится работать? Ты устаешь очень? И по дому, конечно, хватает. Наверно, везде ты: и в магазин, и в детский сад за Валец, и в прачечную...

— Только в прачечную.

— Рассказывай...

Антону хотелось добавить, что помогает он по дому очень мало, что жене и так достается, ведь работает, и ему, если откровенно, совестно и он желал бы больше помогать. Но Антон сдержался, предугадывая ответ матери. Она б сказала так: «Ты хочешь подчеркнуть, что раз я не работаю—значит, бездельница, значит, недостойна уважения. А бросила работу из-за вас, из-за детей, я вам все отдала». И, конечно, расплакалась бы.

А мать продолжала:

— Со своей женой ты, конечно, так не разговариваешь: «Не веришь—не верь». Тебе безразлично ее мнение. В прошлый твой приезд у тебя с языка не сходило: «Валек-большая сказала... Вале нравится... Валек, Валек...» У вас в доме как она говорит, так и делается. Не то что здесь.

— Ты должна радоваться, что у отца еще много сил, что он может работать.

— Ради бога! Чем меньше я его вижу, тем мне легче.

Мать словно несла груз неудовлетворенности своей семейной жизнью в его семью. Антона угнетали эта ее недоброжелательность к жене, это холодное «в сад за Валец»—о Валекке-меньшей, о родной внучке, это умелое умолчание еще об одной дочери—о старшей. Ну, хорошо, размышлял Антон, в первое время тебя еще можно было как-то понять: по-твоему, не так сын женился. У Валентины все-таки ребенок... Но ведь уже сколько прошло! Родная внучка появилась, растет. А ты все хочешь вбить клин. Непорядочно. Просто непорядочно. Развести, подтолкнуть жениться заново. Зачем? Потешить свое материнское самолюбие?

Сначала мать говорила словами мягкими, круглыми, любвеобильными, потом—злыми и раздражительными. Голос накаляется до крика:

— Ты бы у своего отца поучился быть эгоистом!

А Антон уже устал. «Все старые слова, старая неприязнь, отравлявшая мне и брату Тольке жизнь». Не считая больше свое молчание честным, он говорит:

— Я не на твоей стороне, как хочешь.

— Спасибо, сын,—отвечает мать и опять отворачивается к стене. И замолкает надолго.

...Но на другой день после этого разговора она неожиданно поднялась, захлопотала по дому, собралась с братом на базар—у него выдалось «окно». Озоруя и радуясь, брат говорил Антону:

— Эй, чудак, пойдешь в город, забеги к старику, скажи, по всем признакам предвидится обед. Он как штык будет. Не каждый день такие вещи...

Антону и самому хотелось поглядеть на отца в рабочей обстановке. Он стал расспрашивать, как пройти на завод. Объясняя, брат между делом спросил: — С мамой поругался? Нет? Что-то она не такая... Ты, Антоша, не вмешивайся в их дела. Я, знаешь, давно не вмешиваюсь...

«Не вмешивайся». — думал Антон уже на улице, и видел в витринах свое угрюмое лицо, и еще больше мрачнел.

Отец, когда Антон пришел к нему, разговаривал по телефону. Жестом пригласил садиться. А закончив разговор, как-то неуверенно сказал, показывая на стулья и стены:

— Кабинет, правда, небольшой...

Отец словно извинялся перед ним в чем-то. В том, наверное, что он теперь, в сущности, не на такой большой работе, как прежде, будто это для Антона имело значение. В том, вероятно, что пришлось ему поддаться годам, обстоятельствам. Отец словно бы извинялся и в том, что вот он, Антон, места себе не находит в родном доме и вот пришел к нему, в его неказистый кабинет, и сидит, и не знает, что сказать, чем объяснить свой приход...

А Антон и прежде любил ходить на работу к отцу. Любил, когда секретарша, приоткрыв дверь, говорила:

— Владимир Алексеевич, Москва на проводе... Череповец... Белгород... Архангельск...

Антону нравилось, когда отец, поднимая трубку, заполнял кабинет гулким баритоном и выговаривал кому-то, что заводу нужны кабель, лес, металл, транспорт. Что, если надо, пошлет представителя или сам вылетит. Что готов ждать, что будет звонить из дома, к ночи. И он звонил из дома, раздвигая свой рабочий день до полуночи и еще. Звонил в далекий город, звонил в заводскую диспетчерскую, на склады, на станцию, в порт. Он работал много, шумно и беспокойно.

И сейчас, в приглушенности маленького кабинета, отец виделся Антону непривычно тихим, неуверенным в себе, даже жалким. И Антон подумал о том, что отцу, наверно, очень нужна поддержка матери, его жены, что ему необходимо спокойствие дома, что он уже не так здоров, как раньше, не так вынослив, что ему обязательно нужен отдых, а еще больше — доброжелательность... И он сказал об этом отцу, и отец с ним согласился:

— Поверишь, часто домой идти не хочется.

— Но и ты, видно, не всегда прав бываешь.

— Я, Антон, не претендую на абсолютную правоту. Это мама себя всегда правой считает.

— Эти бесконечные разговоры о женщинах...

— Ну, ей-богу, сын! Может, что и было когда-то... Так все плохое помнит. А хорошее — его как не бывало. Как будто...

Антону было неловко, он прервал:

— Я понимаю.

Да, нерадостно это — быть судьей родителей. И все же Антон, уже совсем взрослый, мог, обязан был как-то повлиять на все. Но как?! Словами здесь нельзя было помочь.

Помог в чем-то сам факт его приезда, его углубляющаяся озабоченность, относительная близость жены и дочерей — он о них вспоминал, часто заговаривал... Все это мать замечала, видела: душа у сына не на месте... И поэтому, наверно, наступили другие дни. Благополучные, тихие. Мать повеселела, занялась хозяйством. Ходила в пестром платье, напевала, по три раза на дню звонила отцу. И довольный отец выполнял все ее просьбы, а приходя домой, пошучивал:

— Вот муж, а, сынок? Учись.

— Да-да, — мать тоже посмеивалась, — молчал бы ты, Корин.

Она, как и прежде, красила волосы, поджимала губы, ходила чуть прихрамывая... Но вообще все у нее зависело от настроения.

Антон все чаще вспоминал, что его жена и дочери жили где-то «дикарями», снимали комнату, стояли в очередях в столовую, и вообще, как им там было, неизвестно. Только адрес на руках. Он не удержался, сказал об этом отцу. Тот побагровел по самый ежик и непонятно ответил: «Да, да...» И замолчал. Потом говорил с матерью, и, кажется, они снова поссорились. Это брат Антону сказал. И добавил:

— Как надоело! Ушел бы куда глаза глядят. Хату отстрою, только они меня тут и видели.

И вот Антон стал собираться к своим, укладываться. Подошла мать.

— Возьми внучке тут... Я материал на летнее платье набрала.

— Спасибо. Только, знаешь, ехать к троим, а везти одной...

Мать потускнела, сгорбилась и молча ушла в маленькую, темную комнату.

Со двора долетали голоса мальчишек, чей-то высокий тенор требовал: «Бей, тезка, бей!» Послышался удар мяча об асфальт.

Антой спустился во двор, направляясь на автобусную станцию за билетом. Поодаль, в тени деревьев, сидели женщины («Кумушки», — обозвал их про себя Антон), и до него донеслось со скамеек: «Старший!»

Он знал, что и мать здесь посиживает, и выкиает в дворовые дела, и перемывает косточки. Но тут он подумал, что ведь не всегда она была такой, как сейчас.

И вот что странно: сама мать словно забыла то действительно горестное и тяжелое, что было в жизни и что сумела преодолеть. Из-за любых мелочей раздувала кадило, а в большом и значительном для всей семьи упорствовала молча, годами, настаивала на своем. Так было с Валентиной и старшей дочерью, так оставалось и с появлением Вальки-маленькой... Мать становилось жаль. Сколько ей жить осталось? Когда еще повторится для семьи Антона и этот юг и близкое соседство с домом матери? Мысль о том, что не скоро они еще раз будут на юге, в каких-нибудь ста километрах от дома, и в этом «не скоро» есть опасность для матери вообще не увидеть внучку, которую она — одну из всех — хотела видеть, — эта мысль, страшная в простоте своей, не оставляла Антона.

Он простился с ними завтра, ранним утром. Прощание вышло нерадостное, неопределенное.

II

Антон приехал к своим в полдень. Солнце палило, он измаялся в дороге, а теперь заволновался — не верилось, что еще пять, три, одна минута — и он увидит их. А когда пришел по адресу, узнал, что жена и дочери еще не вернулись с пляжа. Он оглядывал порог дома, где они жили без него, — цементное крыльцо, половичок, марлю в дверном проеме — и расспрашивал хозяйку, как, мол, жена и девочки.

— Очень даже довольны,—с доброй улыбкой отвечала женщина и предлагала то сестре, то умыться с дороги. Но он, поблагодарив, пошел их встречать.

Шел людными улицами, выбирал места, где тень. Примечал ларьки с яблоками, вишнями, ранними арбузами, лотки с пирожками и мороженым, магазины. Хотелось закупить разного и помногу. Так дошел до пляжа. И, уже не надеясь встретить жену и дочерей, прошел вдоль песчаной косы, шумной от голосов, от прибой, и окончательно понял, что разминусся. Так и было. Во дворе его вновь встретила хозяйка и приложила палец к губам. Он шагнул на крыльцо и увидел жену.

А через полминуты Валентина, загорелая, в домашнем халатике, откинула лицо и жалостливо сказала:

— Ой, Антоша, зуб меня доводит. Ноет и ноет...

И прежде чем он успел посочувствовать, жена показала ему на соседнее крыльцо—там стояла младшая.

Увидев отца, девочка сперва неширокими шагами, а потом опростетью бросилась к нему, обхватила шею. И он почувствовал, какая она у него худенькая, хрупкая. И ему показалось, что в объятии ее есть что-то сиротливое... Антон целовал ее нежно, осторожно, боясь усилить в ней ощущение встречи—чувства так и трепетали в девочке, она вся напряглась под каким-то сильным необъяснимым напором... Ах, как он знал ее, Вальку-меньшую! Первые минуты—робость, тишина, а потом закатывающийся смех, резвость, не удержись. Но это потом, а сейчас... И он вспомнил, как она его встретила, когда он вернулся с Севера. Так же качнулась к нему, обхватила, так же целовала и совсем уже вымученно объяснила: «Я думала, ты там умрешь».

Антон был инженером-дорожником. И часто уезжал.

Ночью в каком-нибудь таежном балке, укутавшись в спальный мешок; по три раза на день принимая спирт, который ненавидел и который надо было пить, чтоб не замерзнуть; в шесть утра поднимаясь, чтобы успеть в тесной столовой взять горячее, потому что днем толком не поест—ждала дорога; понимая, что Север суров к человеку, заставляет жить и работать за счет выносливости, за счет накопленных ресурсов—физических и душевных, Антон утверждался в решении отвести летом всю семью на благодатный юг, к морю. В этом не было прямой логики—домочадцы Антона никогда на Севере не были, но, испытав на себе его суровость, его скупость к человеку, Антон желал Валентине и дочерям щедрости и ласки юга. Это было острое и непрощенное желание. И еще: на этот свой отпуск Антон возлагал определенную надежду. До смерти надоело, когда одни близкие ему люди оставались отчужденными от других,—и он думал, что удастся свести жену и дочерей с матерью и отцом, с братом—все-таки привез свою семью почти к самому родительскому крову, но обстановка дома была прежней, характер материнский ни в чем не менялся, и расстроенный Антон, отступая от своей мысли, вынужден был возвращаться к семье несолоно хлебавши...

И вот они на юге. Вот он, Антон, идет от ларька к ларьку, из магазина в магазин—и его сумка тяжелеет от фруктов, сладостей, копченостей. А Валька-меньшая уже ест мороженое, а в другой руке несет другое—сестре. Та, задержавшись на море, накупившись с изрядком, спит, выставив из-под белой простыни коричневое плечо. А когда просыпается, Антон подходит к ней, наклоняется:

— Ты у нас потолстела, Татуся...

Ее зовут Вера, но так от бабушек повелось—Тата, Татуся... Но что это? В ответ на его слова глаза Татуси наливаются слезами, она отводит руку Вальки-меньшей с протянутым мороженым, отворачивается. А Валя-большая шепчет ему:

— Самое крупное несчастье—потолстеть. Как не понимаешь? И ничего не сделаешь, скоро тринадцать...

Антон хохочет, поднимает Татусю, длинноногую, упирающуюся, и объясняет, что это только щеки, а вообще она что надо, спортивная девочка. И у Татуси просыхают глаза, и она уже косит ими на тающее мороженое и, потупясь, спрашивает Антона:

— Ты привез открытки артисток?

Это было универсальное «ты». Папой она его не называла. Вот то, может быть, единственное, что отличало его от ее родного отца.

Только ночью, когда улеглись, Валентина сказала:

— Мы уж боялись, ты нас совсем позабыл.

За окном была черная южная ночь со светлыми звездами, с волнами теплыни, шорохом листьев. Валентина шептала:

— Татка с девочками сдружилась, а малышкой здесь нет во дворе, Валька ей никакой жизни не дает: «Хочу с тобой—и все».

Потом шептала Антон:

— Простить себе не могу, что столько пробыл без вас...

Валентина не ответила, но утром вспомнила.

— Антон, ты зря так,—сказала жена.—Сам же говорил, на скамеечке кумушки сидят, все на глазах. Стариков осуждать не надо. Ну, меня не терпят, это на их совести, а за Татку я их не виню. Ходила бы она по этому злополучному двору, шепот, недоумения начнутся, откуда, мол, у Антона такая большая дочь. Тебя ж там мальчишкой помнят. Мы б уехали, нам наплевать, а старикам...

— Толстолиц ты,—сказал на это Антон и подумал: «Золотой у Вальки характер».

Этим же утром дочери поссорились. На глазах Антона разыгралось то, о чем рассказывала жена: Татка хотела идти со сверстницами, Валька-меньшая прилипла, не отпускала...

— Вот так я с ними и мучусь,—вновь пожаловалась Валентина.

И тогда он, вспомнив, как терпимо отнеслась жена к его рассказу о матери и отце, позвал:

— Валуша, что я придумал!

Он говорил горячо, быстро, словно боясь, что Валентина не согласится, не дослушает его, а у нее только сузились глаза, она слушала и думала. Спросила:

— А сам ты сразу вернешься?

— Сразу. Понимаешь, надо дать матери понять, что мы выше обид. А вообще я уверен, что у нее по внучке на сердце скребет.

— Ну, что ж... Если ты так считаешь...

И вот через два дня Антон и Валька-меньшая уезжали. Тата, старшая сестра, была занята с подругами и не пошла их провожать, легко простилась дома, а Валентина-большая перед посадкой на автобус нагнулась к младшей, поцеловала, приказав:

— Бабушке, дедушке, дяде Толе—всем привет. Слышишь?

Дочь кивнула, взбираясь на руки к отцу.

Дорогу Валька-меньшая перенесла плохо. В автобусе было тесно, жарко. Она вертелась, капризничала... Потом она заснула у Антона на руках.

III

Он вернулся на другой день к вечеру, радостно рассказывал, как бабка, дед, Толя—все трое—встретили Вальку-меньшую. Как та тотчас обзавелась подругами, как весела, довольна, бегаёт.

— В чем она? Где спит? Какие у нее подружки?—спрашивала Валентина.

Глядя на внимательно слушавших его жену и Татку, Антон вдруг подумал о том, как, в сущности, они близки и понятны друг другу, мать и дочь, а вот сыновья, наверно, всегда ближе к отцу. Так по крайней мере выпало ему, Антону. От отца он почерпнул работоспособность и энергию, ценил это в себе и был благодарен отцу. И хотя в последнее время отец поотстал, жил в кругу уходящих представлений, у Антона все-таки находилось с ним много общих тем—и им было интересно вдвоем. Он понимал, что это, конечно, давно и остро обижало мать, и он хотел как-то сгладить эту ненарочную свою вину перед матерью, и это тоже сыграло роль в его решении отвезти к ней Вальку, одну Вальку, не всех троих, а только ее, которая наравне с ним и братом—самое родное для матери существо. И, хотя ему было и неприятно и стыдно перед Валентиной и Таткой за это продолжавшееся и, пожалуй, даже углубившееся разделение на «родных» и «неродных», он чувствовал, что, кажется, поступил правильно. Во всяком случае, в сложившихся обстоятельствах.

Мать словно бы помолодела, стала радостной, деятельной, Антон давно не видел ее такой. Она словно забыла про свой радикулит, про другие болезни, про свои самовнушения о болезнях и еще о том, какой у нее плохой муж и какал плохая, незадавшаяся жизнь.

Так вот это вышло. Валька-меньшая уехала.

А они втроем—Антон, Татка и Валентина—внешне спокойно и весело коротали дни. Они уходили с пляжа только обедать и немного отдохнуть в прохладе комнаты. Когда купались, Антон жалел, что они не будут на юге в августе, и рассказывал Татке, как в августовские ночи здесь фосфоресцирует море.

— Что значит—фосфо-ресцирует?

— Вот плывешь, и вдруг—искры...

Валентина, закрыв белой панамой лицо, загорала и вслушивалась в радиообъявления о лечебных дозах. А они уже давно эти солнечные и воздушные порции принимали без счета. В молчании Валентиной-большой были и отдача солнцу, югу, и отрешение от всех мелких отпускных забот (он, Антон, находился рядом), и еще, наверно, спрятанная подальше обида на его мать за то, что Вальку-меньшую можно было отправить, а самим надо было оставаться здесь. А ведь хотелось и город посмотреть, и Татке его показать, и, если честно, просто побыть в семье Антона, да и по Вальке-меньшей материнское сердце нет-нет, а застучит...

Антон все это понимал, но ничего сделать не мог. Он старался больше не думать об этом, развлекал Валентину и Веру разными пустяками, только в кино их не водил.

— Никакой цивилизации!

Он не протестовал, им нравились пляжи, путешествия по окрестностям, и только изредка Валентина, вздохнув негорько, просто, вспоминала свою младшую:

— Что, интересно, наша маленькая сейчас делает?

Ей вторила Тата:

— Вот я бестолочь! Сейчас бы ни за что от нее не убежала.

Эта искусственная, странная разлука с Валькой-меньшей, дочкой и сестрой, постепенно омрачала всю их теперешнюю жизнь. Антон все чаще ловил загрузивший взгляд жены, видел: вот она оживлена, радостна—и вдруг оборвет себя на полуслове, замолчит... Антон спросит: «Что с тобой?» А Валентина: «Ничего»,—или: «Отстань». Прежде такого не было. А Таткины подружки куда-то подевались, она частенько ходила как неприкаянная...

Антон глядел на старшую дочь и заново вспоминал, как семь с лишним лет назад мать, узнав, что Антон женится, провозгласила свою непримиримую программу:

— Запомни, Антон, ее дочери для меня не существует.

Это было сказано о маленькой Татке.

— Аня, зачем же так?—сказал тогда отец.

— Затем!

— Ладно!—возвысил голос Антон.—И у меня есть условие... Эта тема—запретная между нами.

Мать бросилась в плач, поняла: сын все равно женится.

А как он мог не жениться? Год он не видел Валентину после первой их встречи—и не знал, как ему жить.

Они простились тогда сравнительно спокойно. Но, когда автобус поворачивал к вокзалу и он в последний раз увидел Валентину с Таткой, одиноко и печально стоявших посреди пыльной улицы, Антон понял, что заберет их к себе...

Вот что оставалось между Антоном и матерью запретным.

Мать только со своими чувствами и носилась... Что она знала о Валентине? О Татке? Да и о самом Антоне?

Человек без обратной связи. Ей важно, что говорит она. И она глуха, когда говорят ей.

Какую жизнь она устроила отцу и Антону, когда после института он с радостью, с зарядом энергии уезжал в далекий мир.

— Мамочка, все будет хорошо!

— Замолчи! Жизни не знаешь... А этот пожилой энтузиаст,—кивок в сторону отца,—поддерживает!

...Мир был сибирский—хвойный и болотный, холодный и комариный, с зарослями тальника и тяжелыми канистрами антифриза, с вездеходными рейсами и запахом овчины, с перебранками и рабочими усилиями, с вихрем вертолетного винта, когда рябь по пойме или снежная кутерьма на плато...

Мать была бесконечно далека от жизни Антона.

Но все это не имело уже для него того значения, что прежде—до начавшегося разлада с Валентиной.

Она вставал с горячего песка, поглаживал плавки—загорелый, ловкий—и мягко, даже заискивающе звал дочь и жену купаться. Валентина шла неохотно или вовсе не шла, равнодушно глядела, как Антон сильными взмахами рук

рассекает спокойную воду, как ныряет и выныривает возле довольной Татки, берет ее на руки...

В какой-то особенно жаркий день Татка перегрелась, у нее к вечеру поднялась температура, ее знобило. Зря они не слушались советов по радио.

Валентина склонилась над дочерью, держала мокрое полотенце на ее горячем лбу и вдруг заплакала. И Антон понял, что она плачет не только о заболевшей старшей, но и об уехавшей младшей и еще из-за большой, незаслуженной обиды, которую снова, как и давно, семь с лишним лет назад, нанесла ей его мать. И он казнил себя за то, что не уберет Татку, увез меньшую, и соображал, долго, трудно, что теперь делать. Отпуск сломался.

— Валюша, я схожу в аптеку.

Жена отвечала односложно. Она ни в чем его не винила — и в этом было самое тяжелое и нестерпимое.

И, когда, казалось, им обоим стало совсем невозможно, пришло письмо от отца. Он писал, что Валюшка не скучает, что бегала во дворе до последнего дня, веселилась, но что вот у нее легкий насморк и бабушка велит дома посидеть. Отец спрашивал, как они отдыхают, все ли в порядке. Антон усмехнулся.

— Я пойду на переговорную, Валя, — сказал он.

Татка спала. Валентина, прочитав письмо, молча сидела, устремив взгляд в пространство.

Антон вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Он побежал на телефонную станцию и там, в духоте и шуме, в толкучке, прикидывал, как организовать отъезд всей семьи. Было ясно, что его северная задумка кончилась ничем, не пришлось им прожить безбедно на юге, в его тепле, на его свету.

Получив талончик и ожидая разговор, Антон обвел глазами зал переговорного пункта. Искал, где бы присесть. Не нашел.

Он думал о предстоящем разговоре с матерью. И решил, не обижая мать, тактично, спокойно сказать о своем намерении приехать за Валькой. Он представлял себе мать, деятельную и паникующую по пустякам, самоотверженную и бестолковую — ведь давно с маленькими детьми не имела дела... Ну, подумаешь, в чем там у нее проблема? Носовых платков Вальке не хватит?

...Антон поднял глаза и увидел Валентину. Простоволосая, торопливая, она без улыбки кивнула ему, приблизилась.

— Скоро?

— Как же ты Татку оставила?

— Я хозяйку просила посидеть.

Они больше ни словом не обмолвились с Валентиной до самого вызова.

Их позвали в третью кабину. Заглась на потолке лампочка — это Валентина первой подняла трубку...

— Владимир Алексеевич? Нет? Это вы, Толя? — говорила, волнуясь, Валентина. И, что-то выслушав, должно быть, успокоительное, дружелюбное, снова напряглась. Потом вздохнула:

— Здравствуйте, Анна Петровна.

Это трубку взяла мать.

— Что с Валюшей?

Мать долго говорила что-то, Антон не мог разобрать слов, хотя и прислонился к трубке. Валентина увидела, как безуспешно пытается вслушаться в слова матери Антон, повернула было трубку к нему, но плохо стало слышно обоим, Антон лишь разобрал, что брат, Толя, забросил все дела и проводит время с Валькой...

— Я не знаю, не знаю, — говорила между тем Валентина. — У нас ведь тут лазарет. Как мы приедем? Таточка болеет...

Валентина кивала в такт тому, что отвечала ей свекровь. Антон понял, о чем речь. Мать приглашала, звала их всех к себе. Он взял трубку у жены и, видя перед собой ее неспокойные глаза, их смятенный влажный взгляд, стал говорить матери какие-то незначащие слова, а когда она спросила его: «Может быть, вы все-таки приедете?» — помедлил, вслушавшись в интонации ее голоса, и сказал:

— Я, мама, ее отвезил, я и приеду.

— Напрасно! — ответила мать.

Взгляд Валентины стал строже, внимательней.

— Я хочу поговорить с Валечкой, — сказала она Антону.

И Антон, передавая матери ее просьбу, радовался, что кончилось обсуждение этого приезда. Мать отвечала, что Валюшка теперь спит и сейчас спит, и ей жалко ее будить, и если Валентина согласна, то она не станет ее будить.

Валентина была согласна.

— Что там у вас случилось? — спрашивала мать. — Что-то особенное стряслось?

— Тебе же Валя объяснила.

— Господи, Антон, вы в свое время с Толенькой так болели.

— Я помню, — сказал Антон. — Даже помню ту бутылку от боржома...

— Помнишь? — переспросила мать. Она не уточняла, что у них случилось, а углублялась в воспоминания, говорила, каково ей бывало, когда они с Толькой болели. Скоро мать отвлеклась. Антон слышал какие-то шумы в трубке, потом разобрал:

— Это отец обедать пришел, подожди...

У Валентины успокаивались глаза. Поняв, что с дочкой поговорить не удастся, потому что спит, а это хорошо было, что она спала днем, Валентина задумалась. Она будто видела свою меньшую спящей, и видела свекровь, склонившуюся над ее Валькой, и Владимира Алексеевича, вошедшего в дом, и Толю — возле ее маленькой находились сейчас все близкие люди...

Антон разговаривал с отцом.

Отец говорил возбужденно, напористо: как-никак, он снова работал, к нему хоть и ненадолго, но все-таки приехала внучка, дома было нормально, почти легко. Антон подумал о том, что, будь мать проще, терпимее, будь она уступчивей и добрее, его, Антона, намерения сблизить свою семью с родителями принесли бы всем им радость...

Они возвращались с Валентиной медленно и молча. Но их молчание не было тягостным, как прежде. Что-то решилось, сдвинулось... И они обдумывали это — каждый про себя — и шли рядом.

И вдруг Валентина сказала:

— Антон... А давай все-таки поедим! Ну, пускай тяжелый у мамы характер, пускай самолюбие — не знаю уж что... Но, может, ты и сам настраиваешь себя? А? Анто-он...

На улице было душно и многолюдно. Они остановились, пережидая затормозивший красно-желтый автобус. На углу торговали мороженым. Белоголовый мальчишка подбежал к лоточнице и протянул ей руку с монетой.

КУБОК «СМЕНЫ» — ГВАРДЕЙЦАМ-ДЕСАНТНИКАМ

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ РЕДАКЦИЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА СОВМЕСТНО С ПОЛИТОТДЕЛОМ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК ПРОВОДИТ СОРЕВНОВАНИЕ СРЕДИ РОТНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА КУБОК «СМЕНЫ».

ПО ИТОГАМ 1976 УЧЕБНОГО ГОДА ПЕРЕХОДЯЩИЙ ПРИЗ ЖУРНАЛА ЗАВОЕВАЛА КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВЕДРОТЫ, КОТОРОЙ КОМАНДУЕТ ОФИЦЕР ВЛАДИМИР НИКИФОРОВ.

КУБОК И ДИПЛОМ ЖУРНАЛА ЦК ВЛКСМ «СМЕНА» ВРУЧЕН ПОБЕДИТЕЛЯМ СОРЕВНОВАНИЯ.

В ОДНОМ ИЗ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА МЫ ПРЕДЛОЖИМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ РЕПОРТАЖ НАШИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ, ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В УЧЕНИЯХ РАЗВЕДЧИКОВ-ДЕСАНТНИКОВ.

РАЗВЕДЧИКИ ОТРАБАТЫВАЮТ ПРИЕМЫ РУКОПАШНОГО БОЯ.

В руках у меня радуга. Самыми удивительными сочетаниями красок сверкают драгоценные камни. Поистине неповторима их палитра! Синие-синие сапфиры впитали в себя знойное небо и цвет полдневного южного моря. От лимонно-желтых кристаллов словно бы веет искрящимися на солнце песками пустыни...

Среди самоцветов, которые лежат в моей руке, особенно привлекателен кристалл пунцового цвета — рубин. В мире драгоценных камней ему принадлежит первое место после алмаза. Некоторые образцы рубина, особой чистоты и окраски, стоят даже дороже алмазов такого же веса. Но слишком редко удается людям отыскать в лаборатории природы такие удивительно крупные самоцветы, как мой рубин. Впрочем, он тоже не исключение. Этот камень вырос в огненной «колыбели» Института кристаллографии Академии наук СССР.

Аппаратчик Александра Степановна Жаворонкова подводит меня к установке для получения синтетического рубина. В бушующем пламени гремучего газа рождается самоцвет. Природе требовались тысячелетия, чтобы вырастить даже самый небольшой кристалл. Человек сумел намного ускорить этот процесс, научился создавать в искусственных условиях драгоценные камни любых цветов и оттенков.

Природа не баловала людей самоцветами. Немногочисленные рубиновые копи были не в состоянии обеспечить человечество драгоценными камнями. Потребность в них стала особенно остро ощущаться, когда люди узнали о чудесных свойствах этого кристалла.

Сейчас рубин перестал быть монополией ювелиров. В повседневной жизни мы постоянно встречаемся с этим драгоценным камнем. Стрелки точнейших приборов, определяющих чистоту обработки металла, нитеводители в производстве искусственного волокна — рубиновые...

Кристаллизационный аппарат, на котором работает Александра Жаворонкова, — самой последней модели. В нем драгоценный кристалл растет со скоростью несколько миллиметров в час.

Передо мной рубиновый лазер. В момент вспышки он излучает красивый пучок света. Доказано, что в нем можно сконцентрировать мощность в сотни тысяч киловатт. Драгоценный камень рубин стал сердцем первых квантовых генераторов, посылающих остронаправленный пучок монохроматического красного света, в миллионы раз более яркого, чем те же лучи солнечного спектра.

У квантового генератора большое будущее. Уже сегодня красный луч стал надежным помощником хирурга-окулиста при сложнейших мгновенных опе-

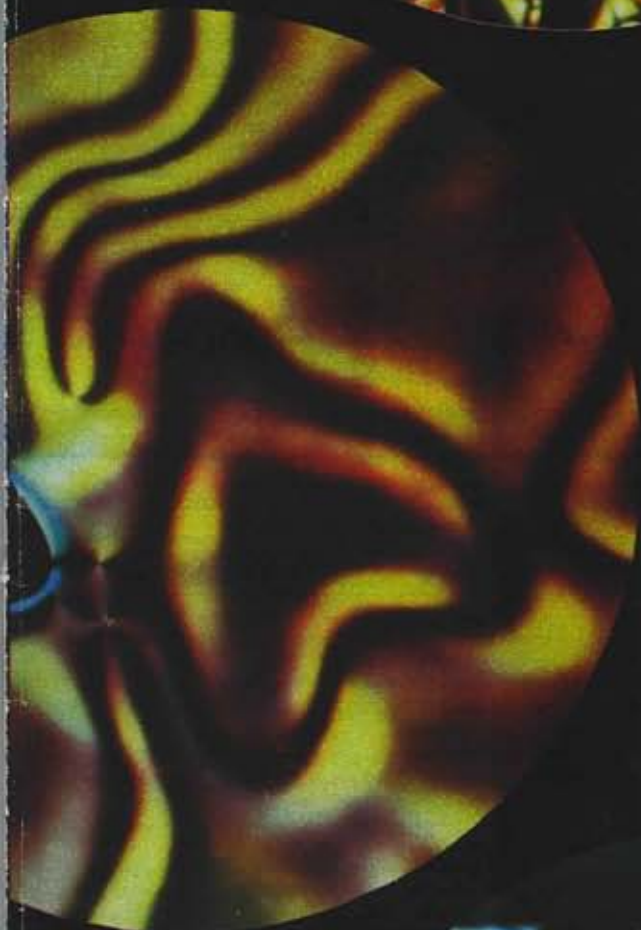
МОЩНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ МИКРОСКОПЫ ПОМОГАЮТ УЧЕНЫМ ЗАГЛЯНУТЬ «ВНУТРЬ» КРИСТАЛЛА.

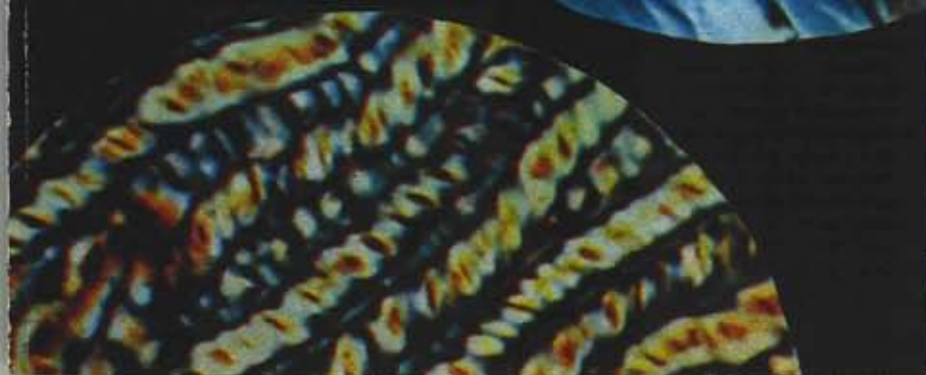
Леонид РЕПЕЦКИЙ. Фото Владимира РУБАШНОВА и Алексея ШКОЛИНА

ОГНЕННЫЕ КРИСТАЛЛЫ

ТЕКСТУРЫ
ЖИДКИХ
КРИСТАЛЛОВ.

рация на сетчатке глаза. Световая игла «квантовой» бормашины — луч рубина — конкурирует с ультразвуком. Луч лазера безболезненно делает в поврежденном зубе отверстие любого диаметра и глубины, сваривает микропровода в вакууме, «рисует» узоры на драгоценных камнях. Поддается рубину даже его старший брат — эталон твердости — алмаз. А часы на квантовом генераторе? Ошибка их хода — секунда за десять тысяч лет!

Практически немисливо перечислить все возможности использования лазеров. Работники телевидения и радио мечтают о том, когда один луч сможет передавать десятки теле- и радиопрограмм. Лесорубы обратились к ученому с просьбой заменить лучами их пилы, а нефтяники — попытаться применить квантовые генераторы при бурении скважин...

Познать тайну кристалла — задача нелегкая. Лаборатория, которую возглавляет крупнейший советский ученый-кристаллограф, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии академик Николай Васильевич Белов, изучает «святая святых» кристаллов — закон их построения. Любого, впервые переступившего порог этой лаборатории, поражает тишина, царящая в ней. Здесь нет людей — первые отечественные дифрактометры, управляемые вычислительными машинами, ведут сложнейший эксперимент. Изучаемый кристаллик едва заметен глазу: его размеры не превышают доли миллиметра. Тончайший рентгеновский луч пронизывает его, и чувствительные счетчики фиксируют рассеиваемое кристаллом рентгеновское излучение. Полученная таким способом информация позволяет ученым определять взаимное расположение атомов в кристаллах, устанавливать расстояния между ними, что очень важно как для теории, так и для практики материаловедения, физики твердого тела, структурной химии и молекулярной биологии. Какова атомная архитектура того или иного кристалла, как образуются те или иные атомные узоры, каково их назначение, каковы свойства кристаллов и чем они определяются?.. Десятки вопросов, на которые приходится ответить ученым, прежде чем разработать методы выращивания кристаллов сегнетовой соли, кварца, корунда, сапфира, кристаллических пленок кремния, галлия, индия, германия...

В лаборатории, руководимой директором института академиком Борисом Константиновичем Вайнштейном, исследуются атомные структуры белков и других сложнейших объектов живой природы. В самое последнее время сотрудниками этой лаборатории получена атомная модель растительного белка леггемоглобина, который играет реша-

ющую роль в процессе фиксации азота из воздуха бобовыми растениями.

Эти работы уже позади, а на очереди — новые поиски, новые надежды и победы.

— Долгое время, — рассказывает Николай Васильевич Белов, — существовало представление, что атомы кремния «ответственны» за строение кристаллов цементных минералов — продуктов, получаемых при обжиге известняка, мергеля. Эксперименты позволили выяснить, что свойства цемента зависят от атомов кальция. Оказалось, достаточно к минералам добавить чуть-чуть веществ, содержащих кальций, и цемент становится другим: его микрочастицы как бы склеиваются между собой, появляются длинные цепочки молекул, которые наподобие арматуры пронизывают твердеющий бетон, скрепляют его. Нам удалось на основе исследований разработать новые составы цементных растворов, которые найдут широкое применение в строительстве различных зданий и сооружений, повысят качество строительных работ. Кстати, мы не одиноки в своих поисках. Так, в создании новых способов, ускоряющих твердение бетона и увеличивающих его прочность, вместе с нами приняли участие специалисты Химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, Института нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина и строительных организаций Москвы. Экономический эффект от внедрения наших предложений только на Московском домостроительном комбинате № 1 составил свыше двухсот тысяч рублей. Изделия из бетона выходят прочными, надежными, причем достигается значительная экономия цемента.

Ходить по лабораториям Института кристаллографии — это значит перелистывать все новые и новые страницы книги мастерицы-природы. В институте можно воочию убедиться, как ученые сами становятся искусными создателями новых кристаллов, по образу и подобию природы творят новые образования.

Существует древнее индийское предание, согласно которому рубины образовались из капель крови, пролитой богами. «Падают капли тяжелой крови на лоно реки, в глубокие воды, в отражение прекрасных пальм. И назвалась река с тех пор Раванагангой, и загорелась с тех пор эти капли крови, превращенные в камни рубина, и горели они с наступлением темноты сказочным огнем, горящим внутри, и пронизывались воды эти огненными лучами...» — так рассказывает о происхождении рубина восточная легенда.

Я смотрю сквозь затемненное окошко в яростное пламя гремучего газа. В отблесках огня сверкает темно-красный рубин. Рубин, который вырастил человек.

Рига — большой город. Очень культурный, очень красивый, к тому же еще и приморский: рижские пригороды plainly перетекают в знаменитое курортное взморье. Прекрасный город! Радостно в нем бывать, хорошо жить. Но именно из Риги пришло в редакцию письмо от самого нормального, ничем не ущемленного и все же не слишком счастливого девятиклассника Володи. Странное письмо! Очень искреннее и очень сумбурное, оно, как двухцветная ткань, отливалось то бодростью, то тоской...

«...Почти все школьные годы я был скромным и застенчивым. Нет, я не хочу этим хвастаться. Это скорее недостаток. Мелкое событие могло вывести меня из себя, искверкать целый день. И именно поэтому я стал более наблюдательным, чем другие.

До девятого класса я ни разу не танцевал и в этом смысле был своего рода единственным человеком в классе. Но на одном из школьных вечеров меня пригласила на танец девочка. Какое это произвело впечатление на меня! Не потому, что она была лучшей ученицей, — я и сам мог быть таким, — а потому, что она была первым человеком, который подошел ко мне и протянул руку. А эта рука была мне так нужна! Ведь я был один, совсем один в классе из тридцати человек. У меня никогда не было друзей. Я как-то постепенно с этим смирился и даже перестал обращать внимание.

А с этой девочкой я учился несколько лет, правда, в разных классах, но не замечал ее. Видел почти каждый день — и не замечал!

Есть люди (к сожалению, таких подавляющее меньшинство), которые понимают других, знают, что могут причинить другому боль, и поэтому никогда ее не причиняют. Люди эти могут узнавать настроение собеседника даже по взгляду. Как мало таких людей! А как нужны они в наше время!»

Володя писал еще о многом: о значении прошлого в жизни человека и о Джеке Лондоне, о благой роли труда и об упорстве в достижении цели. Но меня в его письме остановило и глубже всего задело другое — самая личная, самая пронзительная деталь: «...она была первым человеком, который подошел ко мне и протянул руку. А эта рука была мне так нужна!»

Одиночество в шестнадцать лет, в девятом классе? Одиночество в прекрасном, людном, богатом возможностями городе Риге?

Проще всего было бы отнести возникшую тему к разряду надуманных. Но почти одновременно с Володяным конвертом в редакцию пришло письмо из Челябинска — тоже прекрасного, тоже людного, тоже богатого возможностями. И, по странному совпадению, тоже от Володи.

Автор его, двадцатилетний наладчик болтонарезных станков, с первой же строчки брал быка за рога:

«...Вы знаете, что такое одиночество???»

Может, и вправду его забота стоит трех вопросительных знаков и многоточия перед первой строкой?

ПОЧЕМУ ОН ПИШЕТ МНЕ?

Для меня тема началась не письмом Володи из Риги и не риторическим вопросом Володи из Челябинска. Я ломаю над ней голову довольно давно. Эти письма — лишь повод для разговора...

Несколько лет назад была напечатана моя статья. Была она полемическая, к тому же про любовь. Словом, за неделю пришло в ответ десять тысяч писем. Этот читательский отклик обрадовал и работников редакции и меня: вот ведь какую почту вызвала наша публикация! Сам я, конечно, прочел не все письма, а лишь адресованные лично автору. И, пока читал, победное мое настроение менялось: на душе становилось тревожнее и неуютнее, что ли...

Правда, во многих письмах читатели размышляли по поводу поставленных проблем, и это была нормальная редакционная корреспонденция: спорная, в чем-то противоречивая, но безусловно интересная. Зато другая часть почты резко отличалась от этой, нормальной. Я вскрывал конверт за конвертом, и на стол ложился письма глубоко личные, многостраничные исповеди, предельно откровенные рассказы о душевных смутах, драмах и трагедиях. Иногда это были воспоминания об уже пережитом, чаще сиюминутная, обнаженная человеческая боль. Многие письма были без подписи, и от этой их анонимности становилось еще тяжелей: «Знаю, что никто не может мне помочь, потому и не подписываюсь».

К слову, в большинстве таких случаев помочь можно было бы, но не искать же человека по почерку да штампу на конверте!

Но какая же связь между всем этим и письмами двух Володи? Связь самая прямая, к сожалению...

Помню, тогда, после прочтения одного из самых искренних и горьких писем, меня вдруг озадачил один очень простой вопрос: а почему, собственно, этот человек пишет мне? Ведь я ему не друг и не родственник, он меня никогда не видел, судя по письму, даже книг моих не читал. Фамилию — и ту перевернул.

Ведь есть же у него семья, родные, товарищи по учебе и работе, коллектив есть. А он долго таит боль в себе и, вконец изнуренный молчаливым мучением, пишет письмо за тридевять земель, бросается за советом и помощью к совсем незнакомому человеку. Неужели там, дома, и выслушать — то было некому?

Если бы во всей нашей гигантской стране количество людей, по той или иной причине страдающих от одиночества, ограничивалось несколькими сотнями ребят и девушек, отозвавшихся собственной болью на статью в газете, и тогда разговор наш имел бы смысл. Ведь когда один-единственный моряк или летчик терпит бедствие — да что там, когда обычный больной борется с недугом, — мы не раздумываем, стоит ли ему помогать, и не утешаемся тем арифметическим соображением, что в конце концов этот бедолага — всего лишь одна четырехмиллиардная часть человечества. Каждый человек — часть твоей личности, каждый колокол звонит по тебе — мудра и непреложна эта истина, которую так ярко сформулировал в восемнадцатом веке Джон

лись братья по разным окраинам и видятся, увы, только на свадьбах да похоронах. А собственная машина? Мощное, быстрое, комфортабельное одиночество на колесах... Смешно сказать, порой даже мода разобщает людей: на современной танцплощадке «несовременно» одетая девочка чувствует себя чужой и лишней.

Да, самое время поговорить об одиночестве всерьез...

ОДИНОЧЕСТВО СО ЗНАКОМ «ПЛЮС»

Итак, одиночество — одна из причин пьянства, преступности, болезней.

Так? Все так! Но — когда-то великий Репин признавался, что лучшие часы его жизни — одинокие часы в мастерской. Но, пожалуй, самая счастливая случайность нашей культуры — болдинское одиночество Пушкина. Но — добрый и мужественный Аллен Бомбар придал высокий смысл всей своей жизни двухмесячным одиночеством в резиновой лодке посреди океана. Но — Чернышевский, Кибальчич, Морозов, — их книги, их открытия создавались в сырости и затхлости тюремных одиночек.

Вдохновение, мышление, поиск — ведь это тоже имена одиночества!

Ладно, не будем о великих и прославленных,

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ПРИХОДИТЕ — ВАС

Дони и так вовремя вспомнил в двадцатом Эрнест Хемингуэй.

Но кто скажет, сколько их — людей, в разной степени оцущающих гнет одиночества? И разве подсчитать ущерб, причиняемый им не только самим одиноком, но и всем вокруг?

Уже стало штампом писать и говорить о водке как о важнейшей причине преступности. Тем не менее риску утверждать, что этот штамп не всегда точен. Часто водка — не первое звено в порочной цепи, она сама в значительной мере следствие.

...Трое в вечернем переулке избил прохожего. Избили потому, что были пьяны. Причина и следствие? Допустим! Но что свело троих незнакомых людей у дверей гастронома, что заставило их вынуть по целковому с мелочью, продолжить знакомство в подворотне, затем «повторить» — и прийти в себя в милиции?

Боюсь, одиночество заставило. Унылое, душное одиночество, по сравнению с которым даже убогая беседа на троих под плавленый сырок выглядит относительно благом...

Это не оправдание пьянства — упаси бог! Это всего лишь объяснение. Порой одиночество, как канцерогенная пыль, разъедает душу — уже потом ее сжирает без остатка раковая опухоль алкоголизма...

Как правило, одиночество — тень несчастья. Или наоборот. А человек несчастный, к сожалению, слишком часто опасен для окружающих, как больной вирусным гриппом. Винить его нельзя, он сам страдает больше других, но что делать, если за его спиной, как волна за катером, углом расходится полоса дурного настроения, озлобленности, глухой тоски...

А сколько нервных истощений, гипертонических кризов, инфарктов и инсультов, сколько больничных листов вправе мы записать на счет одиночества? И, значит, сколько умелых, выученных работников отнимает оно у государства, сколько месяцев, а то и лет жизни у нас с вами?

Нет, только в этику да мораль одиночество не уложится...

Кстати, есть здесь еще одна — особо тревожная сторона.

Большинство человеческих бед самим ходом нашей жизни решительно отодвигается или уже отодвинуто в прошлое. Таковы голод, болезни, нехватка одежды и жилья.

С одиночеством сложнее. В прекрасных домах, где на семью по квартире, даже близкие соседи годами не знают друг друга. Рост городов растягивает коммуникации и безжалостно рвет долго складывавшиеся человеческие связи — школьные, институтские, приятельские, даже семейные: развеха-

будем о простых смертных. Каждый год сотни тысяч, если не миллионы людей стремятся в синее одиночество моря, зеленое одиночество тайги, белое одиночество вершин или тундры. Иногда им за это платят, например, лесникам. Иногда за это платят они, скажем, туристы или рыболовы.

Известно, наконец, что любая серьезная учеба требует времени, то есть опять-таки изрядного куска одиночества.

Словом, существует немало ситуаций, когда это человеческое состояние идет со знаком «плюс».

Но самое, на мой взгляд, важное — та огромная роль, которую играет одиночество в развитии нашей личности.

Только тот по-настоящему понимает природу, кто умеет и любит разговаривать с ней с глазу на глаз.

Мы становимся умней и глубже не столько тогда, когда смотрим хороший фильм, сколько потом, когда вновь и вновь прокручиваем в памяти поразившие нас сцены и, задерживая кадр, мучительно размышляем над тем, что случилось на экране. Не потому ли, кстати, литература остается ведущим из искусств, что с книгой мы общаемся без свидетелей и компаньонов, что почти весь процесс постижения ее проходит в творческом, напряженном, пронизанном мыслью одиночестве?

Одиночество — школа, в которой мы учимся стойкости, спокойствию, уверенности в себе.

Наконец, одиночество — тот пустынный приют, в котором без помех и суеты разговаривает с человеком его собственная совесть. На людях такой разговор получается крайне редко.

Вспомните хрестоматийно любимых литературных героев. Такие разные, они были схожи в одном: Робинзон был одинок на своем острове, Дон-Кихот — в своем безумии, Гамлет — в своих сомнениях, Фауст — в своих поисках, Чайльд Гарольд — в своих скитаниях, князь Мышкин — в своей доброте. Случайность? Вряд ли. В яркой человеческой судьбе почти всегда различим плотный пласт одиночества...

Какой вывод можно сделать из сказанного? Да хотя бы тот, что не стоит смотреть на одиночество трагически. Раз уж нашла на вас именно эта жизненная полоса — используйте на все сто ее плюсовые стороны!

Помните, чем в начале века была для русских революционеров тюрьма? Местом гордых страданий, тайных вздохов об утраченной свободе? Нет, на нее смотрели куда практичнее. В тюрьме революционер должен учиться! И учились. И возвращались из мест не столь отдаленных образованными, думающими, творческими людьми.

Одиночество — слава богу, не камера-одиночка, его и использовать можно куда продуктивней. Что-

бы потом, когда пройдет темная полоса, ты был полностью готов к дням радости. Как, например, готов к ним рабочий из Игарки, приславший в редакцию такое вот письмо:

«Прошу слова!

Друзья журналисты, с подобными просьбами к вам, наверное, никто не обращался.

Вы знаете, что такое друг, любовь, и знаете, как плохо человеку, если у него этого нет. Может, правильно поймете мое несмешное письмо... Обидно, горько бывает порой от встреч с людьми, далекими от прекрасного, для которых не существует настоящего, святого. Зайдем в библиотеку, а работник, закончивший вуз, спрашивает:

— Ну что вы там нашли, в этом Шукшине? Все его спрашивают. Да ведь он простой мужик!

Поговоришь со знакомым учителем и узнаешь, что не дошел до него фильм «Доживем до понедельника», не знает он гениального Сухомлинского... Красивая медичка спрашивает меня:

— А кто он такой, этот Амосов?

Ну как это жить, не открыв для себя гениев поэзии, музыки, живописи?... Я рабочий. В свободное время пишу, фотографирую, выступаю на сцене... Живу на Крайнем Севере, в Игарке. Длинные наши вечера. Горит печурка, крутится магнитофонная запись... Порой хочется поговорить с хорошим другом, с женщиной. Поделиться с ней настроением, мыслями, мечтами. Чтобы вот здесь, на Крайнем Севере, услышать ее дыхание, почувствовать ее рядом. Хотя бы в письмах обмениваться сувенирами. Иногда меня спрашивают за праздничным столом:

ЖДУТ...

— Ну почему ты такой — одинокий, неразговорчивый?

— Да ну вас! — скажешь и хлопнешь дверью.

Разговор-то сегодня о пьянках, о бытовом суете... А ведь сколько интересных споров на экране, в прессе! Сколько загадок, дорог открывает жизнь, природа! По-новому хочется жить, работать и по-старому любить.

Списать бы с кем-нибудь! Подражаться бы в письмах, поспорить, договориться встретиться, как в «В 6 часов вечера после войны», и только в Москве, в самом лучшем театре. Познакомиться бы с такой женщиной, найти ее и пригласить в мое богатое одиночество! Для меня это был бы клад, радость, которая не может сравниться с радостью человека, выигравшего «Волгу». Простое письмо, и непростой разговор. Возможно ли такое знакомство, такая дружба?

С уважением, Алексей Степовой.

Год рождения 1936. Рабочий. Образование среднеспециальное.

Красноярский край.

Интересный человек, а? Можно спорить с его вкусами и оценками, но уж скучно с таким собеседником не будет! Письмо на страничку, а личность видна отчетливо. И достоинство, и искренность, и спокойное стремление к счастью. Все у человека есть! Еще бы чуть-чуть удачи...

ХМУРЫЙ МАЛЬЧИК ИЗ РИГИ

Все эти слова в защиту временного одиночества написаны вовсе не для того, чтобы примирить читателя с одиночеством постоянным. Ведь давно известно, что у всякой палки как минимум два конца...

Увы, даже самое богатое одиночество человеку все равно в тягость. Сокровища хороши, когда есть кому их отдать. Разве не об этом откровенное, умное письмо Алексея Степового из Игарки?

Да, бояться одиночества не надо. Но и привыкать к нему нельзя. Тяжкое это дело — привычка к одиночеству...

С рижским Володей мы говорили долго. Несколько раз встречались, ходили по тихим улочкам пригорода. И он, шестнадцатилетний рижанин, радовался и улыбался своей скванной улыбкой, открывая для себя зимние сосны, дюны в глубоком снегу и нагромождения смерзшихся льдин у берега — хребты, плоскогорья и долины припая.

— Ты что, не был здесь никогда?

— Один раз летом ездил, но очень давно...

И всего-то минут двадцать электричкой... Но и эту, такую доступную радость у человека отобрало одиночество. Никто не позвал, не подсказал, не составил компанию...

Володя неплохо учится, не хулиганит, не мешает учителям и одноклассникам. Никому не мешает. Но до чего же он трудный подросток.

Подросток? Да нет, пожалуй, уже сложившийся человек, характер которого вряд ли изменит время само по себе.

Учителя для Володи чужие. Родители чужие. Переходный возраст? Но и одноклассники тоже чужие. Не нравятся они моему замкнутому собеседнику, которому каждая фраза дается с трудом, откровенность стоит болезненных усилий, а улыбка... Улыбка у Володи возникает так неуверенно и прячется так стремительно, словно замешкайся он на секунду — и хлестнут насмешкой по беззащитно открывшимся глазам.

— За что же ты не любишь одноклассников, а, Володя?

— Они не разделяют моих взглядов.

— Каких именно?

— Что главное — работа.

— А для них что главное?

— Не знаю... Все другое.

— Но ведь тебе уже шестнадцать. Дружба, любовь — это разве в жизни не главное?

— Нет.

— А кого-нибудь из людей ты любишь?

— Нет.

— Тогда ради кого же ты собираешься работать? Ради людей, которых не любишь?

Молчит. И лицо кривится, как от боли.

Трудный парень.

Трудно парню...

Хотел бы я ошибиться, но, боюсь, работа для Володи не одна из жизненных радостей, а просто спасательный круг. Или щит, которым пытается он заслониться от обязанности человека быть счастливым. Раз уж не получается, так лучше и не хотеть!

Конечно, шестнадцать — возраст не ахти какой. Еще по-всякому может вернуться судьба. Ну, а если выйдет так, как планирует себе Володя? Ведь он упорно слепым упорством одинокого человека. И вполне может стать крепким специалистом в какой-нибудь профессии — «какой-нибудь», ибо любимой у парня пока нет. Ну, а станет — что тогда?

Человек, не понятый себе подобными, тяжел, порой невыносим — у него возникает как бы моральное право не понимать других. Ложное право, но он-то считает не так! Даже хорошей работой он словно мстит окружающим, давит, наказывает за то, что их судьбы сложились счастливее, чем его собственная. Не хотел бы я когда-нибудь оказаться в подчинении у Володи...

Впрочем, давайте надеяться на лучшее. Давайте верить, что та славная девочка на очередном школьном вечере снова протянет руку хмурому подростку и, сама того не ведая, спасет десятки, а то и сотни людей от тяжелого, мрачного сослуживца, начальника, подчиненного, соседа.

Одиночество — животное хищное и жестокое. Но хороших девчонок оно боится...

НЕ ПРЯЧЬ ЛИЦА!

Почему-то к одиночеству принято относиться почти мистически. Раз уж оно есть, так есть. Никуда не денешься. Судьба, или, говоря по-современному, невезуха.

Но, если разобраться, у каждого конкретного одиночества — свои вполне конкретные причины.

Отчего, например, одинок другой Володя, двадцатилетний рабочий парень из миллионного Челябинска?

Думается, это с достаточной полнотой объясняет его письмо — та часть, в которой автор рассказывает о себе.

«Меня зовут Владимиром. Возраст 20 лет.

Любимый писатель — Эрих Мария Ремарк. Любимая книга — первая часть «Дон-Жуана». Любимая зубная паста — «Мери». Любимый спиртной напиток — полусладкое шампанское, иногда водка. Любимая поп-группа — «Чикаго». Любимые сигареты — «Родоли». Любимый язык — польский, хотя я знаю всего два слова. Любимый музыкальный комментатор — Виктор Татарский, кстати, его программа «На всех широтах» с каждой неделей становится все хуже и хуже. Любимый политический обозреватель — Валентин Зорин.

Когда-то в детстве мечтал стать диктором, работаю сейчас наладчиком болтонарезных станков. Работа не нравится.

Раздражает то, что многие дают мне 17 лет и считают мальчиком.

Моя девушка сейчас в другом городе и мне не пишет. До армии был вокалистом в одном из пермских ансамблей».

Челябинский Володя не написал, как он одевается. Но мне почему-то кажется — старательно. За одеждой следит. Ведь и письмо его — как бы часть одежды. Точней, облика, который придумал для

себя молодой наладчик из промышленной столицы Южного Урала.

Вот прочел я письмо и пытаюсь представить: что же он за человек, Володя. Ну, любит зубную пасту «Мери». И я люблю. Единомышленники. И Ремарка люблю. И «Дон-Жуана». Вот только какого имеет в виду Володя? Байрона, Пушкина, Мольера? Ведь их много, Дон-Жуанов, и все разные...

Впрочем, это не так уж и важно. Стоит ли всерьез относиться к многочисленным любовям Володино письмо? Ведь это просто форма такая, достаточно известная: блицбеседа со знаменитостью, три секунды на ответ. И Володя словно дает интервью, с удовольствием исполняет роль, как мальчик, играющий в школьной самодеятельности прославленного певца или хоккеиста. Да здравствует остроумная фраза! А точно она или нет — дело десятое...

А что мы знаем о Володе как о человеке? Что его, увы, еще считают мальчиком и что девушка ему не пишет.

Существенно, но не так уж много.

Ну-ка, вдумайтесь в такой факт. Какие из наших больших поэтов самые любимые? Пушкин, Лермонтов, Блок, Маяковский, Есенин, Цветаева... Самые любимые — самые откровенные.

То о себе, что иной из нас постесняется рассказать и одному, самому близкому, Есенин рассказал в стихах миллионам людей. Может, потому и стал он для нас так близок?

Культура людских отношений требует прежде всего искренности. А Володино письмо не столько открывает, сколько прячет его человеческую суть. Ну, любит он поп-группу «Чикаго» и сигареты «Родоли». Ну, и что? Какой облик возникает за этой, достаточно типовой информацией? Современный молодой человек не плоше прочих. Ни характера, ни лица.

И смелый, и трус, и умный, и дурак, и честный, и враль могут с одинаковым успехом курить «Родоли», слушать «Чикаго», чистить зубы не «Поморином», не «Апельсиновой», а «Мери» и только «Мери».

Вроде бы самое простое — рассказать правду о себе и выслушать правду о другом. Увы, так только кажется. Откровенность требует огромной внутренней работы. За банальностью, за полуправдой мы прячем зрачки, как за дымчатыми очками. Так легче. Куда спокойней выглядеть в глазах окружающих не растерянным мальчиком, а молодым скучающим суперменом с импортной сигаретой в зубах!

«Позер» — для нас слово ругательное. Между тем в позу человек часто становится от застенчивости, от страха, от неуверенности в себе. Он принимает позу, как боксер стойку: авось, удастся оборониться...

Поза и маска, поп-группа, зубная паста — все это защищает Володю, как скафандр водолаза. В скафандре можно многое увидеть и даже услышать. Но кое-что и нельзя, например, ощутить запах цветка или поцеловать девушку.

Человек в скафандре защищен, но одинок. Очень одинок!

Плюнь на маску, Володя! Покажи лицо.

СЕРОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Итак, одиночество — достаточно серьезный вопрос для многих. Разумеется, есть и достаточно серьезные средства для его решения. Даже в молодых городах не в последнюю очередь строятся театры и клубы, разбиваются танцплощадки, вырастают стадионы, открываются концертные залы, молодежные кафе.

Но, во-первых, даже очень развитая материальная база общения — это еще не общение. А во-вторых, есть вещи, которые государство при всем его могуществе сделать не может. Не может, например, на школьном вечере протянуть руку хмурому, болезненно застенчивому подростку. Или убедить двадцатилетнюю некрасивую ткачиху, что мера счастья, выделенная ей судьбой, не так уж мала и что любой человек, и красивый и некрасивый, достаточно оснащен природой для радости и любви.

Увы, бывают ситуации, когда помочь одному человеку может только один человек...

Сегодня парни бредят космосом, девушки рвутся радистками на полярные станции. Человеку хочется проверить себя в трудном деле, схватиться с противником посильнее — что ж, естественно. Но космонавт и полярник — профессии немассовые, не всем же в самом деле бороться с белым безмолвием тундры и черным безмолвием неба!

Зато — оглянитесь, ребята! — дело немалой трудности лежит рядом, только руку протяни, если хватит смелости, терпения и доброты. Серое безмолвие одиночества...

Жемчужины отечественной культуры

Бухара

Тимур ПУЛАТОВ

Фото Альберта ЛЕХМУСА

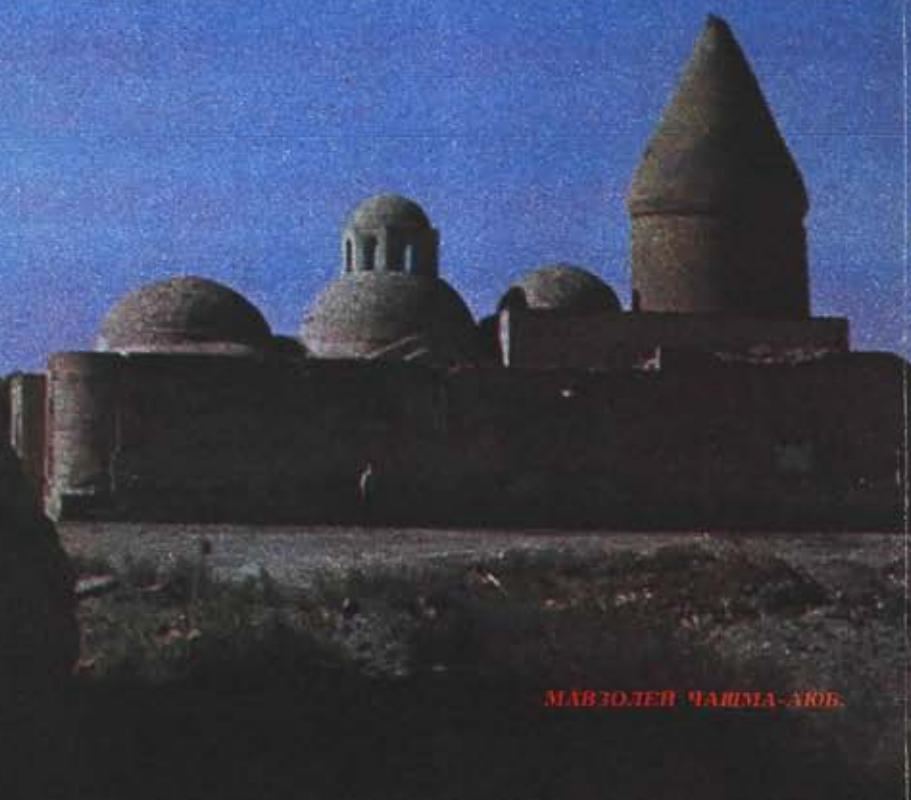
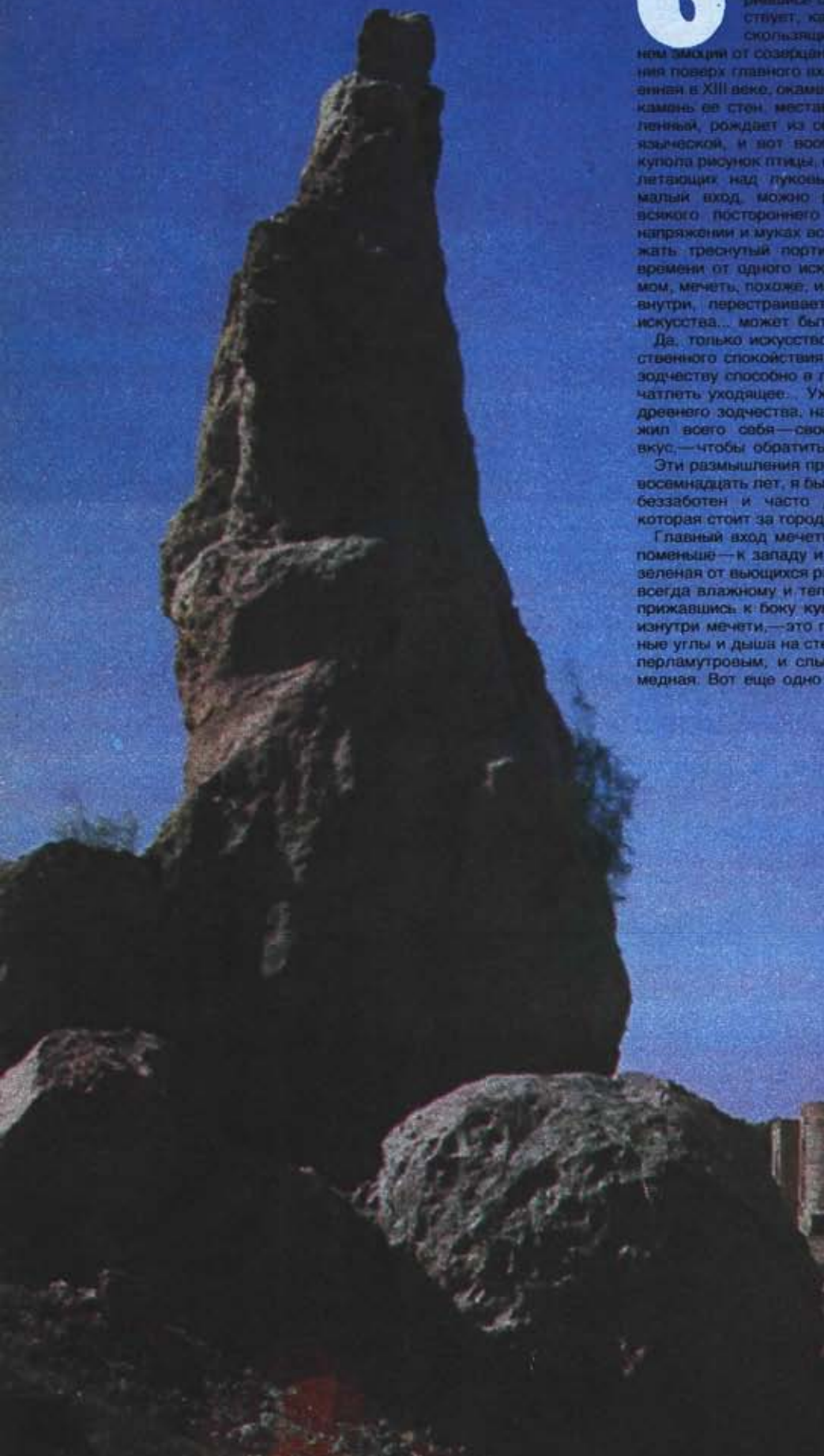
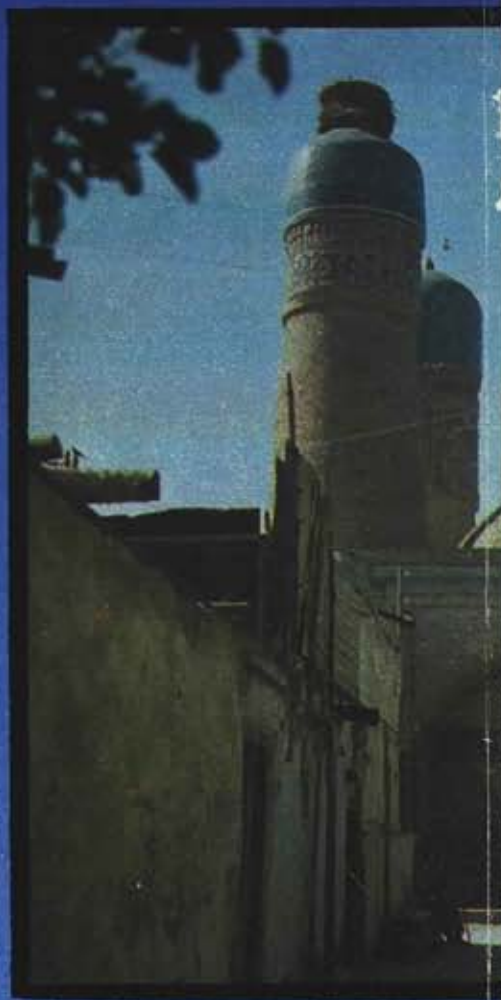
В

этой соборной мечети дано уже нет духа того, ради чего она была создана и воспета,—духа веры, она давно не манит к себе толпы молящихся и проезжающих мимо лишь глянет на них, прищурившись от солнца, но ничего не почувствует, как и завязкой путешественник, скользкий взгляд которого не родит в нем эмоции от созерцания купола и голубого обрамления поверх главного входа. Мечеть Намазгох, построенная в XIII веке, окаменела в одиночестве, и древний камень ее стен, местами смещенный, местами обваленный, рождает из себя другую форму, близкую к языческой, и этот воображение видит у основания купола рисунок птицы, не похожей ни на одну из птиц, летающих над луковыми полям рядом, а гляди на малый вход, можно рассмотреть, что плиты без всякого постороннего участия сотворили руку, в напряжении и муках вскинутую вверх, чтобы поддержать треснувший портик. Истинно, отдалившись во времени от одного искусства, вдохновленного исламом, мечеть, похоже, исподволь что-то меняет у себя внутри, перестраивается, готова себя для нового искусства... может быть, прозы?

Да, только искусство прозы, исполненное величественного спокойствия, под стать самой живописи и зодчеству способно в лирико-эпической форме запечатлеть уходящее... Уж не ждала ли Бухара упадка древнего зодчества, на алтарь которого город положил всего себя—свой возраст, историю, умение, вкус,—чтобы обратиться потом к прозе?

Эти размышления придут гораздо позже, а тогда, в восемнадцать лет, я был простодушен и по-юношески беззаботен и часто делил с мечетью Намазгох, которая стоит за городской крепостью, одиночество.

Главный вход мечети обращен к югу, а два входа поменьше—к западу и востоку. Задняя ее стена вся зеленая от выющихся растений. Они тянутся к куполу, всегда влажному и теплему. Я любил лежать долго, прижавшись к боку купола, и слушать гул, что идет изнутри мечети,—это гуляют сквозняки, обегая темные углы и дыша на стены, разрисованные голубым и перламутровым, и слышен такой гул, будто мечеть медная. Вот еще одно ее загадочное свойство—ка-

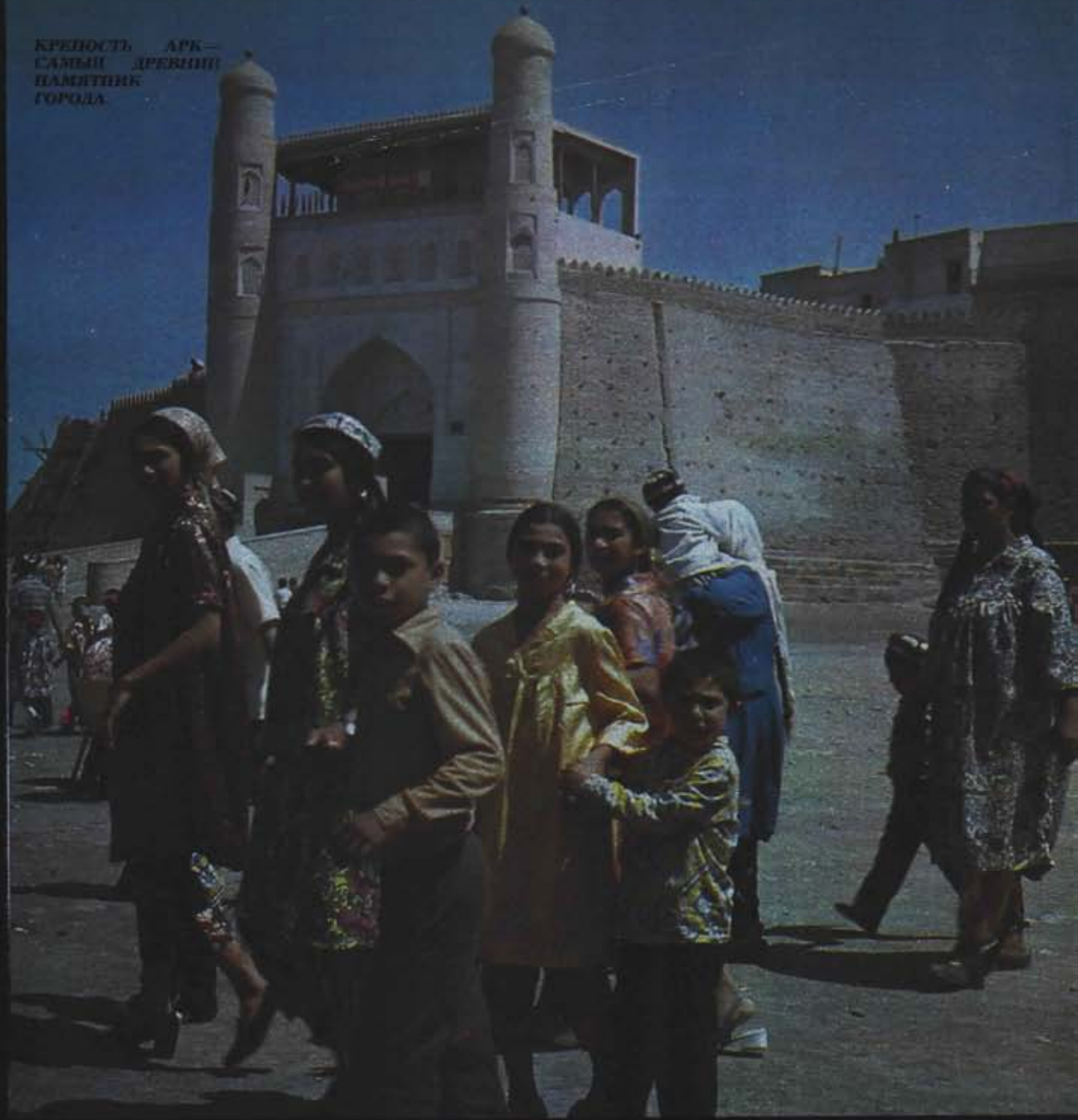

МАВЗОЛЕЙ ЧИРЧИК

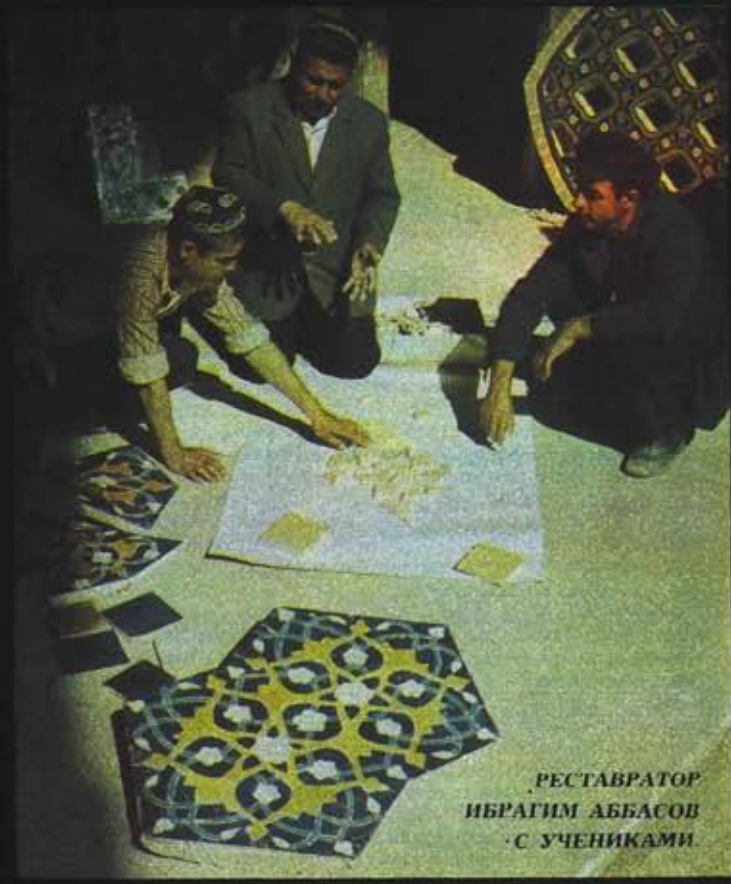
СТРОИЛИ И НЕОБЫЧАЙНО ИДЕАЛЬ-
 НАМИ ВОЗВЫШАЮТСЯ НАД БУ-
 ХАРОЙ

КРЕНОСТЬ АРК—
 САМЫЙ ДРЕВНИЙ
 ПАМЯТНИК
 ГОРОДА

МЕЧЕТЬ ЧОР-МИНОР

РЕСТАВРАТОР
 ИБРАГИМ АББАСОВ
 С УЧЕНИКАМИ

заться медной. В дождливый же день я ощущал в ней мягкость глины, а в солнечный она казалась выточенной из дерева.

Намазгох стоит на возвышенности, чуть приподнявшись над поляной, сплошь покрытой солью, и как бы боясь поцарапаться о колючие кусты, что растут рядом. Чуть поодаль тянется потонувшая в пыли дорога, почти всегда безлюдная; выглянув из городских ворот и уменьшившись, дорога робко идет вдаль, к полосе деревьев, где начинается самая близкая к Бухаре деревня—семилетними мальчишками мы так любили совершать лихие набеги на ее сады...

По пути к деревне стоит и дымит по сей день маленький заводик, где семь веков назад обжигали кирпич для мечети, а рядом на холмиках—такие же древние две домны, навсегда потухшие, где предки плавил металл, чтобы укрепить им камень мечети.

Запах травы, короткий и печальный зов горлицы, синица села ненадолго на крышу и раскрыла оба свои крыла, чтобы высушить их на солнце, на нее упрямо и не мигая смотрит ящерица... Мое тело набирается сил, казалось бы, потерянных той зимой навсегда, и я отдаю себя лени, чтобы раствориться в сплетении лучей солнца и гуле ветра. Как и мечеть, я становлюсь в эти минуты язычником. Любить! Ведь и мечеть, чтобы убежать от одиночества, кощунственно сотворила из себя и запечатлела на правой стене лик женщины. Как из ребра.

Все это—мечеть, ремесло предков, ближняя деревня, луковое поле и зов горлицы—настраивает на художественный лад, в воображении носится еще что-то неоформившееся и ускользающее, чтобы стать робкими пробами в живописи, в стихосложении, в музыке...

Должно быть, восемнадцать лет—это возраст, до предела насыщенный ощущениями, череда остальных лет просто как проверка истинности этих ощущений, их долговечности. Город от основания до плоских крыш и до верхушек минаретов уже живет во мне, и я

Опыт
публицистического
романа

Новый роман Николая Воронина «Макушка лета» (М., Профиздат, 1976 г.) начинается с описания тех времен, когда его герои, будучи еще подростками, работают наравне со взрослыми. Ряд эпизодов из этой жизни, увиденных, пережитых и записанных Антоном Готовцевым, объединен и спаян в одно целое его представлениями о тех днях. В той далекой и суровой жизни было место и мальчишескому озорству, и первой любви, и первому осмыслению окружающего мира. Но главное, чему научило их то время, — это сознание своего труда как творчества, которому нужно отдать всего себя без остатка. Личная жизнь только тогда приобретает смысл и ценность, когда она

будет представлять собою неразрывное единство с работой.

Их трое, вышедших из детства, которого почти и не было, — люди становились взрослыми гораздо раньше положенного срока. Антон Готовцев и Марат Касьянов стали инженерами, а Инна Савина, в которую оба были влюблены, — журналисткой. Именно профессия Инны и сводит наших героев вместе. Савина приезжает на завод, где работают бывшие ее друзья, чтобы разобраться в возникшем там конфликте.

Это происшествие, вернее, его причины и составляют суть замысла Н. Воронова. Оставив на втором плане личные отношения своих героев, он с откровенно публицистическим пафосом (что и обещано в подзаголовке «Опыт публицистического романа»), с помощью своих героев высказывает безусловно интересные мысли о современном промышленном производстве, о месте человека в нем, о вторжении научно-технической революции в человеческую психику и отношения между людьми.

Много раз мы слышали, что человеческая психика — инструмент удивительно тонкий, способный приспосабливаться к любым внешним условиям. Успокоенные этими заверениями, мы не уделяли до сих пор должного внимания одной из коренных проблем современного индустриального мира — взаимоотношениям человека и машины. А проблема эта сложна, многообразна и требует незамедлительного и пристального внимания к себе, без ее разрешения неизбежны самые непредвиденные конфликты и нарушения как в сфере производства, так и человеческих отношений.

Отделы социального планирования уже существуют на наших предприятиях, а на заводе, где работают наши герои, этот отдел имеет и неофициальное название — службы человечности. Человеку нужно создать условия для полной самоотдачи на производстве, что, по мнению занимающегося этими вопросами Виктора Ситчикова, возможно лишь тогда, когда человека освободят от необходимости проявлять так называемый бытовой героизм, когда у него будут все условия для отдыха и восстановления сил. Но, кроме замечательной подвижности, человеческая психика обладает и огромной силой инерции, враждебно встречающей необычное и незнакомое. Новшества, смело

вводимые Касьяновым на подчиненном ему заводе, хотя и дают ощутимые результаты, часто рабочих и инженеров встречают с недоверием.

Не затушевывая и не ослабляя этого естественного противоречия, Н. Воронов открыто присоединяется к своим героям, полностью разделяя с ними ответственность за все, что они делают. Эта импонирующая читателю откровенность может и должна вызвать критические отклики несогласных с тем, что пишет Воронов, но, по-видимому, он к этому готов и не собирается отступать от сказанного. Книга, вызывающая спор, пробуждающая мысль, заставляющая вспомнить о личном, не может не быть удачей писателя. Не давая оценки «Макушке лета», чтобы не навязывать ее другим, мы просто приглашаем всех прочитавших роман еще раз задуматься над поставленными в нем насущнейшими проблемами нашего времени, нашей жизни.

Леонид ВУКОЛОВ

ВЯЧЕСЛАВ ШУГАЕВ

ДЕРЕВНЯ
ДОБРОЛЕТ

Очарованный Сибирью

Если говорить о главном, что остается в памяти после прочтения книги очерков Вячеслава Шугаева «Деревня Добролет» (Восточно-Сибирское книжное издательство, Иркутск, 1975 г.), в первую очередь назовешь не-

сттовую, фанатическую любовь В. Шугаева к Сибири. Он убежден, что нигде больше не встретишь ни таких людей, ни таких обычаев, ни такого размаха. О чем бы ни шла речь — о проблеме рабочей силы в Катанге или о фарфоровом заводе в Мишелевке, о знаменитом плотнике с Мамакана или о лесниках заброшенной таежной деревушки, — речь всегда об одном: о сибирском характере, который является собой «...сгусток, сплав высоких нравственных качеств, одно из проявлений русского национального духа».

Поэтому отнюдь не выпренок звучат в устах старого плотника слова: «Раньше встанешь — больше сможешь. Для Руси постарайся, вот и ладно будет. Как для нее не постараться, а?» Это и есть лейтмотив очерков В. Шугаева, написанных прекрасным, точным, ярким языком. Эмоции соседствуют с соображениями экономики, гимн во славу белоснежного фарфора сменяется пристальным анализом происходящих на заводе и в поселке перемен.

Вместе с автором мы постигаем те сложности, с которыми на каждом шагу приходится сталкиваться руководителям хозяйств, партийным работникам, рядовым труженикам маленьких деревень, разбросанных по безграничному пространству Сибири. Очерки В. Шугаева имеют еще одну отличительную особенность. Они не описательны, они зовут к делу. Сквозь сверканье безграничных снегов, звучание необычных названий, сквозь завораживающую красоту природы четко проступают контуры проблем, которые ждут своего разрешения. Например, охотничий промысел. Как говорит один из героев шугаевского очерка, «...охотничьему промыслу нужен ореол большой государственной значимости... настала пора всерьез и безотлагательно заняться за перестройку охотничьих районов. Ведь мы не берем у тайги и десятой части того, что можем взять, и не даем ей сотой части того, что обязаны дать».

Взгляд на проблему не эгоистичный, желание не только для себя и своих современников добиться благ и изобилия, но и оставить далеким потомкам Сибирь обогащенной и могущественной — это ведь тоже черты сибирского, советского характера, подмеченные пристальным и заинтересованным писательским зрением.

И вполне закономерно, что заканчивается книга под рубрикой «Размышление» статьей «Радуга над Россией», которая как бы перебрасывает невидимый мост от проблем Сибири, БАМа к проблемам Нечерноземья, подчеркивая происходящее преобразование всей нашей земли, часть которой — столь любимая В. Шугаевым Сибирь. И недаром писал он в газете «Правда»: «Личность, характер, живущие делом и подчиняющие его, — вот, видимо, существенное направление в наших писательских и журналистских поисках». Книга В. Шугаева является прекрасным подтверждением плодотворности такого направления в работе писателя.

Татьяна АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ПОЭЗИЯ

«Глядим на Русь
влюбленно...»

В ясные зимние дни 1956 года мы, поэты, только что выпустившие свои первые сборники, встретились в Москве на III Всесоюзном совещании молодых литераторов. С тех пор с особым вниманием слежу я за творчеством моих сверстников, с которыми судьба свела тогда в Москве. Я ощущал, как они с годами набирали силу, определяли свои эстетические и общественные позиции.

Одним из них был Андрей Деметьев. Еще в те годы опре-

ношу его с собой повсюду, как клятву. Я ношу Бухару на улицах Бухары, на ее площадях, возле мечетей и минаретов, в коротких поездках в деревню Ромитан к родственникам, в чистую и уютную деревню, которая почему-то считается древнее самой Бухары. Ромитан — место моей ревности, моего возмущения, ибо нет на свете города древнее Бухары. Я ношу в себе город, до предела сжатый, как космическую «черную дыру» — тело огромной массы и ничтожной величины, как маленький шар, висящий возле моего сердца и бьющийся с ним в такт. (Этот образ пришел еще в раннем детстве от бродячего жонглера, который проезжает тысячу городов и в каждом на глазах у толпы зрителей проглатывает один и тот же шарик, чтобы носить внутри себя, как заветное.)

С самого детства живет во мне представление, что город этот многолик, столько слышал я о нем разного: «музейная Бухара», «мудрая Бухара», «блаженная Бухара», «ученая Бухара», «утонченная Бухара», «голубая Бухара», но ни один из этих красочных, в восточном духе, эпитетов не волнует так, как услышанное, может быть, среди самых первых слов, от матери: «Бухоро-и шариф».

Бывает часто, что живет внутри тебя, как настроение, предчувствие, догадка, которые ты не можешь еще выразить точно, одним словом, а когда находишь все же это слово или слышишь его, невольно восклицаешь от восторга и удивления. Да ведь именно так

она и называется, Бухара: «Благородная Бухара»! Это ты и чувствовал всегда, глядя на лица бухарцев, на их походку, одежду, слушая их речь, видя их дома и их город. С годами тип бухарца связался в твоём сознании с типом человека, который полон достоинства и не приемлет суеты, во всем знает меру и немного аскет по натуре, стоек, ироничен по отношению к себе, склонен к созерцательности и меланхолии — словом, глубоко художественная натура.

Должно быть, наиболее полно бухарец воплотил свою натуру в тихом и скромном на первый взгляд памятнике, стоящем на окраине города, — мавзолее Чашма Аюб (источник Иова). Недалеко от него самая знаменитая бухарская древность — мавзолее Саманидов, в лучах славы и блеска которой Иов сразу блекнет.

Мавзолее Саманидов поистине величествен, удивительно гармоничен во всех своих сложных частях. Перед ним хочется пасть ниц. О нем рассказывают легенды. Самая древняя из них о том, что для прочности кладки раствор вместо воды замешан на верблюжьем молоке, а самая новая, совсем уже в духе итальянского неorealизма, родилась после войны и повествует о том, как один богатый американец хотел купить мавзолеем, разобрать его по кирпичу, увезти в Калифорнию, сложить там снова, чтобы лечь в вечном покое рядом с самим царем персов Исмаилом. И что же? Сторож мавзолея якобы ответил с

достоинством, что если собрать деньги всех миллионеров мира, то и тогда сделка не получится: мавзолеем бесценен! Американец, говорят, устыдился — и поделом! А сторожа еще до недавнего времени показывали экскурсантам тоже как реликвию на фоне мавзолея, и, признаться, я был очень горд, как и все бухарцы, узнав об истории торгова, — ведь сторож выразил в простодушной форме те чувства, которые жили в нас: все вокруг, как и этот мавзолеем, поистине не имеет цены.

Однако меня не очень влекло к Саманидам. Вокруг мавзолея всегда толпы зевак, кажется, каждый камень «разглядан» до дыр, узан и разгадан, описан и запечатлен в тысячах снимков, картин, фильмов. В нем не осталось того, что всегда привлекает в моих глазах, будь то памятник или человек, — маленькой прелести тайны и неразгаданности.

Наверное, это участь всякого памятника и всякого города, который вплоть до начала нашего века был закрыт для чужестранцев. Вот и Бухару теперь открыли для себя фотографы, художники-любители, путешественники, и порой кажется, что город утомлен от этой суеты, чувствуешь это особенно по ночам, когда выходит полная луна и город как бы продолжает вздрагивать в нервном возбуждении. «Не отсюда ли частые землетрясения?» — шутят наши отцы.

Да, поистине мавзолеем Саманидов величествен. Как и всякая восточная постройка, предназначавша-

делилась тональность поэзии Дементьева: она выражала страстное стремление к тому, чтобы человек становился добрее, возвышенней, принципиальней.

Передо мною новая книга А. Дементьева «Рядом ты и любовь» («Молодая гвардия», 1976 г.). Она еще раз убеждает в том, что духовный мир советского человека, утверждение прекрасного в человеке, непримиримое отрицание лжи, ханжества, зла—основная тема поэта. А. Дементьев последовательно, на протяжении многих лет вникал в круг духовных интересов современников, пытался раскрыть нам в образе своего лирического героя их нравственный идеал.

В своих поисках он не умозил телом. Нравственные принципы для него—это не абстрактные, вне времени понятия, но принципы, обусловленные высокими примерами нашего времени, партийностью нашего общества. Поэта постоянно вдохновляет образ Владимира Ильича Ленина с его гуманизмом, открытостью характера, доступностью в общении с людьми, принципиальностью.

Процесс нравственного воспитания человека А. Дементьев рассматривает диалектически. Нравственность нужно формировать, развивать. Поэт внимательно вглядывается в душу подростка, желая понять и художнически запечатлеть, как в ней вызревает чувство причастности к добру, чувство благородного беспокойства за других. Показательно в этом смысле стихотворение «Дельфин». Раненый дельфин плывет к берегу. Люди на берегу замечают его, но никто не понимает, что дельфин на краю своей гибели. Завершается стихотворение строкой тонкой и примечательной: «И только мальчик все смотрел на море». Что взволновало его детское сердце? Какое прозрение зарождается в его душе? Поэт как бы говорит: не скользи взглядом по чужой судьбе—вникай в беды и радости мира.

Поэзия А. Дементьева не декларативна. Это поэзия высоких

помыслов и беспощадных в нравственном аспекте оценок человеческой деятельности. Талантливые стихи А. Дементьева, несомненно, окажут влияние на молодых и в выборе жизненного пути, и в восприятии увиденного, и в понимании той меры ответственности, которая возложена на всех нас Родиной и народом.

Мы входим в мир,
глядим на Русь влюбленно.
Уйдем,
оставшись перед ней в долгу.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Искренняя исповедь

На составление такого сборника стихотворений (Кирилл Ковальджи. «Испытание любви». Книга лирики. «Карта Молдовы», Кишинев, 1975 г.) надо отважиться. Нужна не только подлинная вера в насущность правдивого поэтического высказывания, но и полное доверие к читателю, чтобы столь щедро делиться с ним сокровенным опытом сердца.

Книга лирики Кирилла Ковальджи—это книга о любви. Не абстрактной, а конкретной, живой, полнокровной любви к девушке, женщине, жене. Не так уж часто современному поэту хватает духа на то, чтобы благородно и беззаветно воспеть «девушку—счастлившую причину солнечной поэзии земной».

Существенной особенностью сборника является его хронология. Без малого три десятиле-

тия, прошедшие от первых школьных тетрадей до стихотворений, написанных в последние годы, сообщают лирической теме книги неодолимую убедительность и глубину. Причем ранние юношеские стихи, не искаженные трезвым светом поздних представлений, при всей своей уязвимости и смятенности оказываются удивительно уместными в контексте книги. Они дают возможность выпукло обозначить уровень подлинности чувства, степень зрелости сердца, возраст души. Не итог или вывод предлагается читателю, а внутренний рост, развитие, становление нравственных убеждений. Не только определенный духовный опыт, но и рассказ о том, ценою каких утрат довелось его добывать. Не отгадки, а исполненный драматизма поиск жизнеутверждающего решения вечной проблемы—достижения человеческого счастья.

Я соглашаюсь без печали,
что нету вечного венца.
Смысл не в конце. И не в начале.
А от начала до конца.

Давно известно, что историкам со счастливым исходом поэты искони предпочитали тему любви неразделенной, неверной, несчастной. Если бы какой-нибудь инопланетянин вздумал составить себе представление об этом «предмете» по лирической антологии, он скорее всего пришел бы к заключению, что любовь—что-то вроде ложки блаженства в бочке отчаяния. Иначе говоря, в лирике, как правило, конденсируется и претворяется негативный сердечный опыт. Что же касается книги Кирилла Ковальджи, жизненный опыт, запечатленный на ее страницах, в целом позитивен, положительен. На мой взгляд, это обстоятельство заслуживает внимания.

Может быть, именно в наше деловитое и не слишком склонное к сантиментам время книги, подобные «Испытанию любви», обретают особую ценность. Никакая кибернетика, никакие социологические институты при их очевидной пользе и вероятно могуществе не заменят искренней исповеди реального опыта, не научат языку и культуре чувства. Думаю поэтому, что книга Кирилла Ковальджи найдет своего благодарного и признательного читателя.

Алексей КОРОЛЕВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Сила меткого слова

«Есть мысли,—говорит Л. Н. Толстой,—которых применения бесконечно разнообразны; поэтому чем общее выражены таковые мысли, тем более доставляют они пищи уму и сердцу, тем глубже они могут быть прочувствованы».

Иными словами, лишь мысль обобщенная обретает особую доходчивость и остроту, становится афористичной.

Необходима афоризму, изречению, всегда отточенная и лаконичная форма как бы воплощает в себе и сохраняет в веках мудрость человечества. Входя в повседневный обиход народов, она сближает их, равно питая умы и сердца, възвышающие истины. Идеалы добра и справедливости становятся общечеловеческим достоянием.

Поэтому невозможно переоценить нравственное и познавательное значение сборника афоризмов «Симфония разума», составленного Владимиром Воронцовым («Молодая гвардия», 1976 г.).

Точно так же невозможно переоценить и благородный труд самого составителя. В. Воронцов не просто собрал воедино десятки сотен мудрых афористических высказываний, принадлежащих писателям и мыслителям всех времен и народов. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть обширнейший именной указатель в конце книги, а также список литературных источников, позволя-

ющих видеть, что автор книги не пропустил ничего, заслуживающего внимания, и в то же время взял для сборника только то, что отвечает его гуманной концепции современного советского историка, философа-коммуниста.

Книга афоризмов не случайно получила свое название «Симфония разума»—воистину так и есть! Многоголосой, прямо-таки интернациональной симфонией, широко и волно охватывающей мир, становится главная идея, которой руководствуется и которую воплощает составитель. Это тема разума и справедливости. Большим и глубоким смыслом проникнута и гармонически стройная композиция книги, где все разделы как бы соподчинены и находятся в теснейшей внутренней связи и взаимозависимости.

Проследивая за течением и развитием направляющей, одушевляющей их авторской воли, видишь, как отдельные афоризмы, изречения, органически тесно и прочно сливаясь, образуют некую обширную мировоззренческую систему мышления—глубоко реалистического и непрерываемо убедительного. В сборнике, я бы сказала, представлена—в чрезвычайно емком и сжатом, концентрированном виде—переводная общечеловеческая культура, все гражданственные, патриотические, моральные представления народов, ограниченные силой меткого слова.

Поиск идеала, многовековая борьба за него выкристаллизованы в изречениях, принадлежащих классикам марксизма-ленинизма, крупнейшим писателям, деятелям литературы и искусства, ученым, философам, публицистам, педагогам, руководителям современного международного пролетарского движения...

Давая, как я уже сказала, буквально неистощимую пищу для ума и сердца, «Симфония разума» никого не оставляет равнодушным. Будучи подлинной энциклопедией человеческих размышлений и переживаний по поводу вечных явлений духовной жизни человека, книга эта обогащает нас, волнует острым наблюдением и помогает доброй продуманной рекомендацией. По любому поводу нашей внутренней жизни в ней находишь не подсказку, но глубинный, разумный совет—поддержку твоим собственным нравственным поискам.

Нина ТОЛЧЕНОВА

яся полководцу и государственному мужу, он богат, в нем много красок, и кажется, что строившие его зодчие изоощрялись в мастерстве и фантазии. Но меня всегда тянет к себе мавзолеем Иова, этого святого отшельника и страстотерца. Мавзолей Иова спокоен и душевен, в нем много истинно человеческого тепла, и, как у всякого произведения искусства, внешне неброского и незффектного, достоинства его скрыты, и надо настроиться на особый лад, чтобы оценить это удивительное создание бухарца о себе. Да и сама легенда о мавзолее как-то ближе к человеку, к его заботам и волнениям и рассказывает о том, как Иов, смилостивившись над умирающим от жажды народом, ударил посохом, и открылся на месте, где стоит сейчас памятник, родник, который и напоил всех страждущих,—поэтическое воплощение грез бухарца, окруженного безводной пустыней.

Меня всегда восхищало удачное место, где стоит мавзолей,—на небольшой возвышенности, открытой со всех сторон, на фоне городской крепости с воротами вдаль (назывались они «Ворота магов»). Просторно и много солнца, воздух не шелухнется, кажется, что все вокруг остановилось. Да, настоящее искусство, будь то сотворенное из камня, из слов или звуков, как бы останавливает движение и суету, приводя хаос в порядок, а человека к размышлениям.

От взгляда на мавзолей Иова становится понятным

смысл особого течения времени по восточному календарю. Кажется, что, когда памятник был воздвигнут, само время замедлило свой ход, и теперь для меня не существует иного объяснения, почему сейчас, когда по одному календарю на дворе 1977 год, по лунному—только лишь 1355 год, а сам лунный год на десять дней короче обычного.

Как восточный человек, я и на сей раз не удержусь от того, чтобы не воздать хвалу нашему ночному светилу. Оно приносит прохладу и умиротворение после знойного дня, с приходом луны тело тянется к покою, ее ровный и слабый свет возбуждает фантазию и художественное чутье, все желанное бухарец называет «луноликим», «луноподобным», ибо солнце ему в тягость, и сколько раз у меня возникало желание написать лирико-юмористический образ строптивого бухарца, забывшего спокойствие и мудрость и, как бы испытывая саму судьбу, шагающего в знойный день по пустыне, чтобы потягаться с самим солнцем.

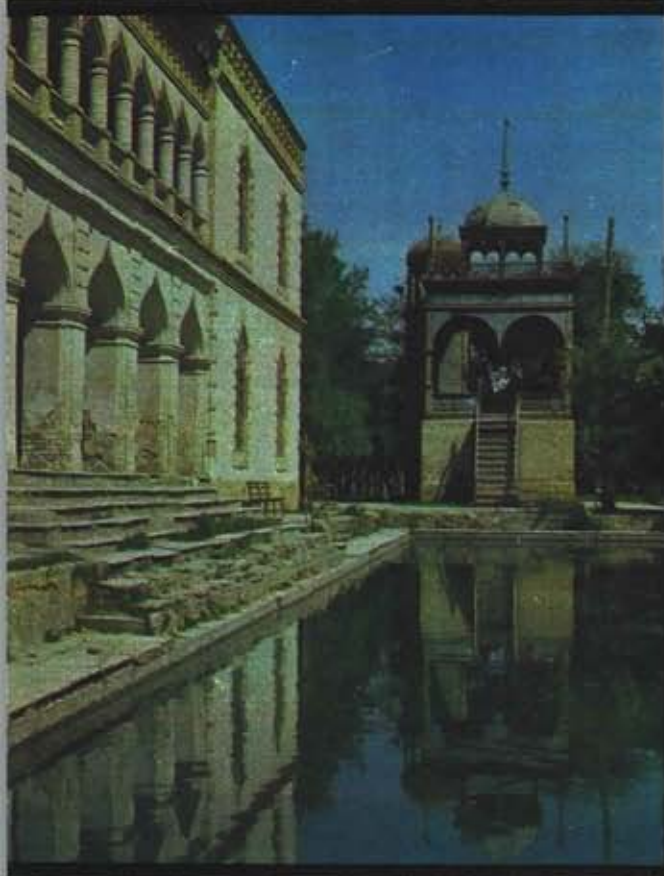
Бухарец старается не говорить о тягостном и не замечать его, как не замечает он и не выражает в своем искусстве солнца. Зато сколько вокруг образов луны—в изгибах мечетей и мавзолеев, в круге, который венчает минарет, в верхней части ниш внутри мечетей и у входа снаружи, в очертаниях куполов, но, пожалуй, самое яркое и величественное воплощение этих «лунных мотивов»—торговые купо-

ла, выходящие на все четыре стороны света,—плod «базарного гения» бухарцев.

Я еще застал в живых последнего бухарского астролога. Робкий и тихий старик, он был нашим соседом, и мы, дети, собирались у него в маленькой комнате, чтобы послушать необыкновенные рассказы о планетах. А вообще кого только не приходилось видеть в Бухаре всего каких-нибудь двадцать лет назад?! Нашим соседом, кроме астролога, был колдун, который в обычные дни работал на государственной службе—сторожем в школе; знал я хорошо и эмеезаклинателя, вечерами игравшего на бубне в оркестре местного театра. Но более всего меня, помнится, поразил секретарь жилищного управления, который скреплял гербовой печатью разные справки. Как-то, встретив меня с матерью на улице и увидев, что я мучаюсь от болезненного кашля, он сказал: «Вы, должно быть, уже перепробовали все, что советовали вам доктора? Приведите завтра мальчика ко мне. У меня есть трава. Пусть они попьют с мальчиком из одной чашки—хворь сразу снимает...»

Так вот, я запомнил со слов нашего астролога, что солнце есть планета царей, повелителей и чиновников. Луна же—планета важная и меланхолическая, царствует над всеми ремеслами и занятиями, которые происходят ночью,—она планета ростовщиков, артистов и поэтов.

Все три торговых купола, сохранившиеся до наших

МОХИ-ХОСА — ОДИН ИЗ КРАСИВЕЙШИХ ДВОРЦОВ БУХАРЫ.

дней, будто специально построены, чтобы подтвердить это не только своими формами и линиями, но и внутренней атмосферой. Ровный, матовый свет, идущий сверху и снизу и встречающийся где-то посередине купола, чтобы висеть потом плавно и одинаково густо, должен был создать ощущение мира и согласия между торговцами, приехавшими сюда из разных концов земли. Поэтам же, которые собирались под куполами, чтобы состязаться в мастерстве, «лунный свет» должен был дать вдохновение, намекая на то, что, кроме каждодневных забот, есть еще заботы вечные, вселенские. И кто знает, не этот ли свет из-под куполов, не эта ли вдохновенная атмосфера родили строки Омара Хайяма, жившего одно время при дворе бухарского эмира?

*Каждый розовый, взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.*

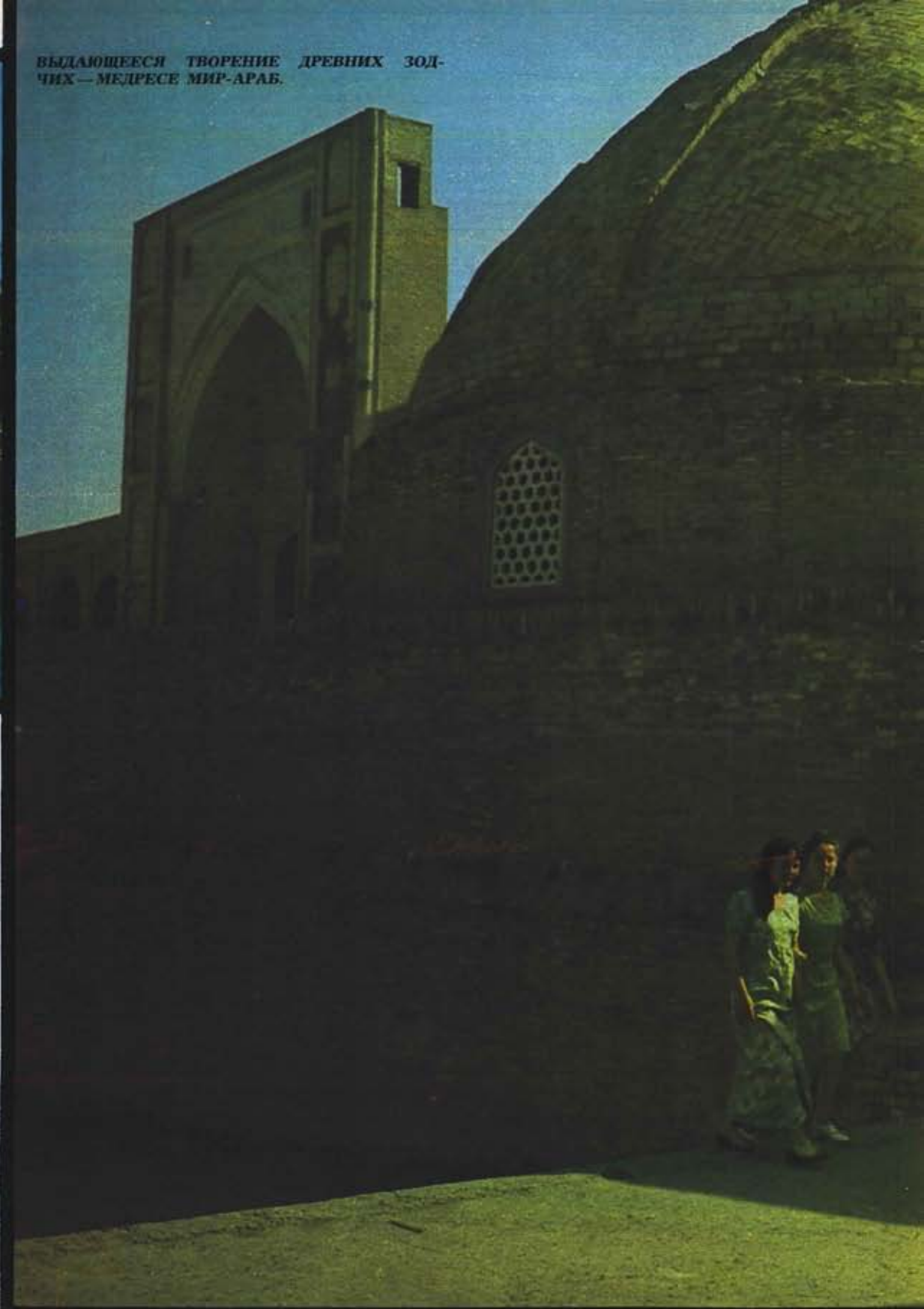
Только поэтическая атмосфера Бухары могла родить эти строки, в которых горечь и меланхолия разбавлены для полноты жизни красотой и мудростью!

Омар Хайям, Авиценна, Фирдоуси, Рудаки—это они наряду со знаменитыми зодчими, художниками-каллиграфами, учеными, музыкантами, мастерами

С БАЗАРА.

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ТВОРЕНИЕ ДРЕВНИХ ЗОДЧИХ — МЕДРЕСЕ МИР-АРАБ.

резьбы по меди, златошвейями и златокузнецами с раннего младенчества входят в сознание бухарца вместе с именем матери, клятвой верности дому, родине, с красотой тутового дерева—этого негласного символа каждой бухарской семьи.

Великий бухарец Авиценна—мы знали это с детства и этим гордились—известен во всем цивилизованном мире. Он воспитывал в нас благородные, гуманистические чувства, рассказы же странствующих сказителей древних эпосов пробуждали чувства общности со своим родом, языком. В сознании бухарца эти чувства неотделимы и существуют в гармонии.

Но разве все так радует и возвышает в Бухаре, спросите вы, разве все ее части гармоничны, разве нет в городе ансамбля, где утеряна, кроме всего прочего, эта гармония, и при этом покажете на ансамбль Ляби-хауз семнадцатого века, и будете правы.

На берегу большого водоема с гранитными ступеньками, как укор нашему чувству прекрасного, если не сказать откровеннее—нашей совести, стоят медресе

КУВШИНЫ ТРАДИЦИОННОЙ ФОРМЫ, СДЕЛАННЫЕ ИЗ АЛЮМИНИЯ.

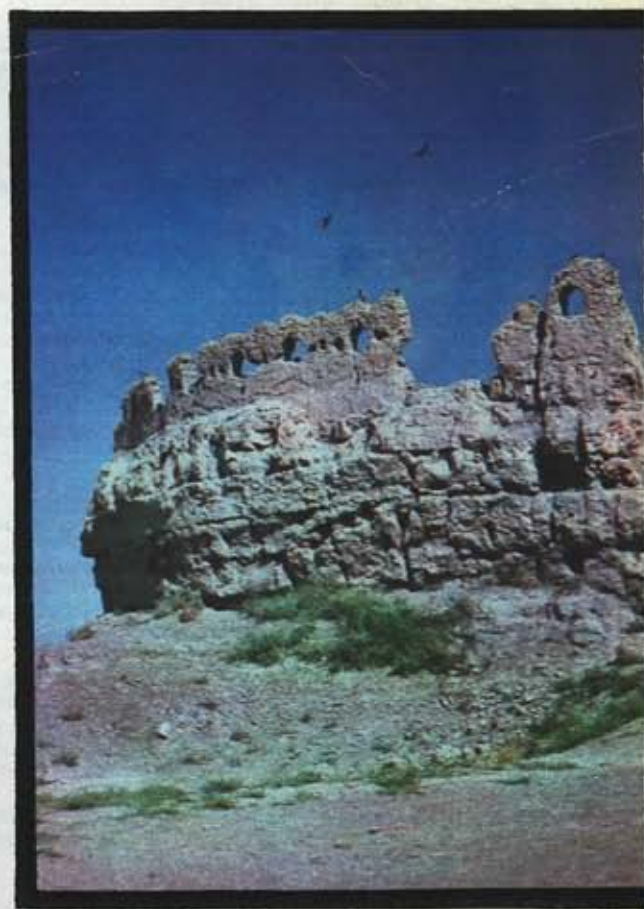

заманивающий в Бухару путешественников и показывающий дорогу заблудившимся минарет Калян. Сколько раз, возвращаясь в отчий дом после странствий, усталый, с горечью в душе, я смотрел напряженно, чтобы увидеть сквозь пыльную завесу, никогда не улетающую с неба Бухары, этот минарет. И сколько раз, увидев, как он медленно поднимается из-за горизонта, чтобы величественно предстать потом над всем городом, как страж, как надежда и утешение, думал: «Что бы там ни было—потери или разочарования, но вот он... уже виден... родина...»

И достаточно было потом ступить на эту площадь, как все забывалось, мелкое и суетное, перед величием вечности, а эта вечность сродни самой совести.

В нижних своих этажах, где кончаются плоские крыши, Бухара скучна, над всем висит один свет—свет солнца, и город, если, конечно, он не дорог тебе, если он не твоя родина, кажется похожим на все восточные города, сделанные из белой глины. Но не есть ли в его облике нечто от облика художника? Тот же аскетизм, то же пренебрежение внешней красочностью и помпезностью в повседневной жизни, та же строгость и скромность—и все это для того, чтобы родить изнутри себя нечто новое и величественное, чтобы через страдания возвыситься, подняться на недостижимую высоту в образе минаретов и мечетей, чтобы голубое на куполах слить с голубым в небесах.

СТЕНЫ ДРЕВНЕЙ БУХАРЫ.

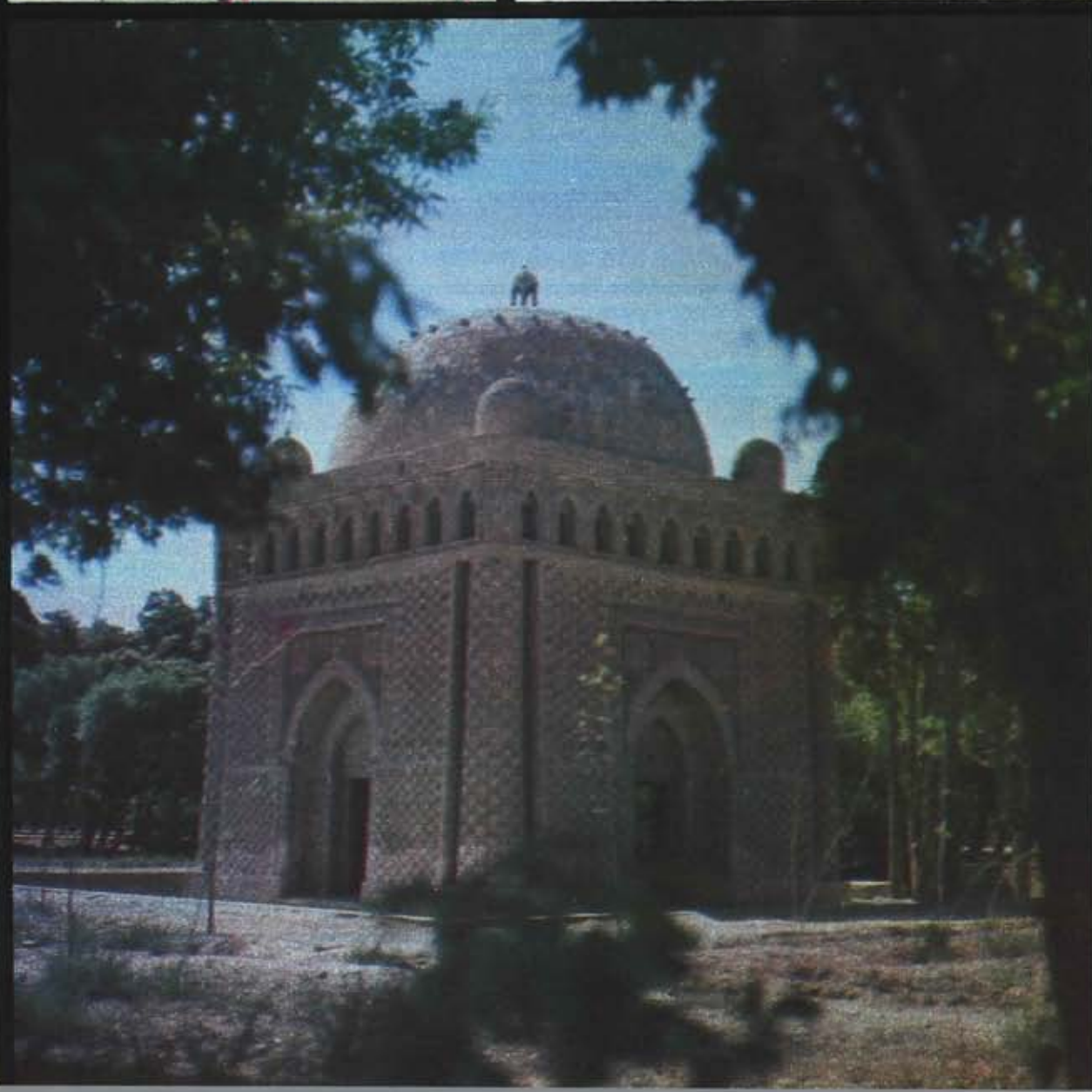
ВЕЩИ ИЗ СЕДОЙ СТАРИНЫ.

Да, истинное искусство то, которое, оставаясь верным своему городу, способно подняться над его традициями, какими бы богатыми они ни были, и во времена, когда для Бухары приходит век иного искусства—прозы, устремиться вдаль, в вечность...

Кукельдаш и мечеть Надира. Все смешалось у зодчих—разные стили и течения, пришедшие извне,—арабские, индийские, тюрко-монгольские, что само по себе, конечно же, может быть плодотворным при разумном усвоении, знании меры. Здесь же на всем лежит печать спешки и такой усталости и равнодушия, будто резец, едва коснувшись камня, спотыкался о что-то, и это «что-то», похоже, было слепое подражание и извращенное понимание целей искусства чиновниками, ведавшими архитектурными делами Бухары.

Все прекрасное, что было в зодчестве, казалось прошлым, и сколько мастера ни изошрялись, подражая готовым образцам, ничего не получалось, ибо прошлое, как известно, не возвращается, а если и возвращается ненадолго, то лишь пародируя себя в убогих и художничьих формах упадка.

Как утешение, как символ веры в искусство Бухары, нас манит другой ансамбль—триада самых выдающихся творений зодчих: мечеть Калян, медресе шейха Абдуллы Йеменского и возвышающийся между ними, видный издали со всех четырех сторон,

МАВЗОЛЕЙ ИСМАИЛА САМАНИ.

БОГИНЯ НИЩЕТЫ

Подвиньтесь-ка на Олимпе,
Зевс, Гера, Гефест, Эрот!
Богиня, людьми гонимая,
стоит у ваших ворот.

Крылатые и нагие,
являющие иконостас,
примите ее в Богини,
возьмите ее от нас!

Не скажешь о ней—страшила,
но взор у нее такой,
что кровь холодеет в жилах,
когда она рядом с тобой.

Ее сухая десница
сильнее ваших десниц...
Что стоит вам потесниться?
Нас некуда больше теснить!

Не жизнь у вас, а малина,
сплошной непрерывный пир.
Где ж увидеть с Олимпа
вам неподвластный мир—

с его темнотой и светом,
с бегущей среди воды
по камешкам континентов
Богиню Нищеты?

Она оккупирует город
за городом,
и за ней
не ангел поверженный—Голод
несет ее пепельный шлейф...

Три лучезарные Оры,
стерегущие вход,
как будто раздвинули шторы—
очистили небосвод
от облаков,

и ангел
сказал мне с улыбкой наглой:
«Возьмите ветку оливы,
поскольку уж вы на Олимпе!»

Полукругами—справа и сле-
ва, вокруг золотого трона Зев-
са, Богини и Боги—Гера, Апол-
лон, Артемида, Африна, Феми-
да, Тюхэ, Посейдон, Гефест,
Дионис, Эрот, Арес... а также
мойры:

Клото, прядущая нить
человеческой жизни;
Латесис, достояющая наугад
каждому жребий;
Атропос, заносющая в свиток
спокойно

все, что назначено
сестрами-мойрами.
Юная Геба и любимец Зевса
Ганимед разносят амброзию и
нектар. Вдали—хариты и му-
зы, только что закончившие
пенне и танцы.

Зевс.

Все здесь?
Все вроде...
Три Оры, дежурьте на входе.
Всем, кроме мойр, дела свои прервать,
огня не жечь, стрел не метать,
с едой и питьем покончить.

(Обращаясь к Фемиде.)
Звони в колокольчик!

Богини и Боги, внимание!
Сегодня на нашем собрании
мы по ходатайству Человечества,
которое от крайности к крайности
мечется,

должны, уважаемые Богини и Боги,
решить:
Богине Нищеты быть в нашем чертоге
или не быть?

Кроме просьбы людей и личного
ее желания,
у нас имеются два документальных
признания

нищего художника и богатой кинозвезды.
(В сторону.) Аполлон, не свисти!

Тюхэ.

Я, как Богиня Благоденствия,
категорически против.
К тому же она изъясняется
на какой-то «блатной фене»
и внушает мне опасения...

Зевс.

Тюхэ, тихо! Прошу без оскорблений!
Не забывайте, что прием Нищеты
приведет к большой на Земле перемене.
Слово предоставляется соискательнице.
(Ко всем.) И не вытирайте руки о край
скатерти!

Итак, продолжим нашу беседу.
(Нищете.) Докажите, что вы
бессмертны!

Богиня Нищеты.

Извините за плохую дикцию—
зубы съела еще в инквизицию.
Новые не вставишь, живя в нищете,
на черном хлебе и на воде.
Вы, в своей олимпийской берлоге,
уважаемые Богини и Боги,
мне напоминаете, прошу простить
покорнейше,
на бульваре отставных полковников.

Зевс.

То есть как?!

Богиня Нищеты.

А вот так—
распустились твои Боги,
сбились с праведной дороги,
перед лицом Богов открыто
разве скажет, к примеру, Фемиде,
что она поддерживает на Земле закон?
Президентов бьют из окон!
А вы, Дике, как Богиня Правосудия,
слишком часто пасуете!
А в каком у вас, Гера и Гименей,
состоянии брак?

Сплошной кавардак!
Эйрена, Богиня Мира,
постоянно уступает Аресу, Богу Войны.
И воительница Африна
не видит своей вины
в том, что рушатся города...

Зевс.

Вот это да!..

Богиня Нищеты.

Я продолжаю.
Я никогда людей не покидаю.
Увы!—
о них забочусь более, чем вы.
Не все, конечно, получается как хочется,
но творчество есть творчество...
Мне кое-где серьезно помешали,
особенно в восточном полушарии.
Но вот вам, Зевс, неполный список
тех, кто лично мною списан
в царство вашего брата Аида.
Поглядите!

(Протягивает Зевсу пухлую, истрепанную за-
писную книжку.)

Зевс (читает).

...Франсуа Вийон, Рембрандт, Сервантес,
Ван-Гог, Кюхельбекер, Модильяни, Воль-
фганг Моцарт, Пирсони...

Хватит! (Захлопывает записную книжку.)
Вы, кажется, хватили лишку!
Они бессмертны!

Богиня Нищеты.
Но их нет!
А на нет и суда нет.
Остальное узнаете из газет.

(Бросает, как свои козырные, несколько
газет.)

«По данным муниципальных органов, в
Стокгольме зарегистрировано 6000 без-
домных. Только 5 процентов из них имеют
постоянную работу, остальные перебива-
ются случайными заработками. 15 процен-
тов получают пенсию по болезням, 85
процентов бездомных страдают алко-
голизмом. Почти половина помышляла о
самоубийстве, 80 процентов состоит на
учете в уголовной полиции. Только четвер-
тая часть один раз в три дня принимает
горячую пищу...»
(«Векку-журнален», Стокгольм)

«По признанию руководителя государ-
ственной организации, ведающей продо-
вольствием, 50 процентов чилийских детей
в той или иной степени страдают от хрони-
ческого недоедания. Этот представитель
сообщил, что «более пяти тысяч детей
постоянно находятся на грани смерти от
истощения».
(«Меркурио», Сантьяго)

Зевс брови нахмурил
и гневно взглянул на коллег:
— Чтоб вы в сомнениях не терзались,
выслушаем, Боги, еще двух человек.
(Фемиде.) Включите магнитофонную
запись!

Голос художника:
Амен! Долгие вам—лета!
Я завязываю жить...
На ссбачьем кладбище в Буссето
я прошу меня похоронить.
Просьбою, на первый взгляд дурацкой,
я, наверно, вас развеселил.
Я хочу и под землей касаться
тех, чью участь на земле делил.
Был я живописцем не из бойких.
Знал пинки, но не влялял хвостом.
Я делился с псами на помойках
вами не доеденным куском.

По-собачьи жался в этой жизни,
конуру считая мастерской.
Пес однажды
слезы мои
слизывал,
воя на два голоса со мной.

Знал любовь и женщин знал немало.
Только не сравнится никогда
с тем, как меня нежила, ласкала,
крепко обнимала нищета!

На моей картине люди, звери
вместе за одним столом сидят.
Это—моя Тайная Вечера.
Я не верю в Бога. Пусть простят.

Звери, псы, что на земле ютятся,
люди, что находятся в беде,
пусть они все вместе наедятся
досыта—хотя бы на холсте!

Не шепчите надо мной молитвы.
Завещаю вам на сотни лет
холст,
где черный пес стоит с палитрой,
с трубкою в зубах—
Автопортрет.

Голос итальянской кинозвезды:
Ржавеют мои миллионы,
как листва прошлогодняя в парке.
Сверкнули-пропали года молодые—
как под мостом прошлестели байдарки.
Скажите, факиры, министры, продюсеры,
социологи и демонстранты,—

душа, что ли, выкипела
и пар, на груди
оседа,
превратился в бриллианты?

Три кабриолета стоят в гараже—
белый, красный и черный.
Я не позабуду, мой белый, как ты
заливался скворчкомом
на ста километрах сквозь лунную рощу
и, руки мои оторвав от баранки,
мой первый-последний Любимый
меня целовал...
Come bianco!

А после—на красном—
какие со мною катались дебилы!
Колесами
иллюминацию в Нище
давили!

Мне розы дарили,
мне роли давали,
и на колеса
наматывались не километры,
а миллионы...
Come rosso!

(Сиденье продавлено
то ли испанцем, то ли яванцем...)
Тогда мне в бессонницы девочка стала
являться—
похожа на Сольвейг, но безголоса,
оборвыш без обаяния,
и нищей ручонкой выпрашивала
подаенье...

Ни денег, ни пищи принять от меня
не хотела, дуреха.
«Душистого хлеба души твоей дай,—
говорила,—немного.
За это удача тебя никогда не оставит...»
Так это и было...
Наверно, я той попрошайке всю душу
скормила.

Гниют прошлогодней листвою мои
банковские билеты.
Как розы, в ночном гараже стынют
кабриолеты.
Я выведу черный «мустанг»,
что под занавес мне подарила карьера.
Газ выжму,
настигну тебя,
попрошайка, ночная химера,
и руль крутану посредине моста
и скажу напоследок:
— Come nero!*

Задрожали тут склоны Олимпа,
заорали тут Боги:
— Все липа!
— Невиданная клевета!
— Не принимать ее никогда!
— Она не любит никого в мире...
— И даже не играет на лире!..

А Посейдон хватил о стол трезубцем:
— Безумцы!
Этой грязной,
погрязшей во зле,
согревающейся в золе,
нет на Олимпе места,
но нету и на Земле!

Здесь я закрыл глаза и вспомнил Зем-
лю—не голубой шарик, каким она кажется
с высоты, а золотое пшеничное поле в
голубых каплях васильков, бесконечное
поле, переваливающееся за горизонт,—и,
чувствуя, что гнев Богов велик, что по
этому полю еще может пройти бесшум-
ной своей, опустошительной походкой ни
Бога, ни Людям неугодная Богиня,
я выбежал из укрытия
и заорал, не таясь:
— Примите ее,
примите,
оставьте ее у вас!
Как в гоголевском «Ревизоре»,
все остолбенели.
Лишь Оры,

*Come bianco! Come rosso! Come nero!
(итальянск.)—Как бело! Как красно! Как
черно!

чуя свою промашку,
оттаскивали меня за рубашку.

— Примите ее, пожалуйста,
избавьте, хотя б на век!..
Но Зевс произнес раскатисто:
— Вы, кажется, Человек?

— Да, я Человек воочию!
Я медленно переводил взгляд с одного
Бога на другого, понимая, что сейчас
меня...

Давно не видели? Удивил?
Странно, я их всех узнавал—как по газе-
там. И вдруг я заметил, что нет Афродиты,
и гаркнул:

— Собрание неправомочно!
Точно—нет ее, как я раньше из-под оливы
не заметил?
— Нету Богини Любви!

Но Зевс,
этот старый кутила,
меня осудил огульно,
и был я
катапультирован
с Олимпа

как богохульник!
Прекрасная Икариада!
Как Землю ни мятюгай,
но будь он трижды неладен,
их олимпийский рай!

О счастье возвращения на Землю!—
на желто-сине-красно-зелено-бело-
черную землю,
где трава сильнее асфальта,
а стеклянные небоскребы
не знают, что они похожи на замерзшие
водопады,
где тишина и грохот не подают друг
другу руки
вроде обиженных друзей,
где ловят рыбу,
добывают мрамор,
наводят мосты,

ищут рифму,
пишут драмы,
грунтуют холсты,
и все это вместе похоже на кузницу
Гефеста,
где одни куют мечи, другие—щиты.
Запрокинь голову—
разве увидишь с Олимпа такие облака?
Я хочу, чтобы все женщины,
даже скифские бабы,
были счастливы!

Что за женщина там вдалеке?
Вроде как сеет по старинке
или громадной иглой-невидимкой латает
прорехи на рубаше Земли.
Все ближе подходит,

народы ее обтекают,
все ближе—
что за взгляд удивительный,
что за свет исходит от людей,
которых, возносясь, касается ее рука?
Все ближе—

и когда
она коснулась
меня,
я узнал—
вот кого не было на Олимпе,
вот кого среди Богов недоставало,
из-за кого

меня и турнул Зевс—
она коснулась меня,
и полыхнул во мне такой невиданный
свет,
что и сам я зажмурился,

а когда отворил глаза,
Ты уже стояла передо мной и говорила:
«Здравствуй, это я! Где же ты пропал
столько времени?..»

А забывшая об Олимпе
шла, не зная дорог,
вознося и опуская руку свою на людей,
делая свое вечное дело—
словно сеяла по старинке
или иглой-невидимкой зашивала
прорехи на рубаше Земли,
все дыры в Человечестве,
оставшиеся от нищеты,
вершила свое вечное дело,
и не до Олимпа ей было, как и тысячи
лет назад,

ее Время действия было—Всегда,
но место действия—Сегодня.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

приходите—вас ждут...

Начало на 14-й стр.

Вглядитесь в любое замкнутое лицо! Это неоткрытая планета. Это заколдованный остров. Это царевна в лягушачьей коже или Иван-царевич в шапке Ивана-дурака. В свое время несколько миллионов молодых людей, опасавшихся прожить жизнь напрасно, устремились на целину. Хвала им и честь! Но, пожалуй, душевная целина бесплодней и тягостней степной. Хочется проверить себя? Вырасти улыбку на пустынном человеческом лице!

Сделать счастливым хотя бы одного невезучего—это тоже подвиг...

Наше общество декларировало право человека не только на свободу, равенство и братство, но и на счастье. Задача эта—дать счастье каждому—фантастически сложна. И для того, чтобы решить ее, нужно, в частности, изменить сам взгляд на общение.

Когда-то Экзюпери написал о роскоши человеческого общения—формула эта сразу стала крылатой, общеизвестной, общепринятой. Но, охотно ее повторяя, не забываем ли мы порой, что общение—не только роскошь, но и жизненная необходимость, суровая ежедневная потребность? Без него человек чахнет, рушится, гибнет. И минимумом общения, как хлебом насущным, должен быть обеспечен каждый, непременно каждый!

Боюсь, что эту почти очевидную истину нам по-настоящему еще только предстоит понять. Задайте себе один очень простой вопрос: кто в вашем доме, квартале, городе занимается непосредственно общением—им и только им? А ведь, допустим, за торговлю мороженым отвечает уйма совершенно конкретных, облеченных властью людей...

Наши клубы, наши великолепные дворцы культуры регулярно и плодотворно заботятся о просвещении, обучении, развлечении юных масс и лишь побочно, случайно, не обязательно—об общении. Они и строятся соответственно: тысячные залы, огромные фойе... А общению нужен уют.

Есть у проблемы и еще одна грань.

Во множестве случаев жизни мы уже научились приходить на помощь человеку, терпящему бедствие. Рыбаков унесло в море на обломке припая? С ближайшего аэродрома сразу же поднимается вертолет. Кто-то попал в аварию или обгорел? Десятки добровольцев, собранных срочной передачей местного радио, делятся с пострадавшим кровью или кожей. Вы попросту отстали от поезда, а в кармане ни рубля? Не отчаивайтесь—дежурный по станции сумеет вас выручить. Это правда, ручаюсь—сам отстал...

Одиночество, достигшее критической точки,—тоже беда, и немалая. Но какой дежурный поможет пострадавшему?

А теперь представьте на момент—примем такое фантастическое допущение,—что о надвигающейся человеческой драме сообщила бы срочная передача местного радио.

Десятки добровольцев поспешат на помощь, щедро делясь с попавшим в беду своим опытом, мудростью, хорошим настроением, наконец. Возможно, этого настроения хватит ненадолго. Но ведь и чужая кожа не приживается к обгоревшему телу—она лишь дает возможность выжить, пока не нарастет своя...

Но как связать человека, терпящего душевное бедствие, с тем, кто готов помочь?

То, что я хочу предложить, вероятно, многие сочтут нелепым и даже смешным. Возможно, так оно и есть. Но ведь и нелепая мысль порой может принести пользу, вызвав конструктивный, вполне разумный ответ...

У нас есть добровольные народные дружины, пожарные дружины, наконец, славный ОСВОД—общество спасения на водах. Не настал ли час создать нечто вроде ОСОДа—общества спасения от одиночества, добровольцы которого, доноры радости, всегда готовы броситься на помощь терпящему бедствие в бурных волнах моря житейского!

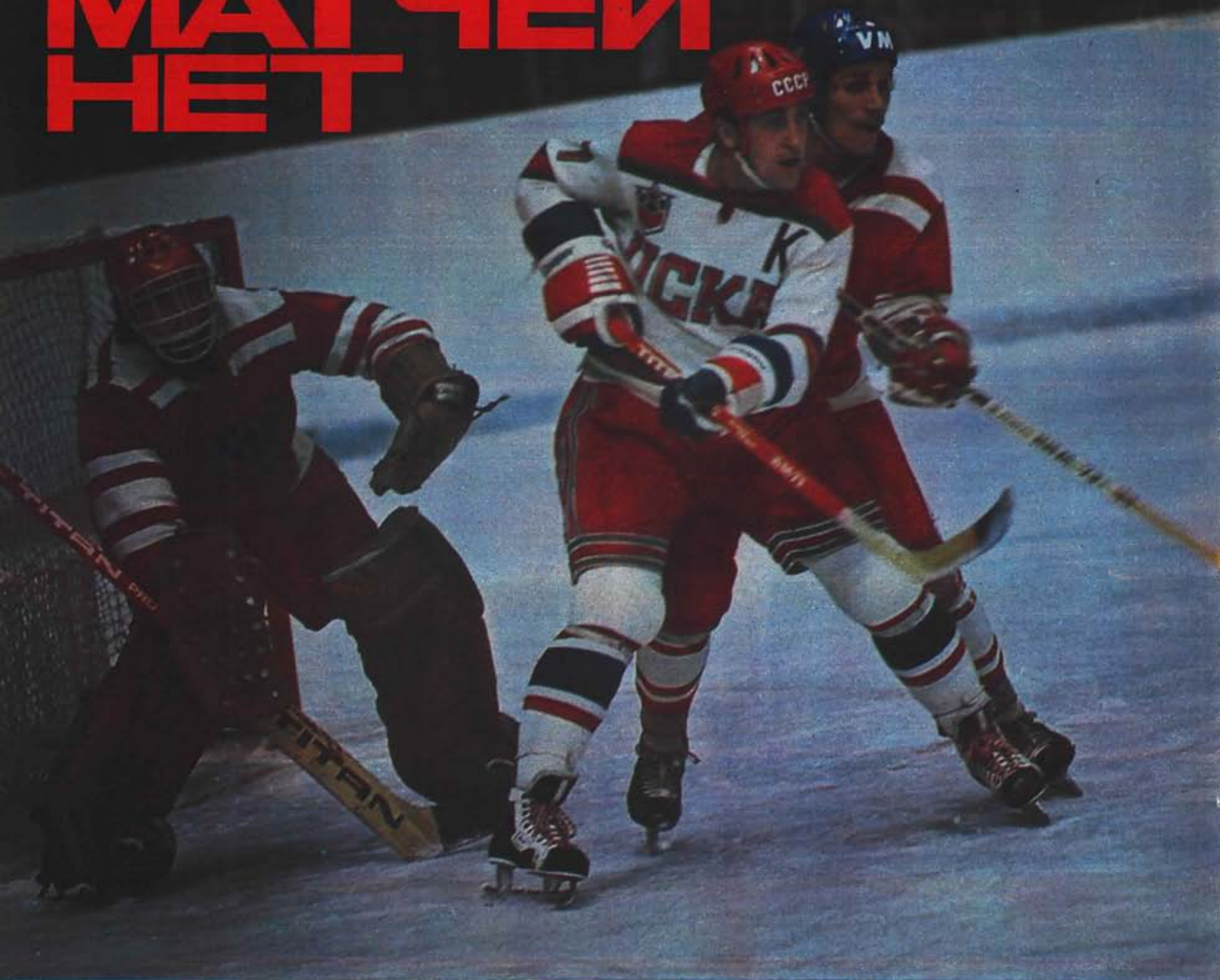
(Предвижу вопрос: стоит ли ради немногочисленных случаев, дел сугубо личных, создавать целую организацию? Отвечаю: собаками увлекается явное меньшинство населения, тем не менее общество собаководов развивается, процветает и уверенно смотрит в будущее.)

Так вот, не завести ли в порядке эксперимента, для начала хоть в нескольких городах, своего рода диспетчерский пункт, позвонив на который неудачник услышал бы:

— Вам плохо? Давайте подумаем, кто мог бы вам помочь. Учитель? Врач? Артист? Литератор? Спортсмен?.. Вот адрес, вот телефон. Приходите—вас будут ждать.

Человеку очень важно знать, что его хоть кто-нибудь ждет.

ПРОИГРАННЫХ МАТЧЕЙ НЕТ

Чемпионы о себе

Борис МИХАЙЛОВ,
заслуженный мастер спорта

мало заметны вы. И я понимаю журналистов и телекомментаторов, которые вспоминают вас реже, чем ваших партнеров по ЦСКА и сборной страны. Я внимательно слежу за вашей игрой, вижу ваш вклад в

Года три-четыре назад поклонник нашей хоккейной команды, инженер из Горького, прислал мне письмо, которое, скажу сразу, было мало похоже на другие письма, адресованные в ЦСКА. Болельщик армейцев писал: «Я смотрю, как вы играете, вижу, с каким старанием боретесь за шайбу, чувствую, что вы понимаете свою, капитана команды, ответственность за игру товарищей, и мне становится обидно за вас. Как блестяще смотрятся на льду Третьяк и Харламов, Якушев и Петров, как эффектен Мальцев и как

успехи команды и думаю, что вы, простите за грубое сравнение, та «ломовая лошадь», которая тащит телегу всю жизнь, но которую замечают немногие. Надолго ли хватит вас, не надоест ли такая роль?» Письмо тронуло. Необычное письмо. И необычный взгляд на мою игру.

Я вспомнил об этом письме в самом начале февраля, когда «Смена» предложила мне выступить на тех ее страницах, где слово получают чемпионы.

Мой добрый, заинтересованный в успехах Михайлова болельщик из Горького неправ. Я не обойден вниманием: право же, у меня нет оснований жаловаться. В тройке, вот уже несколько лет считающейся в нашем хоккее первой, мы равны, но Володя Петров, Валерий Харламов и я стали сильным звеном, может быть, не только потому, что все трое достигли довольно высокого уровня тактической, технической, атлетической и волевой подготовки, но и потому, что удачно дополняем друг друга. Да, у меня нет необыкновенной, неизменно загадочной, нелогичной обводки Харламова, но у кого в нашем хоккее она есть? Да, у меня нет разящего, сокрушительного броска Петрова, но многие ли могут потягаться с ним в искусстве поражать цель? Надеюсь, однако, что у

меня есть какие-то другие, не столь бросающиеся в глаза сильные стороны, и, видимо, потому партнеры не считают, что я выпадаю из звена.

Мы играем в двух командах, в ЦСКА и в сборной, с конца 1968 года. Девятый сезон. Мы одинаково понимаем принципиальные основы ведения атаки и построения обороны. Но все-таки мы находим в нашей любимой игре разные, не всегда одинаковые достоинства.

Мой хоккей прост. Не только самое важное, но и самое интересное — забить гол. Для меня совершенно неважно, как мы добились успеха. После многоходовой, быстротечной комбинации или после стремительной контратаки, где был всего один пас, или после грубейшей ошибки вратаря, когда в голе и заслуги-то нашей вроде бы нет. Неважно. Лишь бы был гол. Была победа. Спорт, как бы ни был он в каких-то проявлениях близок к искусству, всегда останется спортом. Соревнованием, где выявляются победитель и побежденный. И я всегда неизменно стремлюсь к победе. К голу.

На чемпионате мира в Праге в 1972 году Николай Георгиевич Пучков, бывший в ту пору тренером сборной, сказал нам в перерыве матча:

— Играете так себе. Гол забили какой-то нелепый, случайный: шайба-то влетела в ворота от конька вратаря...

Я даже опешил: за гол ругают. И ответил, что шайба, пересекая линию ворот, считается голом, какой бы путь она перед этим ни проделала.

Мне ближе взгляд на хоккей Аркадия Ивановича Чернышева. Два десятка лет работавший со сборной, он не устал нам повторять, когда мы «заигрывались», начинали плести на льду «кружева», бесконечно пасуя шайбу друг другу: «Не нужна красота, нужен гол. Гениальность в простоте».

1 февраля в очередном туре мы играли с «Химиком». В начале матча случилась такая ситуация. Шайба была у меня, я приближался к воротам Пашкова, показалось, что вратарь занял неверную позицию, решил его обыграть, но потом мгновенно сообразил, что проще отдать шайбу чуть назад: Цыганков уже мчится на свободное место почти прямо перед воротами. Пас получился точным, и Геннадий бросил что надо.

Спустя несколько минут ситуация почти повторилась. Снова шайба была у меня, и снова я находился вблизи ворот «Химика». Искушения красиво выско-чить из-за ворот и протолкнуть шайбу в ближний угол у меня не возникло: я видел более рациональный ход, и потому в ту же секунду откинул шайбу на «пятак», куда рванул Петров. Счет стал 2:0.

Не иду эффектные ходы, если есть более надежные и простые. Думаю, что самым простым было мое решение и в том эпизоде, когда во втором периоде армейцы забросили пятую шайбу в ворота «Химика». Петров и я выскочили вдвоем против одного защитника, шайба была у Володи, и вратарь чуть-чуть сдвинулся в его сторону. Как только Петров адресовал шайбу мне, я тотчас же, не теряя ни мгновения, отправил ее в ворота, в левый от вратаря угол, я знал, что он просто не успеет сделать так нужные ему сейчас два шага назад.

Простой хоккей — это рациональный хоккей, где есть место и творчеству и неожиданным игровым решениям. Хоккей, где все пять полевых игроков в постоянном движении, в поиске, где ни один из пятэри не отстаёт, не останавливается, не позволяет себе передышки.

Я выхожу на лед играть. Я в движении. Мы атакуем, я иду свободное место, я открываюсь, предлагаю себя партнеру, владеющему шайбой: ему решать, кто из нас в более выгодной для развития атаки ситуации.

Мы потеряли шайбу, мы защищаемся. Спешу назад — не дать свободы действительному сопернику. Я рядом, он чувствует мое дыхание, я не даю ему осмотреться, разобраться в происходящем на площадке. Не только Петров, наш центрфорвард, но и мы с Харламовым, крайние нападающие, откатываемся в свою зону, на помощь защитникам.

Есть в хоккее такое жаргонное словечко — «горбатиться». Значит, играть с предельным напряжением сил. С полной самоотдачей. Анатолий Владимирович Тарасов сказал как-то нам: нападающие летят вперед, как под горку спускаются. А назад не особенно спешают: в горку взбираться труднее, чем катиться вниз. Вот я и стараюсь с тех пор, чтобы и вперед, в оборону — заниматься «черновой работой», — тоже получалось как под горку.

Мой доброжелатель из Горького беспокоился, не надоест ли такая игра. Не надоест ли «горбатиться» из матча в матче. В первенстве страны. На чемпионатах мира. На Олимпийских играх. С канадцами и американцами за океаном.

Но другого хоккея я просто и не знаю. Я шел к своей игре всю спортивную жизнь и легким свой путь, право же, назвать не могу. Не было у меня такого счастливого и победного дебюта, как у Владика Третьяка, как у Саши Мальцева или Володи Лутченко, заигравших сразу. Заигравших в первоклассных командах. А я в

ЦСКА только со второй попытки попал. Да и на этот второй раз далеко не сразу стал игроком основного состава. Совсем не сразу.

Играть я начинал, как и все мальчишки, во дворе дома. Дворовая команда, с которой занимался тренер-общественник Иван Иванович Халилин, была довольно приличной. Выделялся мой старший друг и сосед Женька Мишаков. Именно он и привел меня в команду своего ремесленного училища. Потом нас вместе взяли в «Трудовые резервы», где тренером был Михаил Федорович Кузьмин.

Многие ребята одинаково увлекаются и футболом и хоккеем. И все же хоккей понемногу стал притягивать меня больше, чем футбол. Азартом, страстью, скоростями. Самое большое удовольствие получал от быстрого катания с шайбой. Попал в «Локомотив». Со временем стали подключать к играм в составе первой клубной мужской команды. Мне было 16 лет, а, например, в «Крыльях» играли только-только ушедшие из Большого хоккея олимпийские чемпионы Алексей Гурьев, Альфред Кучевский. Хорошая была школа. Суровая школа.

Прошло еще какое-то время, и меня периодически стали допускать тренироваться с мастерами.

Работал я в ту пору в управлении механизации № 3 автослесарем. Маме приходилось трудно, надо было помогать ей: у меня три брата, и все трое — школьники.

Однажды меня пригласили в ЦСКА. Я начал ходить на тренировки знаменитого клуба, но, увы, прошло полгода, а разговоров со мной серьезных никто и не пытался вести. Догадаться было нетрудно: ЦСКА и без меня легко обойдется. А здесь подвернулось приглашение из команды класса «Б» — из Саратова. И я уехал из Москвы.

Играл за «Энергию» (потом наша команда стала называться «Авангардом») три года. То было время становления. Не хоккеиста. Личности. Мне было семнадцать лет, и я впервые оказался один, без мамы, без ее опыта и постоянной опеки, предоставленный сам себе. Тренером команды был Анатолий Степанович Гаврилин, из тех людей, которых справедливо называют «классными мужиками». Внимательный, душевный человек.

Три года промчались незаметно. Гаврилина сменил Роберт Дмитриевич Черенков, работающий в Саратове уже второй десяток лет и приобретший ныне известность и как хороший, крепкий тренер клуба, где выросли защитник Владимир Крикунов, приглашенный в рижское «Динамо», вратарь Сергей Бабарико и нападающий Владимир Семенов, выступающие за столичное «Динамо», и как один из тренеров сборной страны, работавший с командой во время сентябрьского турнира на «Кубок Канады».

Роберт Дмитриевич многое открыл для меня в хоккее. Он резко увеличил нагрузки, стал более непримиримо относиться к моим проблемам в хоккее — «образованию».

Я играл за волжан, а мой друг Женька Мишаков, не увенчанный еще титулами и званиями, выступал за столичный «Локомотив». Именно он уговорил Анатолия Михайловича Кострюкова, тренера железнодорожников, посмотреть, как я играю, когда саратовцы встречались на катке «Сокольники» с командой города Электросталь. «Локомотив» должен был в тот день, сразу же после матча, тренироваться на катке, и Кострюков пришел пораньше. Я, надо сказать, выступал в том поединке в непривычной для себя роли — играл защитником: заболели несколько хоккеистов, составляющих оборону, и тренер срочно переквалифицировал меня. Не знаю, что уж там Женька наговорил Кострюкову, но тот пригласил меня познакомиться в «Локомотиве». И вот я прихожу на первую тренировку, и Анатолий Михайлович ставит меня в... защиту.

Я взмолился: какие же это «смотрины», если я никогда не был защитником, если только один раз в жизни и выступал в этой роли!

Теперь уже изумился Кострюков. Оказывается, он приглашал меня как защитника.

В «Локомотиве» в то время были вакансии, в частности, только что ушли в «Спартак» Владимир Мигунок и Евгений Зимин. Меня поставили в тройку к двум Александрам — Сафронову и Гришину.

Выяснилось, что я умею совсем немного: слишком велика в то время была разница в классе команд разных лиг — «Локомотив» считался крепким середняком в высшей группе, а саратовцы не особенно блистали в первой. Ребята, как могли, помогали мне, и я бесконечно благодарен Виктору Цыплакову, Виктору Якушеву, Валентину Козину, Станиславу Ильину, Александру Волкову, Михаилу Рыжову (и на тренировочных сборах и в других городах мы жили с ним в одной комнате) за те уроки, которые щедро давали они младшему товарищу.

Я не переоценивал собственные возможности. Тем более что нечаянно услышав весьма нелестный отзыв о своей игре. Мы проводили на катке «Кристалл» товарищеский матч со «Спартаком», и Борис Майоров спросил кого-то из наших асов про меня:

— И где вы только откопали этого бестолкового бегуна?

Было страшно обидно. Знаменитый мастер, игрой которого все восхищались, дал мне такую унижительную оценку.

По забитым шайбам я в нашей команде в конце сезона оказался третьим, тренеры мне говорили, что я хорошо ориентируюсь около ворот соперника, но вот остальное... Больше всего меня ругали за неумение выходить с шайбой из зоны.

Учился. Времени на тренировках даром не терял. Но оценку Бориса Майорова не забывал. И потому крайне удивился, когда один из хоккеистов ЦСКА сказал мне:

— Борис Павлович Кулагин просил передать, что бы ты старался. К тебе присматриваются...

Вы, конечно же, догадались, кто из армейцев подошел ко мне. Ну, разумеется, все тот же Мишаков. Лидер нашей хоккейной дворовой компании.

Получив приглашение из ЦСКА, я немедленно сообщил о нем товарищам по команде: обманывать, действовать за их спиной я не хотел и не мог. Это было бы нечестно. Ведь если я и научился чему-то в высшей лиге, то именно благодаря им и тренеру. Ребята сказали, что команда приглашает меня первоклассная, с самой лучшей школой, и если я серьезно отношусь к делу, то о переходе не пожалей.

В мае 1967 года меня призвали в армию, и вскоре я подключился к знаменитой команде.

Новобранцы, как и молодые армейцы, еще только претендующие на место в основном составе, начали тренироваться на две недели раньше, чем маститые, — Вениамин Александров, Виктор Кузькин, Александр Рагулин, Анатолий Фирсов.

Владимир Петров и я пришли в ЦСКА одновременно, и Тарасов сказал нам с Володей на первой же тренировке:

— Работать придется много. Значительно больше, чем прежде. То, что испытывали вы в других командах, — только цветочки. За ягодами пойдем вместе...

Одно дело — знать что-то понаслышке. Другое — испытать на себе. Так было и у нас.

Я говорю о нагрузках, принятых в ЦСКА.

Если бы я тогда точно знал, что такое тренировки в армейском клубе, то, может быть, и не пошел бы в эту команду.

Мы начали тренироваться не на льду. На земле. Три раза в день. Тот первый тренировочный сбор на юге, в Кудепсте, я не забуду до последнего дня. И сейчас не могу себе представить, как я выдержал такое. Говорю не для того, чтобы залгать юношу, мечтающего о славе Харламова или Третьяка. «Чемпионы о себе» — значит, рассказывать все, как было, правду. Вот я и вспоминаю, как воспринимал новую атмосферу, новые, немислимые, неправдоподобные нагрузки.

Утром в течение часа мы швыряли громадные камни в море, а потом, стоя в воде, бросали их обратно.

В Кудепсте есть подъем, который с трудом одолевает дизельный автобус. А мы сажали партнера на плечи и тащили его в гору. Моим напарником был, естественно, Петров, другой новичок ЦСКА.

Как же я ненавидел Володю с его девяносто килограммами! И сейчас, когда мой ближайший друг, партнер, с которым мы не только, несмотря на бесконечные споры, мирно уживаемся в одной комнате во время всех без исключения чемпионатов мира и тренировочных сборов, но и дружим семьями, сейчас, когда наш центрфорвард встает на весы, я автоматически, рефлекторно закрываю от усталости глаза: тот подъем в Кудепсте, залитый палящими лучами солнца, видится как дурной сон.

А потом, к вечеру, когда спала жара, проводилась вторая тренировка. Работали с клюшками. Партнер, разумеется, сидел на твоих плечах, а ты вел шайбу по грунту или асфальту — тренировка была одновременно и технической и силовой.

Небо мне к концу сборов показалось с овчинку. Я не выдержал. Психологически надломился.

Обратился к Кулагину. Попросил его замолвить словечко перед Тарасовым. Чтобы отпустили из ЦСКА, сил больше нет.

Борис Павлович убеждал:

— Что ты, хуже других? Смотри, все справляются с нагрузками. И те, кто моложе тебя, у кого опыта меньше. Потерпи: скоро станет легче, сам почувствуешь, как прибывает сила, как растет выносливость. Терпи, будешь играть в основном составе.

В это я уже не верил. Слишком велика была конкуренция.

Пробовались разные варианты звена. Чаще всего на «базе», как выражались тренеры, Александрова. Вениамин играл то с Виктором Ереминым и Александром Смолиным, то с Петровым и Михайловым.

Нам, пришельцам, было труднее, чем Смолину и Еремину, армейцам с самых юных лет, прошедшим школу ЦСКА и исподволь приучавшимся к таким нагрузкам. Да и тренеры, как мне казалось, к «своим» относились с большей симпатией.

Кончились сборы в Кудепсте, раскатывался сезон, а мое, как, впрочем, и Петрова, положение было неясным. С одной стороны, приглашали в команду, с другой, судя по всему, не очень-то на нас рассчитывали...

На комсомольском собрании тогдашний комсорг Анатолий Фирсов однажды «поддал» нам с Володей: не спешим, мол, оправдать надежды, возлагаемые на нас.

Я начал спорить, сказал, что нам не дают возможности сыграть, как мы можем. Нас задержали. А ведь мы тоже не железные, и у нас нервы есть. Это не проверка — мы играем по полматча, а то и по периоду: чуть что не так, сразу же на скамью запасных. В конце концов мы ведь не мальчики, игроками основного состава были: я в «Локомотиве», Петров в «Крыльях». Предложил проверить нас иначе. Пусть Смолин и Еремин сыграют с дядей Веней (так уважительно именовали в ЦСКА Вениамина Александрова) серию матчей, серию, а не одну встречу, тем более не период. А потом проведем несколько игр мы.

Тарасов хмурился, молчал. Прошла неделя, и Анатолий Владимирович поставил нас с Петровым на игру. Затем на вторую, третью, пятую. Похоже, он и Кулагин поверили в нас. Ну, а мы тоже старались: звено не проиграло ни одного микроматча.

В составе ЦСКА весной 1968 года стали чемпионами страны. А несколько месяцев спустя на место Александрова был введен Валерий Харламов.

Дебют новой тройки был неудачным, об этом потом много писали: мы проиграли в Горьком 0:1. Но не меньше писали и о настойчивости Тарасова. Петров и я упрямы, ну, а наш тренер в этом никому не уступит, и уж коли он поверил в нас, неудача смутить его не могла.

В декабре 1968 года мы играли за сборную. Сначала за вторую, потом за первую. Через три месяца, в марте шестьдесят девятого, в Стокгольме мы стали чемпионами мира.

С тех пор наша тройка считается первой. И в ЦСКА и в сборной команде страны. С тех пор и по сей день мы играем и играем, без перерывов, тыфу, тыфу, стучу по дереву, и теперь не только мы изучили всех своих соперников — московских и уральских, чехословацких и шведских, канадских и американских, — но и они знают нас, кажется, наизусть.

Теперь и Володя и я легко справляемся с нагрузками, значительно более объемными, чем те, что убивали меня когда-то в Кудепсте. Теперь так тренируются едва ли не все команды высшей лиги, а новички привыкают к этим нагрузкам заранее, еще тренируясь в составах молодежных команд. И хотя мне четвертый десяток, да и Петров вот-вот отметит свое тридцатилетие, усталости мы не чувствуем. Может быть, как раз потому, что тогда, в Кудепсте, выдержали все — и валуны, выбрасываемые на берег, и подъем на горку, где надрылись автобусы, и игру с партнером на плечах.

Сейчас нагрузки в ЦСКА невероятно возросли. Наш тренер Константин Борисович Локтев не только сохранил традиции Тарасова и Кулагина, но и, угадывая требования времени, приумножил и развил их, и атлетическая готовность армейцев к любому многотрудному сезону сомнениям не поддается.

Уже много лет мы — сложившееся, наигранное звено. Коллектив со своим почерком. Устоявшимся почерком. Маленькая команда. Мы едины, мы в чем-то, подозреваю, уже, наверно, и похожи друг на друга. Но мы и очень разные. Над нами с Володей часто посмеиваются — называют чемпионами споров. «Наша коса на камень» — это и правда про нас. Но я всегда напоминаю в ответ на шутки: наши бесконечные дискуссии и споры никогда не шли во вред ЦСКА или сборной, не наносили ущерба команде. И мы уже просто не можем обходиться друг без друга. В Архангельском, на нашей тренировочной базе, мы живем с Петровым в одной комнате, а Харламов — за стеной, с Володей Поповым из третьей тройки.

В одном все трое абсолютно схожи: мы не любим уступать, терпеть поражение.

Для меня нет проигранных матчей. Как бы ни складывалась борьба, каким бы ни был счет, поединок, почти любой поединок выиграть можно, лишь бы оставалось достаточно времени. И потому я борюсь, я работаю на льду до конца, до финальной сирены. И ни у одного тренера, с которым свела меня судьба, никогда не было ко мне никаких претензий по части трудолюбия.

Борьба до конца не слепой фанатизм, а понимание природы спорта, современного спорта, в котором исход борьбы решает не только техническая, тактическая или физическая подготовка, но и волевая тоже. Много неожиданного может случиться в одном только хоккейном матче, по-разному может складываться и счет, но опускать руки при неудаче нельзя.

В 1972-м мы впервые играли с профессионалами. И вот первый матч. На их льду. По их правилам. Психологическая обработка была бесхитро-

стна — единодушный хор утверждений об обреченности русских. Предлагались пари — сможем ли мы отнять у профессионалов хотя бы очко.

Шайбу вбросили в игру, матч начинается, и на тридцатой секунде в наши ворота влетает первая шайба, через несколько минут — вторая. Трибуны торжествуют, неистовствуют: их кумиры бьют тех, кто осмелился посягнуть на освещенный десятилетиями авторитет Национальной хоккейной лиги. Может быть, кто-то махнул на нас рукой, кто-то посчитал уже дело сделанным. Только не мы. Мы не считали матч проигранным, хотя уступали две шайбы, хотя играли на чужом поле, хотя противостояли нам легендарные мастера. Итоговый результат поединка известен — мы выиграли 7:4.

А два знаменитых матча со столичными спартаковцами в финале Кубка европейской чемпионки! В первом поединке мы уступили 2:3, во втором проигрывали 1:4. Едва ли кто верил в успех хоккеистов ЦСКА, но мы играли и играли, мы боролись, несмотря на всю вроде бы очевидную безнадежность борьбы, мы не уступали без боя ни сантиметра льда. И «Спартак», ошарашенный нашим упорством, нашей взрывающей все представления о логике борьбы несгибаемостью, дрогнул... Мы выиграли второй матч 8:5 и по сумме двух поединков одержали победу в Кубке.

А главный матч прошлого сезона — встреча в олимпийском Инсбруке с командой Чехословакии! Перед игрой старший тренер сборной Кулагин предложил рассматривать этот поединок как серию матчей. «Каждый период — это матч», — говорил Борис Павлович, — вы имеете право проиграть один из них, спорт есть спорт, никто не застрахован от случайностей, но вы обязаны выиграть два других микроматча этой «серии»: такая победа вам по силам».

И вот началась игра, чехословацкие хоккеисты открыли счет, потом забросили вторую шайбу. В перерыве тренер спокойно заметил: «Первый матч проиграли, но впереди два других...» Второй период мы выиграли 2:0. Начался третий, соперники волна за волной накатывались на наши ворота и вскоре забили третий гол, но мы знали, что время есть, что матч не проигран. Мы не опустили руки. Боролись до конца. И сначала сравняли счет (ничья нас уже устраивала, мы становились олимпийскими чемпионами), а потом забили и победный гол — помнили, что должны выиграть два «матча» из трех.

Сила первой армейской тройки заключается, мне кажется, как раз в том, что мы всегда бьемся до конца. И проигрывая. И выигрывая. Уважение к сопернику заставляет играть с полной отдачей сил и при убедительном нашем преимуществе в счете. Тарасов когда-то сказал нам: уважение к сопернику заключается и в том, чтобы забывать столько, сколько сможете.

Уже много лет меня избирают своим капитаном хоккеисты двух команд — ЦСКА и сборной. Вес буквы «К», пришитой к моей фуфайке, невелик. Физический, так сказать, вес. А вот нравственный... Капитан покидает поле сражения последним. И если не я буду биться за команду, если не я буду задавать тон в борьбе, то кто же?..

Этой весной наша команда вновь — уже в двадцатый раз! — стала чемпионом СССР. Но это не значит, что мы застрахованы от неудач: не станем упрощать, обкрадывать спорт. Если есть победители, то есть, стало быть, и побежденные, рвущиеся к реваншу.

Я думаю об этом и сейчас, накануне турнира в Вене. Полагаю, что и мы, олимпийские чемпионы, и сборная Чехословакии, чемпионы мира, и канадцы — все с полным основанием рассчитывают на золотые медали. Конечно, могут преподнести сюрприз и шведы — «обидеть» кого-то из фаворитов. Но не более. Не верю, что «Тре Крунур» может выиграть чемпионат.

С особым интересом жду соревнований в Вене и потому, что в рамках этого самого главного турнира года снова встретюсь с канадцами. Ведь за золотые медали чемпионов мира я (как и мои партнеры по сборной Петров, Харламов, Владимир Лутченко, Александр Мальцев) соперничал с «кленовыми листьями» только однажды — в 1969 году, в Стокгольме, когда все мы, в сущности, только начинали. Потом пришли годы самоизоляции родоначальников хоккея, и вот лед тронулся. Пока трудно судить, какую команду пришлют в Вену канадцы, но я прекрасно знаю, что команда эта будет сильна. Выбор первоклассных игроков там велик. И хотя некоторые «звезды» будут заняты в матчах Кубка Стенли, из клубов, не попавших в финал, канадцы легко смогут собрать два десятка мастеров, которые будут реально претендовать на звание чемпионов мира.

Попытка предугадать призеров турнира, их расстановку на пьедестале почета наивна. Решать будут два обстоятельства. Состояние спортивной формы игроков, команд в конце апреля и начале мая. И их настрой, психологическая устойчивость, умение и готовность сражаться до конца.

Для моих партнеров по звену, для меня нет проигранных матчей.

возможно представить.

Андрей Сильч Леснев кинул на Кириллова быстрый взгляд и тут же опустил его в чашку. Чай главбух сушильного завода был жидкий. Степан Николаевич отметил про себя, что в доме участкового инспектора этот напиток ему нравился больше: Наталья Ивановна умела заваривать и не жалела заварки, однако критиковать жиденький главбуховский чай вслух считал излишним. В чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят, а в этом и тем более следовало помалкивать, ибо не все в этом монастыре было понятно. Он прислушивался к словам, которые произносил Андрей Сильч, присматривался к самому Андрею Сильчу и к жилищу Андрея Сильча. Жилище было на должном уровне. Трех комнат с просторной кухней и самодельной ванной для пожилого вдовца, может, было и многовато, но следователь уже был наслышан о матримониальных планах Андрея Сильча и поэтому ничему особенно не удивлялся: ни фарфоровому изобилию в серванте, ни белым, словно только что из магазина, кастрюлям, кастрюлькам и кастрюлькам на кухне. Дом ждал хозяйку. Впрочем, Андрей Сильч отлично управлялся с хозяйством и без женских рук: уж очень в доме все было вылизано. Но не скажешь же об этом Андрею Сильчу. Оскорбился бы он, хоть и доходил в аккуратности своей до педантизма. Когда Кириллов — большой любитель рыться в чужих книгах — неловко всунул какую-то брошюрку на полку, Андрей Сильч немедленно навел порядок: поставил книжку на место и слегка постучал, подравнивая строй, по корешкам остальных.

Меблировка комнат в доме Андрея Сильча была выдержана в современном малогабаритном стиле. Сам он тоже хотел казаться современным и даже молодым, хотя было ему наверняка за пятьдесят. Красавцем Леснева-старшего назвать было бы затруднительно — он был сутуловат, да и глаза, маленькие, прозрачно-голубые, чересчур близко посаженные к носу, не украшали в общем-то заурядную внешность Леснева-старшего. Зато одет Андрей Сильч был безукоризненно и выглядел потому вполне на уровне.

Сына дома не было. Кириллов, собственно, так и рассчитывал прийти — когда его не будет дома. Парень мог помешать. А Степану Николаевичу хотелось потолковать с Андреем Сильчем о кое-каких деликатных вещах. Хотя треугольник Леснев — Аннота — Мямлин и был намечен пунктирно, сбрасывать со счетов его не следовало.

«Невозможно представить», — сказал Андрей Сильч, когда от разговоров на отвлеченные темы они перешли непосредственно к обсуждению происшествия. Он пил чай мелкими глоточками и, поигрывая серебряной ложечкой, сообщал, между прочим, что Нылка — поселок невеликий, что все люди тут

Анатолий ЖАРЕНОВ

ВЫСЕТ

ПОВЕСТЬ

на виду, что плохого человека от хорошего отличить можно запросто. В основном же, сказал Андрей Сильч, живут в Нылке люди хорошие. К ним он сопричислил и Мямлина, человека молодого, быть может, несколько инфантильного, но в целом положительного, насколько это известно Андрею Сильчу. Лично с Мямлинцем Андреем Сильчу беседовать не приходилось, и все представления об этой фигуре у него, так сказать, визуальные. Поэтому Андрей Сильч просто не понимает, чем он может помочь товарищу Кириллову.

— Так уж и ничем? — спросил Кириллов, отставив чашку в сторону недопитую чашку.

— Невозможно представить, — готовно откликнулся главбух.

— Почему же невозможно? — возразил следователь. — Очень даже возможно, Андрей Сильч. По некоторым данным можно, например, судить, что в ту ночь Мямлин вернулся к себе не один. Вам, вероятно, известно, на чем основывается это суждение?

— А вы юморист, — хохотнул Андрей Си-

Продолжение. Начало в № 7.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ПРОШЛОЕ

льч.— Не знаю, право, что и делать — смеяться или оскорбляться.

— По-моему, вы уже решили, что делать.
— Да, я смеюсь... Но как же вы могли подумать? Чтобы я... Нет, невозможно представить.

— Вы никогда не разговаривали с Мямлиным?
— Я не мог бы унизиться до этого, — хмуро произнес Андрей Сильч.— Неужели вы не понимаете?

— Может быть, и понимаю, — сказал Кириллов.— И вы не делали попыток объясниться с Анной Семеновной?

Бухгалтер медленно покачал головой.
— Зачем? Все ушло. Давайте лучше прекратим этот разговор.

Да, кажется, эта Анюта оставила у него царапину на сердце.

— Хорошо, — согласился Кириллов.— Но есть один вопрос: вас не смущало прошлое этой семьи? Женидьба на Анне Семеновне, будем говорить прямо, могла ведь как-то повлиять...

— На мои отношения кое с кем? Безусловно. Но я, знаете ли, не верю...
— Есть основания?

— Да нет. Просто невозможно представить... Я помню Анну Тимофеевну...

Вот так! Значит, Анюте дали бабкино имя. Следовательно все больше и больше занимала та старая история, мрачная история, непонятная, каким-то странным образом пробиравшаяся вдруг в нынешний день. Она неожиданно всплывала в разговорах, которые даже не касались непосредственно Анюты. В его блокноте была дважды подчеркнута красным карандашом фамилия — Нифонтов. Вахтер, оказывается, несколько раз толковал о чем-то с Мямлиным на крыльчке конторы. Нашелся свидетель — некто Чуриков, известный всей Нылке пьяница, который клятвенно заверял, что «слышал собственноручно»: говорили Нифонтов с Мямлиным об Анютиной бабке, тихо говорили, но Чуриков-то понял — другого «ирода» в поселке отродясь не бывало. Удивило это Чурикова. Потому что забыта была та история, и бабка была забыта, и имя ее было давно предано забвению. Сам Чуриков знал о той истории не больше участкового инспектора Миши Вострикова. Да и вообще: кто что знал? Все с чужих слов, через десятые руки. Поэтому и относился серьезный и основательный Миша к ней, к этой истории, как к вымыслу. Пойди сейчас разберись, что выдумали, а что было на самом деле. Но вот «слышал собственноручно» Чуриков, слы-

шал — и баста. И пополз по Нылке слухок, в который вплелась еще одна легенда, совсем уж несообразная, но интригующая, волнующая воображение именно этой несообразностью своей. Стоял будто бы в древние времена на месте нынешней Мызы большой купеческий дом. Владел им известный миллионщик Рузаев. Владел, но не жил никогда. А перед смертью приехал в Нылку с молодой женой. Незадолго до революции приехал, захотелось поклониться родным местам — из старообрядцев был купец. И помер вскоре после приезда. А умирая, наказал молодой жене, чтобы похоронила его тут же, в усадьбе. И чтобы на грудь ему положила не то библию, не то часовник в обложке из чистого золота. А из могилы чтобы вывела провода и протянула бы их к себе в спальню, а над кроватью чтобы звонок электрический установила: сомневался вроде старичок, что умирает, вот и подстраховывался на всякий случай. Жена приказание исполнила, но натура ее впечатлительная не выдержала — сбегала она из этого дома, и следы ее затерялись. После революции стали дом под жильем приспособлять и решили, что покойнику негоже под окнами находиться. Памятник черного мрамора сняли, а останки купца единоверцы перенесли на кладбище. И выяснилось, что никаких намеков на существование линии связи с тем светом не было: ни в могиле, ни в доме проводов не нашли. Ни библии, ни часовника в золотой обложке тоже не обнаружилось. Что в этой легенде правда, а что выдумка, определить представлялось невозможным: все происходило так давно, что если что и было, то бьельем поросло — утонули факты в наслонениях из домыслов, перед которыми здравый смысл отступал.

Но это еще не все. На мифический звонок с того света наматывалась, как на шпульку, история

Продолжение на 30-й стр.

АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ДОРОГА ЕДИНСТВА

Молодых людей Вьетнама влечет к себе знаменитая «Дорога единства», железнодорожная магистраль, связывающая Север и Юг страны. Сто двадцать тысяч юношей и девушек, съехавших сюда со всех концов страны, реконструируют восстановленную недавно тысячесоткилометровую дорогу, протянувшуюся от Ханоя до Хошимина, благоустраивают станции, озеленяют прилегающие к трассе поля. Они приехали с легкими рюкзаками за спиной, преисполненные энтузиазма и веры в свои силы. На всем протяжении магистрали им предстояло заново уложить 660 километров пути, построить или восстановить 490 мостов, 15 станций, тысячи путепроводов.

Кто же эти юные патриоты? Вот, например, три девушки, приехавшие на стройку из провинции, расположенной к югу от Ханоя. Они даже отложили на время свое замужество, чтобы попасть сюда, на южный берег реки Бенхай в провинции Куангчи, где раньше была расположена американская военная база. Одна из

этих девушек, Ле Чи Сон, возглавляющая бригаду, где объединены 23 человека, говорит: «Когда-то здесь проходил «электронный пояс Макнамара», считавшийся неприступным. Но когда мы приехали сюда, здесь были только руины и кратеры от взрывов бомб. Нашим бойцам нелегко было прорвать оборону врага, и мы считаем делом чести так же героически работать на этой обгазированной кровью земле, чтобы построить новый, единый, счастливый Вьетнам».

«ВЬЕТНАМ ЮФ», СРВ

УСПЕХ ХУДОЖНИКА

Индийскому художнику Нарену Панчалу недавно «перевалило» за тридцать. Он родился в деревне, где никто не слышал слова «искусство», но где, однако, значение формы и цвета предметов было хорошо понятио крестьянам — об этом можно судить по оформлению их жилищ, по одежде и украшениям. Нарена, рано осиротевший, тянуло к творчеству с детства, он мечтал создавать красивые вещи. Еще подростком он решил стать художником.

Нарену повезло, он был принят в школу искусства в Бомбее. В разное время Панчал работал оформителем занавесок в театрах, помощником мастера, изготавливающего детские игрушки, художником по керамике. А в 1962 году одна из картин Нарена получила первый приз на выставке в Бомбее. С тех пор у него прошло пять персональных выставок, причем на двух были представлены работы в дереве и металле. Кроме того, он написал и несколько крупных настенных панно. Мы знакомим с одной из работ художника.

«ИЛЛЮСТРЕЙТЕД УИКЛИ ОФ ИНДИЯ», ИНДИЯ

НОВОЕ НАШЕСТВИЕ ГЕРОИНА

«Франция в опасности — новое нашествие героина!» Д-р Оливерштейн, руководитель специализированной клиники, поднял тревогу. Пятьдесят девять смертных случаев за 1976 год при явной неполноте информации.

После 1969 года казалось, что Франция избавилась от порока. Количество смертей от наркотиков снизилось до двадцати пяти в год. Но год прошедший принес новый кризис, многим отличающийся от предыдущего. Прежде всего тем, что центр потребления наркотиков переместился из Америки в Европу. Если в начале 70-х годов Франция служила перевалочным пунктом между «Золотым Треугольником» в Юго-Восточной Азии и США, то теперь за один только 1976 год в парижских аэропортах было изъято 800 килограммов «коричневого сахара», предназначенного для продажи в стране. Потребители наркотиков, как правило, молодые французы, порвавшие с семьей, потерявшие надежды найти работу.

В то время, как наркомания вновь стала проблемой № 1, министерство внутренних дел, признавая бессилие перед международной сетью поставщиков, не замечает или не желает замечать, что депрессия и отчаяние молодежи порождены социальными условиями, бесправием юношества в нашем обществе, утратой всех надежд.

«ЮМАНИТЕ ДИМАНШ», ФРАНЦИЯ

Лодка, которая плышет на танкере

Огнестойкую спасательную лодку, специально предназначенную для плавучих кранов и нефтяных танкеров, разработали норвежские эксперты.

Это газонепроницаемая, жаростойкая и водонепроницаемая лодка, которая с пассажирами на борту может маневрировать по горящему морю. Она имеет в своем распоряжении собственное обеспечение кислородом.

Лодка из стекловолокна и пластмассы защищена спринклерной установкой так, что при внешней температуре 1200 градусов Цельсия внутренняя температура повысится не выше чем до 25 градусов. Лодка приводится в действие дизелем в 22 л. с. и с максимальной скоростью шесть узлов может за десять минут пересекать полосу огня шириной в милю, то есть 1,8 километра.

«ТЕХНИКУС», ГДР

СКАНДАЛ В ШКОЛЕ

Ученики гимназии в Кельн-Голвейде (ФРГ) организовали забастовку. Что случилось? В школе нечем дышать. От неудачно выбранных для облицовки стен пластических масс шли ядовитые испарения, особенно токсичный формальдегид выделялся невысыхшим клеем под пластмассовыми плитками на полу. Жертвами отравления стали двадцать восемь детей и одна учительница.

«Это скандал!» — воскликнул доктор Алекс Тайманн, две дочери которого посещают школу. Родители попросили профессора химии сделать анализ. Результаты анализа показали, что концентрация ядовитых веществ в воздухе школьных помещений превысила все допустимые нормы и оказалась опасной для здоровья детей.

Однако дело и по сей день стоит на месте, беспочвенно тысячи двухсот школьников и их родителей не тронуло власти. Что делать, если строительная фирма уже получила от них все причитающиеся за строительство суммы.

«ЖИВОТ», ЧССР

Анатомический атлас Леонардо

Среди многочисленных планов Леонардо да Винчи был грандиозный проект исследования и показа в серии рисунков всех тайн анатомии человеческого тела. Замысел остался неосуществленным, но то, чего Леонардо удалось достичь в этой области, достойно удивления.

Владелица сохранившейся серии рисунков — английская королева. Во время пребывания в США по случаю двухсотлетия этой страны она предоставила их для демонстрации Музею истории и технологии в Вашингтоне и Музею искусств в Лос-Анджелесе.

Когда специалисты готовили 41 рисунок для далекого путешествия за океан, то во время просвечивания страниц альбома ультрафиолетовыми лучами они обнаружили неизвестные ранее рисунки на тех местах листов, которые прежде казались совершенно чистыми. Рисунки эти были выполнены тонким металлическим резцом — в эпоху Леонардо да Винчи такая техника применялась для изображения очень тонких линий, а резец имел золотой, серебряный или свинцовый наконечник.

Обнаруженные рисунки дополнили внушительную коллекцию изображений костей ладони и руки, позвоночника, глаза, зночка и черепа вместе с лобными пазухами, открытие которых приписывалось одному английскому врачу XVII века.

Впервые Леонардо да Винчи занялся анатомией около 1490 года, когда его особенно заинтересовала нервная система. Ему было тогда 40 лет. Вновь он вернулся к анатомии 20 лет спустя, концентрируя свое внимание на биомеханике и взаимодействии отдельных групп мышц. Труд был нелегким. Католическая церковь запрещала анатомические исследования тела человека, и ученый работал в глубочайшей тайне. В его распоряжении было 30 трупов, добытых неизвестным нам способом. Заметки на листах с рисунками повествуют о «ночных часах, проведенных в обществе этих трупов, рассеченных и со снятой кожей, ужасных для глаза». У Леонардо не было никаких учебников, могущих дать какие-либо сведения, ничего, кроме интуиции ученого и таланта художника.

«ПШЕКРУЙ», ПОЛЬША

ДЕЛЬФИНЫ... ПОД РУЖЬЕМ

Ум и сообразительность дельфина давно привлекают внимание ученых — недаром это животное считают самым «интеллектуальным» после человека существом. Известно множество случаев, когда благородный рыцарь моря приходил на помощь поавшим в беду людям. Однако способности дельфина используются не всегда для добрых целей.

Американский биолог Майкл Гринвуд, который в течение десяти лет принимал участие в работе над программой использования дельфинов в военных целях, говорит: «Я уже не мог выносить того, что проделывали с этими бедными существами. На базах военно-морского флота США во Флориде, Калифорнии и на Гавайских островах из дельфинов готовят отборных солдат, которые могут выполнять

функции разведчиков, охранников и живых торпед». После своих многочисленных безрезультатных протестов Гринвуд подал в отставку.

«Язык» дельфинов полностью пока не разгадан, но ученым известно около двух тысяч их радарно-звуковых сигналов. Подражая этим сигналам, можно в определенной степени управлять действиями дельфинов в радиусе до двухсот километров. По рекомендации ЦРУ дельфины-охранники на одной из баз на Гавайских островах были оснащены особым устройством, позволяющим делать инъекцию ида неприятельскому акванангисту. В 1969 году дельфины использовались для «обследования» иностранных военных кораблей на Кубе.

«КЕПЕШ УИШАГ», ВЕНГРИЯ

ПЕЧАЛЬНОЕ РАВНОПРАВИЕ

Доктор Мортон Гроссман, директор Центра по исследованиям извешных заболеваний в университете штата Калифорния, говорит, что отныне на каждых двух мужчин, страдающих от извы, приходится одна женщина. Тридцать лет назад это соотношение было совсем иным: 20 к 1.

«Это, к сожалению, тот случай, где равные права для женщин становятся реальностью», — говорит

врач. Эксперты констатируют, что увеличение потребления женщинами алкоголя, табака и других раздражителей, пагубно влияющих на желудок, играет отрицательную роль в этой печальной эволюции статистики. Такова цена — те же болезни, что и у мужчин, — превратно толкуемого равноправия полов.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

ЖИЗНЬ ИЛИ ЕЕ ИМИТАЦИЯ?

— Мы не можем с уверенностью сказать, что на Марсе есть жизнь, — заявил главный биолог американской программы «Викинг» доктор Клайн. — Не можем мы утверждать и противного.

Итак, основная задача, поставленная перед планетарными лабораториями «Викинг-1» и «Викинг-2», все еще не разрешена. Но биологические эксперименты, в результате которых получено больше вопросов, чем ответов, являются только частью программы. Другими важными задачами, поставленными перед автоматическими разведчиками, было фотографирование поверхности Красной планеты, определение ее физических, геологических и климатических характеристик. В результате ученые сняли богатый урожай информации.

Атмосфера Марса состоит в основном из окиси углерода, есть азот, аргон, немножко кислорода и следы водяных паров. Воды, кстати, на Марсе оказалось значительно больше, чем считали раньше. Весьма вероятно, что и Марс и Земля в

начале своего развития имели сходный состав атмосферы, основным источником происхождения которой является вулканическая деятельность.

Какого цвета Марс? В основном красного, но есть участки желтого и зеленого цветов, полярные шапки белые. В пробах грунта, сильно окисленных (к удивлению ученых), обнаружено около одного процента воды по массе. В сущности, марсианская пустыня оказалась очень влажной, или, точнее говоря, замороженной. Но льда относительно немного, так как молекулы воды в большинстве случаев образуют гидраты с минеральными солями.

Но если есть жизнь, то где же в почве органические соединения? Возможны две гипотезы. Первая: марсианская жизнь существует в форме, приспособленной к наличию сверхокислов, уничтожающих органические вещества. И вторая: жизни нет, а сверхокислы только имитируют некие квазибиологические процессы.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Доктор Френк Крейгхед, один из ведущих специалистов, изучающих гризли, утверждает, что этот североамериканский серый медведь может стать крайне опасным, если он однажды потеряет чувство страха перед человеком. И это происходит особенно часто в тех случаях, когда люди начинают относиться к гризли как к мягкому, добродушному, ручному существу.

Первая трагедия в Уеллоустоне — американском национальном парке — случилась в 1900 го-

КОГДА ГРИЗЛИ СТАНОВИТСЯ ОПАСЕН

ду. Мужчина, подразнивающий медвежонка, подвергся атаке его родителей и умер пять дней спустя.

Между 1956 и 1966 годами в другом парке было зафиксировано девять случаев нападения гризли на людей. Число жертв гризли в последние годы еще более возросло.

Гризли — плотоядное животное. Медведь будет есть все — от лося

до мыши, не побрезгует и яичами рыбой, насекомыми. Порой он ест ягоды, листву и траву. Вес крупных гризли достигает почти тонны, что не мешает им, однако, пробегать небольшие отрезки со скоростью до тридцати миль в час. Гризли легко приспосабливаются к окружающей обстановке, они великолепно плавают и могут взбираться на деревья.

«УИКЭНД», АНГИЛИЯ

А почему бы и нет?

Когда две закадычные подружки датчанки Хеле Генсен и Сузи Расмусен вместе с тремя другими девушками были приняты в датское военное училище, то там в их честь был устроен небольшой прием с пироженками и сладким дамским вином. Впрочем, вскоре отношение к ним стало вполне серьезным, и они без всяких скидок были прозваны «девушками» и «выпускницами» в звании младших лейтенантов. Сузи же придется задержаться в училище еще на год — она решила стать авиатором, а для этого требуется дополнительная подготовка.

Сейчас в армию идет служить около ста женщин в год, что зна-

чительно выше предполагавшегося ранее количества. Главной причиной тяги женщин в армию является растущая в стране безработица.

Что же касается униформы, то для женщин-военнослужащих она проблемой не является. Хотя по уставу они могут регулировать длину юбки в определенных пределах, однако для большинства из них брюки давно стали привычным элементом одежды. Тем более не доставляет им хлопот прическа — они обычно носят более короткие волосы, чем их сослуживцы-мужчины.

«ИЛУСТРОВАНА ПОЛИТИКА», ЮГОСЛАВИЯ

НОВОРОЖДЕННАЯ С ПУЛЕЙ В ТЕЛЕ

Это известие обошло летом всю печать Великобритании. Девочка, которой сейчас уже несколько месяцев, родилась с пулей в теле! Ее мать, 32-летняя Мэри Гилмор — попала на улице Белфаста в перестрелку. Тремя выстрелами Гилмор была ранена, и ее немедленно отвезли в больницу, где она преждевременно родила ребенка. Врачи извлекли из тела матери две пули и потом едва поверили своим глазам: третья пуля находилась в теле новорожденной девочки, к счастью, не в опасном месте. Не-

медленно подвергли операции и девочку, которая родилась при таких драматических обстоятельствах. Сейчас она здорова и нормально развивается. Некоторые газеты назвали снимки маленькой Кэтрин «документом ужаса», другие, напротив, — «документом надежды» по их мнению. Кэти является символом надежды нового поколения ирландцев, которое сейчас рождается среди взрывов бомб и стрельбы, но живет и однажды увидит лучшие, мирные дни.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ», ЧЕХОСЛАВАКИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении

гибели детдомовских ребят. Оказалось, что погибли не все восемнадцать — один выжил. Оказалось, что мальчик этот вырос и остался в Нылке, остался на ампулу поселкового дурачка. А дурачком он был от рождения. Оказалось, что мальчик этот (было ему в ту пору лет пять) пользовался особым расположением Аютиной бабки, тогда тридцатилетней женщины, ходил за ней по пятам и часто оставался в квартире на попечении Семена, десятилетнего сына Анны Тимофеевны. Муж ее погиб на озере Хасан. В детдоме, которым заведовала Анна Тимофеевна, работала судомойкой ее старуха свекровь, в сорок первом году ей было за шестьдесят. Эвакуироваться старуха не захотела. А Анна Тимофеевна, увозя ребятишек с Мызы, сына своего оставила ей. Впоследствии этот факт был соответствующим образом истолкован. Примерно так же был истолкован и другой факт. Тот самый партизанский связной, обнаруживший трупы ребятишек в лесниковой избушке, никогда не обнаружил бы их, если бы не наткнулся на Гришу-дурачка, лежавшего без сознания под крыльцом. Дверь была заперта. Парень взломал замок и увидел картину, которая бросила его в дрожь. Дети погибли в домике без пищи и воды. А Гриша лежал возле лужи, это его и спасло. В округе долго судили-рядили по поводу происшедшего, мнение было одинаковым: «Пожалела курва своего любимчика, снаружи оставила».

А в поведении любимчика стали выявляться странности. Сначала их не замечали, потом умы наблюдательные и пытливые принялись подыскивать им объяснения. В таких случаях всегда оказывается, что чем объяснение фантастичнее, тем охотнее ему верят. Гриша любил смотреть, как копают ямы, — все ясно: значит, к этому зрелищу он приучен. Приохотила же его к такому времяпрепровождению, конечно, Аютина бабка. Вспомнили: видели ее частенько с лопатой в детдомовском дворе. Будто бы яблони сажала. Но какие уж там яблони... Могилку рузаевскую отыскивала, золотые корочки раздобыть хотела...

В этой точке и стыковались две легенды, от которых можно бы попросту отмахнуться, если бы не... Если бы не было намеков на то, что эти легенды занимали воображение таинственно исчезнувшего Мямлина. Расспрашивал Мямлин нылкинских старожилых и о черном памятнике и о лесниковой избушке. Расспрашивал, все записывал. Только давно это, еще зимой. К лету вроде интерес к этому делу потерял, бросил свои занятия. То ли понял бесполезность поисков, то ли нашел некую зацепку, поворотный пункт, из которого вышел на новую дорожку. В этой связи крайне любопытными представлялись показания Чурикова, который «слышал собственноручно...» Следователь навел справки о Нифонтове и с изумлением обнаружил, что в биографии старика вахтера далеко не все ясно и понятно. Когда Кириллов спросил Мишу Вострикова, не знает ли он, почему Нифонтов, в прошлом квалифицированный буровой мастер, вдруг оставил без видимых причин высокооплачиваемую работу в Баку и приехал в Нылку, Миша сказал, что «была трагедия в его личной жизни», о которой Нифонтов предпочитал не распространяться, но, кажется, его жена покончила с собой, предварительно спалив дом, в котором Нифонтовы жили в Баку. При этом едва не погибла дочь Нифонтова. «Говорили, — сказал Миша, — что баба его сошла с ума, а сам он с тех пор будто ушибленный». И к этому-то вот «ушибленному» человеку вдруг пошел Мямлин, пошел с разговорами о делах, казалось, не имеющих отношения к Нифонтову.

И было это совсем недавно. А к Анюте Мямлин пришел два месяца назад. Но Анюте он не сказал ничего...

— Я помню Анну Тимофеевну, — сказал Андрей Сильч. — Конечно, это все мальчишеские впечатления, мне было что-то около девятнадцати, когда началась война. Что тут происходило во время эвакуации, не знаю, я уже был в армии. Но я не верю молве. Невозможно представить. Это была добрая женщина. Не понимаю, как случилось, что ее превратили в чудовище. Вы еще не говорили с Евгением Васильевичем?

— С вашим кассиром? Нет, а что?

— Да ничего особенного. Это ведь он видел ее в Баку.

— В Баку?

— Да. Это было в пятьдесят втором. Выходцев ведь не всегда был кассиром. Он знал и лучшие времена. Если бы не болезнь, Евгений Васильевич жил бы сейчас в столице, запрашивал бы отделом в министерстве финансов, не меньше. Умнейший человек. Но хроник...

— В каком смысле?

Андрей Сильч улыбнулся.

— Не в том. У него что-то с легкими. Что-то аллергическое. Город ему противопоказан. Началось это после войны. Он какое-то время крепился, не хотел бросать работу в Нальске, в промбанке, объездил чуть ли не все морские курорты страны, но ничего не помогло. И когда умер его отец, врач, между прочим, Евгений Васильевич вернулся в Нылку.

— Почему «между прочим»?

— Я не совсем точно выразился. Его отец, хотел я сказать, между прочим, тоже страдал этой болезнью. Так что, видимо, она наследственная.

— Мы, кажется, отялеклись...

— Да, я говорю, что Евгений Васильевич видел Анну Тимофеевну в Баку. Он сидел в вагоне. Поезд тронулся, и в это время он обратил внимание на женщину, стоявшую в стороне от толпы провожающих. Она кому-то махала рукой. И Выходцев узнал ее. Она мало изменилась, выглядела молодо, только на щеке виднелся чуть приметный след от шрама, которого раньше не было.

— И...

— И все, — сказал Андрей Сильч.

Он задумчиво пощелкал ногтем по чашке. Кириллов глядел мимо него, в окно. На Нылку опускался вечер. Мимо дома шло стадо коров. Черно-белая буренка отделилась от стада и, опустив рогатую голову, двинулась навстречу женщине, поджидавшей ее у ворот напротив с куском хлеба в руках. «Деревня, — подумал Кириллов. — Деревня, про которую давно сказано, что все тут на виду, что все друг друга знают как облупленных. А вот поди ж ты, раскрути катушечку, распутай бабкин клубок. Да что там — распутай! Ты найди его сначала, сооружи, куда он завалился, этот клубочек. — под кровать или, может, куда подальше».

— Андрей Сильч, — сказал Кириллов, проводив взглядом буренку. — Мы только что говорили о событии двадцатипятилетней давности. А вы помните все так, как будто Выходцев вчера явился из Баку. Этот уплывающий перрон, лица и женщина со шрамом. Понимаете, о чем я.

— Это и было вчера.

— Что вы имеете в виду?

— Евгений Васильевич вспомнил про шрам вчера. Мы...

— Простите, нельзя ли по порядку. Он был у вас вчера?

— Нет, я пошел к нему. Этот мальчик, вы понимаете, о ком я говорю... Мое имя как-то связывают с ним. Вы тоже... — Он безнадежно махнул рукой. — Ладно, не буду... Это же Нылка, тут обсуждают каждый твой шаг, многое причем толкуется превратно. Иногда услышишь такое, что просто невозможно представить...

Он помолчал, пытаясь, видимо, что-то представить, но, убедившись, что это и в самом деле невозможно, сказал:

— Мне захотелось поговорить с умным, непредвзятым человеком.

— Вы так уверенно говорите о нем?..

— Двадцать лет ведь немало, не правда ли?

— Немало, — согласился Кириллов, подумав, что Андрей Сильч то ли забыл, то ли не пожелал объяснить, почему ему вдруг захотелось нанести визит непредвзятому человеку. А потом и вопрос такой задал, но Леснев опять ушел от прямого ответа, заменив его дифирамбами Выходцеву.

— Андрей Сильч, — сухо прервал Кириллов его излияния, — мы не сдвинемся с места, пока мне не станут ясны побудительные причины... Я готов вам поверить, что Евгений Васильевич — прекрасный человек, отзывчивый человек и т. д. и т. п. Но ведь вы к нему не за сочувствием ходили, у вас была цель. И, как я понимаю, вечер воспоминаний был устроен именно ради этой цели: вам необходимо было поговорить с Выходцевым о той женщине из детдома. Вам нужно было убедиться... В чем, Андрей Сильч?

Он глухо пробормотал:

— Евгений Васильевич мог ошибиться...

— Ну, так что же? Вам-то это зачем понадобилось?

Андрей Сильч молчал.

Они так и не сдвинулись с места. Весь последующий разговор был нагромождением из «невозможно представить», и Кириллов ушел ни с чем. Многие как было, так и осталось непонятным, необъясненным. Это неправда, что следователи любят запутанные дела, досадливо думал Кириллов по пути в гостиницу. Они любят рассказывать, как они распутывали запутанные дела. А вот о делах, которые им не удалось распутать, они предпочитают помалкивать; о том, как они сталкивались с фактами, которые не поддавались объяснению, с уликами, которые уличали невинных людей, — словом, о том, что принято называть издержками

производства. Степан Николаевич Кириллов считал, что он в общем-то не составляет исключения, и, шагая от домика главбуха, вяло думал о том, что ему ужасно надоела нылкинская гостиница с коммунальными услугами во дворе, с пружинной звенящей кроватью и с храпящим соседом по номеру. Сегодняшний разговор с Андреем Сильчем убедил его окончательно, что он, Кириллов, человек обреченный. Даже обильные обеды, которые давала в его честь Наталья Ивановна вот уже неделю, не очень-то утешали. Да и неудобно ему было перед Натальей Ивановной. Но деться было некуда. Столовую нылкинские общепитовские деятели закрыли на ремонт, а ресторан пока еще едва поднялся от фундамента. Вот такие трудности. О них-то и размышлял Степан Николаевич, неторопливо шагая по темной улице. На тумбочке в номере около его кровати лежал пакетик с пряниками, а на столе стоял графин с водой, в которую можно было эти пряники макать, Андрей Сильч, правда, напоил его чаем, но попросить у главбуха, скажем, баранью котлету или жареной картошки Кириллов не мог — служба не позволяла.

«Невозможно представить»...

Да нет, представить-то как раз было можно. Уже прочесывались окрестные леса, уже были посланы запросы в Баку и другие города страны, уже поднимались архивные дела двадцати- и тридцатилетней давности, уже высвечивался круг, в котором вырисовывались причастные к делу лица. Одно за другим. И все они, как мотыльки, летели на лампочку, которую то ли по неосторожности, то ли сознательно включил Мямлин, скромный парень, увлекшийся краеведением. Включил и исчез.

Как же ему удалось добраться до выключателя?

И что толкнуло его?

Кириллов постоял у дверей гостиницы и пошел прочь.

Погруженный в свои невеселые размышления, он шел и шел, просто вперед, без определенной цели. Давно осталась позади центральная улица, которую здесь почему-то все называли Невским, хотя в самом-то деле у нее было более прозаическое название — Коммунальная; свернул в незнакомый переулок, потом в другой. Здесь было потемнее, чем в центре. Окна многих домов слабо сияли призрачным голубоватым светом — нылкинцы смотрели телевизоры. Гуляющей публики не было видно. Лишь кое-где над лавочками возле ворот белели старушечьи платочки или угадывались очертания удивившихся парочек.

Пьяного он встретил в конце короткой улицы, упиравшейся в лес. Человек стоял, прислонившись спиной к каштану, и Кириллов увидел его только тогда, когда поравнялся с деревом.

Степан Николаевич узнал его.

Пьяным был Гриша-дурачок.

Он отделился от дерева и, помахивая обрывком веревки, описал около Кириллова окружность.

Резко пахнуло спиртным.

У Гриши была довольно зверская физиономия и телосложение кулачного бойца. В Нылке говорили, что Гриша субъект абсолютно безобидный, что за всю свою жизнь он мужи не обидел, но кто может поручиться за пьяного... А это был не просто пьяный, перед носом Кириллова тряс веревкой идиот, которого кто-то напоил допьяна.

Гриша долго кружился, потом выпустил веревку, бросил на колени и стал по-собачьи разгребать землю руками. И вдруг припал губами к ямке и замер. В груди у него что-то хлопотало.

И Кириллов понял, что он плачет.

Бледный серпик луны, выбившийся из-за туч, освещал эту странную сцену.

За спиной скрипнула калитка. Вышла женщина. — Испугал он вас? — спросила она Кириллова и пояснила: — Он всегда так: как выпьет, так и начинает страдать.

— Зачем же вы позволяете ему пить?

— Так ведь не углядишь. Мужики нет-нет да и поднесут стопочку. А ему много и не надо...

— И долго он страдать будет?

— Нет. Сейчас вот веревочку зароет и успокоится. Он ведь тихий...

II. НИТИ

Он стоял в толпе. Чтобы лучше видеть, он выбрал место повыше, влез на сухую болотную кочку. Он мог и не делать этого, потому что знал... Если бы кто-нибудь бросил сейчас взгляд на его лицо, то не исключено, что этот кто-то мог бы призадуматься. Но на него никто не смотрел. Хмурые взгляды людей были прикованы к трупу. Убийца встался на него не глядеть. Он слушал. Он вслушивался в отрывочные реплики, которыми обменивались оперативники, он анализировал их, оценивал. Ему хотелось понять, о чем они думают.

Он не понял ничего: оперативники были скупы на слова.

На траве лежал мокрый красный клетчатый чемодан.

На траве лежали связки из обрезков двойных водопроводных труб.

И то, что было не так давно человеком, тоже лежало на траве.

А то, что давно уже перестало быть человеком, стояло на сухой болотной кочке и пыталось сообразить, все ли оно сделало правильно.

Оно умело соображать...

В предчувствия можно верить и можно не верить, но никуда от них не денешься. Бывает иногда так: что-нибудь случится и человек думает: «Знал ведь я, куда оно повернется, догадывался». Кажется, это называется вероятностным прогнозированием. Мозг оценивает наличную информацию и делает соответствующий вывод. Сознание при этом за всем процессом не успевает, ему достается только конечный результат. И человек говорит: «А знаете ли, я ведь это предчувствовал». Кое-кто называет это интуицией, кое-кто относит к таинственным явлениям человеческой психики, но как бы там ни обстояло с терминологией, о наличии самого явления спорить не приходится.

О том, что Мямлин убит, Кириллов и Востриков подозревали еще в те дни, когда следствие только начиналось. Они, правда, не говорили об этом вслух, меньше всего им хотелось выступать в роли оракулов или ясновидящих и щеголять друг перед другом своей провидительностью. Профессиональная пронизательность, как правило, должна базироваться на точных фактах. А таковых в то время не было. Их, впрочем, не имелось и в ту минуту, когда слово «убит» было наконец произнесено. Это произошло, когда Миша однажды явился в гостиницу к Кириллову и шумно сказал: «Проверил все: не мог он уехать, разве только пешком ушел». «Глупо пешком-то», — возразил Кириллов. «Да уж куда глупее», — кивнул Миша. «Что же выходит?» — спросил Кириллов. «Искать надо», — сказал Миша.

Искать труп... В Нылке сотни домов, сотни дворов с погребями и надворными постройками. Нылка окружена лесами и болотами. Где искать? Да и, может, все-таки жив Мямлин, может, эти ни на чем в общем-то не основанные домыслы, если отбросить предчувствия, — просто плод разыгравшего воображения? Кириллов представил себе поисковиков, бродящих по дворам со щупами в руках, стайки детей, которые неизбежно будут сопровождать каждый их шаг, косые взгляды нылкинцев. Он представил себе все это и сказал: «Начнем с окрестностей, а с поселком подождем, может, что-нибудь еще прояснится».

Однако к тому дню, когда труп был обнаружен, почти ничего не прояснилось. Прояснения стали намечаться после экспертизы. Мямлин был убит выстрелом в затылок. Тело его было притоплено в неглубоком болотце, мимо которого проходила дорога на Мызу, примерно в полутора километрах от сушильного завода. Поблизости был найден и чемодан. Грузом служили связки из обрезков водопроводных труб. Кириллова поразила аккуратность, с которой были сделаны эти связки, чем-то напоминающие фашины. Каждая была перетянута тремя полосками из проволоки, намотанной ровными плотными рядами. Прямо-таки патологическая аккуратность. И Кириллов сразу вспомнил Андрея Сильчу, вспомнил, как он постукивал по корешкам книг, но тут же отогнал эту мысль: уж очень дикой она ему показалась.

То, что тело было найдено, внесло в ход следствия определенность. Если до сих пор изучались обстоятельства, сопутствовавшие таинственному исчезновению Мямлина, то теперь все встало на свои места: следствие вошло в привычное русло, вопросы «кто?» и «почему?» зазвучали в полную силу.

Выдвинутая тогда-то Мишей Востриковым версия о готовящемся ограблении кассы сушильного завода отпала — ключей от сейфа в карманах Мямлина не оказалось. Однако факт их пропажи по-прежнему оставался необъясненным.

В чемодане Мямлина среди рубашек, галстуков и прочих носильных вещей лежала размокшая рукопись, начинавшаяся словами: «Когда-то, сотни тысяч лет назад, вся территория нашего края была покрыта ледниками». В рукописи было сто двадцать две страницы. Титульный лист отсутствовал. Рукопись была не окончена. На сто двадцать второй странице сверху было лишь несколько строчек. Текст оборвался фразой: «О книгах и газетах наши селяне не имели никакого понятия, их читали только в том одиноком доме на Мызе, да еще, может...» Судя по всему, автор еще не добрался до двадцатого века. Но сейчас Кириллова мало занимало содержание мямлинского труда, он о другом подумал, когда увидел чемодан. Получалась какая-то чепуха. Получалось, что Мямлин все-таки собрался проститься с Нылкой в ту ночь. Вышло, что,

проводив Анюту, он наскоро сложил вещи, предварительно изолировав старуху хозяйку, и, возможно, вдвоем с убийцей отправился вновь по той же самой дороге, по которой незадолго до этого возвратился в Нылку. Возникал вопрос: зачем? С какой целью была предпринята эта прогулка, окончившаяся трагедией? Если он хотел уехать, то на Мызу идти было незачем: Мыза — тупик. Если убийца сумел каким-то образом заманить Мямлина на эту дорогу, то вроде бы ни к чему было тащиться в такую даль с чемоданом. Тут, правда, возникали варианты. Убийца мог доставить чемодан к болотцу после расправы, чтобы, так сказать, придать достоверность версии отъезда. Где же в таком случае оставался чемодан? На квартире у Мямлина? Но глухал бабка отметила только одно полотрясение. Да и ключ от входной двери в бабкин дом лежал в кармане у Мямлина. Это, впрочем, можно было не принимать в расчет — убийца мог притопить труп и после похода за чемоданом. Однако бабке следовало доверять — старухи спят чутко. И если она утверждает, что пол трясся один раз, то это, видимо, так и было. Значит, чемодан находился в момент убийства в другом месте.

Не на сушильном ли заводе? Не в конторе ли, на крыльчке которой сидел вахтер Нифонтов, человек со странной биографией... Нифонтов, который сказал, что видел в ту ночь Мямлина дважды... А должен был видеть трижды...

Мямлин проводил Анюту, вернулся домой, взял чемодан и опять направился по этой тропинке мимо конторы сушильного.

И была еще пуля. Стреляли в Мямлина из нагана. В Нылке было зарегистрировано четыре нагана. Один из них висел на поясе у Нифонтова в ту ночь.

Нити тянулись к сушильному заводу...

— За беспорядок простите, — сказал Выходцев, открывая дверь. — Отправил, видите ли, супругу на курорт, а сам маюсь.

— Что же вы не вместе? — спросил Кириллов, хоть и знал, какое последует объяснение.

— Привязан я болезнями...

Он не закончил фразу, махнул рукой и повел гостя в дом. Особого беспорядка в квартире не было заметно, но чувствовалось, что многие вещи не на своих местах. Выходцев был или рассеян, или ленив. «Скорее последнее», — подумал Кириллов, приглядываясь к «непредубежденному» человеку, который, по словам Андрея Сильчу, мог бы «пойти далеко», да вот не пошел, помещало нечто генетически-аллергическое, нечто такое, против чего медицина пока бессильна. О медицине здесь напоминали книги, толстые корешки которых золотились сквозь стекла низкого старинного книжного шкафа. Книг было много, но рыться в них Кириллов не стал. Один его мудрый приятель как-то заметил: «Если хочешь быть здоров, не читай журнал «Здоровье» и вообще держись подальше от подобной литературы». Кириллов, конечно, был бы рад воспользоваться этим ценным советом, но, увы, специфика работы не всегда позволяла следовать ему. Читать кое-что приходилось. По необходимости, разумеется. Здесь такой необходимости не было, и следовательно довольно равнодушно скользнул взглядом по золоченым корешкам.

Выходцев предложил гостю стул, и они сели возле круглого стола, покрытого клеенкой.

— Вас не удивляет мой визит? — спросил Кириллов.

— Нет, — ответил хозяин и добавил рассудительно, — я отлично все понимаю.

Говорил Выходцев так, как говорят заики — растягивая слова. Но заикой он не был. Губы Евгений Васильевич слегка выпячивал, светло-серые глаза смотрели на собеседника снисходительно. Впечатление складывалось такое, словно он давно и прочно уверовал во что-то, чего не замечают окружающие. Не замечают просто по своей природной глупости. Но простить им это можно, не они же виноваты — природа. И Евгений Васильевич снисходит к этим вот природным недостаткам. Снисходит, понимает, готов даже посочувствовать. И жену супругой называет. Не то иронизирует, не то...

— Хочу услышать ваше мнение об этой истории, Евгений Васильевич, — сказал Кириллов.

Выходцев оттопырил нижнюю губу и задумался. Видимо, он не был готов к такому вопросу. И поэтому слегка растерялся.

— Что я могу сказать? — наконец произнес он. — Кудахтать не буду. Махать руками тоже. Мальчик этот мне не родня. Печально, конечно, что такое в нашей жизни случается... Возможно, я рискую показаться вам сухим человеком, но я привык мыслить рационально, с цифрами в руках. Привержен к статистике... Вероятно, произошло неминуемое. Да вы и сами скорее всего так думаете.

Кириллов думал не совсем так, но в данном случае это не имело значения. Главное было в том, что Выходцев, кажется, не притворялся.

— В чем же виноват, по-вашему, этот мальчик?

— Позвольте, — удивился Евгений Васильевич. — Почему виноват? Так сложились обстоятельства. Собираясь на прогулку в лес, я ведь не могу знать, что под каким-то кустом наткнулся на змею, которая меня ужалила.

— Вы сказали — неминуемо...

— Я, видите ли, не любопытен. Но уши не затыкаю... Нылка возбуждена. И версий, как выражаются юристы, придумано предостаточно. Все они, как вам известно, сходятся в одной точке — мальчик прикоснулся к чему-то взрывоопасному. Прикоснулся неосторожно. А в таких случаях...

— К чему-то?

— Я версий не изобретал. Каюсь...

— А ваш главный?

Евгений Васильевич вздохнул и сокрушенно покачал головой.

— Он обеспокоен, и это легко понять. Стариковская любовь. И все так осложнилось...

— С чем же приходил к вам Андрей Сильчу?

— С коньяком, — усмехнулся Выходцев.

— А кроме?

Он опять оттопырил нижнюю губу и задумался.

— Честное слово, не знаю, — сказал он после минутной паузы. — Может быть, у него возникли какие-то предположения. Иначе к чему бы воскрешать событие четвертьвековой давности... Он был так настойчив, что я даже усомнился: ее ли видел тогда в Баку?...

— Как же вы относитесь к тому, в чем обвиняют Анну Тимофеевну Спицыну?

— Ни так, ни этак. Хотя... После того, что случилось, волей-неволей начинаешь задумываться.

— И...

— Да ведь из моих окон далеко не увидишь. — Евгений Васильевич покашлял в кулак. — И память, знаете ли, вещь хрупкая, крошится с возрастом, осыпается. Вчерашний день иной раз забываешь. А тут тридцать пять лет почти. Старики любят болтать: «Как сейчас помню». Я врать не буду: не помню я, какой была эта женщина. Помню смутно внешность ее цыганистую. Анюта наша прямо копия бабки. Это к слову. Но не может ли, скажем, в потомках характер повториться? Мне вот аллергия по наследству досталась. Анюте — внешность. А девица она замкнутая, молчаливая, скрытная. Про бабку толкуют, что она сильно самостоятельная была. И Семен Спицын — мужик с гонором. Если вы его видели...

Кириллов его видел, только не ставил в связь с этой историей. Семен Спицын работал технологом на сушильном и был громоздким мужчиной с трубным голосом. Характер у него, по выражению Миши Вострикова, был «сногшибательным». Оценки людям Семен выставлял прямые и нелицеприятные. Того же Выходцева он назвал «мухомором с губами». Андрея Сильчу — «червивым обабком». И вообще вся Нылка рисовалась Семену лесом, в котором наряду с благородными росли грибы несъедобные, а то и вовсе ядовитые.

Выходцев еще довольно мягко назвал Семена «мужиком с гонором». Но Кириллов сначала не понимал, зачем Выходцев завел этот пустой разговор о предках и потомках. Следовательно он показался просто старческой болтовней. Однако вскоре выяснилось, что все далеко не так просто, что Выходцев, где обиняками, а где многозначительными умолчаниями, подводил Кириллова к мысли о том, что Семен Спицын имеет-таки отношение к преступлению. Степан Николаевич, размышляя об Анюте и Мямлине, как-то привык думать, что парень пришел к Анюте не из-за Анюты, что только потом, спустя время, он увидел в ней девушку и понял, что она ему нравится. А если все было не так? Если он сблизился с Анютой потому, что она ему понравилась? Если он ничего не искал, а совершенно случайно сблизился с семьей Спицыных и столь же случайно вдруг проник в некую тайну, которую семейство тщательно оберегало от людских глаз? Анюта могла о ней и не знать. Знал отец. Но что же это за тайна, цена которой оказалась эквивалентной человеческой жизни?

С другой стороны, Семен Спицын не похож на человека, способного на продуманное преступление. Семен — натура импульсивная. Он не стал бы, готовясь к убийству, столь тщательно вязать аккуратные фашины из трубок. У него просто не хватило бы терпения, да и не додумался бы никогда Семен Спицын до такого. При его силе, при его темпераменте... Да он схватил бы любую железку потяжелее, которых, кстати, в окрестностях сушильного завода было, как говорится, навалом...

И в то же время... Бывает всякое.

Но уж очень странно выглядели эти связки из обрезков труб.

Очень...

Продолжение следует.

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО АХМАТЫ ШАХМАТЫ

19 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНЫ

ТУР ПЯТЫЙ

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Ход черных. Как, по вашему мнению, должна закончиться борьба при наилучшей игре обеих сторон? (5 баллов).

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают и дают мат в четыре хода. (5 баллов).

КОГДА ЖЕРТВУЮТСЯ ДВА КАЧЕСТВА

Любителям шахмат по душе любые игровые комбинации, в том числе и такие, которые связаны с жертвой качества, то есть ладьи за легкую фигуру (слона или коня). И хотя подобного рода комбинаций встречалось в шахматной практике великое множество, каждая новая жертва качества имеет свой оттенок и доставляет любителям игры истинное удовольствие. Все же неизмеримо больше впечатляют сравнительно редкие находки — комбинации с жертвой двух качеств. Думаем, что приводимые ниже фрагменты из творчества выдающихся шахматистов понравятся нашим читателям.

К такому сложному миттельшпиллю пришел после 27-го хода белых поединком между Вячесла-

вом Рагозиным (у него были черные) и Андрэ Лилиенталем. Случилось это на международном турнире 1935 года в Москве.

На первый взгляд лучшие шансы у белых, ибо они угрожают и уничтожить черную пешку на поле «h5» и начать пешечный штурм ходом 28. e3—e4. Однако оригинальная и далеко рассчитанная комбинация черных заставляет переоценку ценностей.

27. ...Le7:e3! 28. Cd2:e3 Le8:e3 29. Kg3:h5 Kf6:h5 30. Фh4:h5 Cd7—c6 31. Фh5—g5 Le3:c3!!

Белые надеялись, что пешку «с3» они косвенно защитили, но соперник оказался дальновиднее и не остановился перед жертвой второго качества.

32. Фg5—d2 Lc3:c2 33. Lb2:c2 Kf8—e6 34. La1—d1 b5—b4 35. Lc2—b2 b4—b3 36. Фd2—c3 Ke6—c7 37. Lb2—e2 Фb6—e7 38. Фc3—b4 Kc7—b5 39. Le2—e7 Фa7—a3 40. Фb4—e1 c4—c3!

Ситуация довольно острая, но черные превосходно разобрались в ней и нашли единственный и форсированный путь к выигрышу, основанный на силе пары проходных пешек на ферзевом фланге. Попытки белых создать контригру или спастись «вечным шахом» очень четко парируются.

41. Le7—e8+ Sc6:e8 42. Фe1:e8+ Kpg8—h7 43. Фe8:f7 Фa7—a8! 44. Ld1—e1 Kb5—d6! 45. Фf7—c7 c3—c2 46. Фc7:d6 b3—b2

Перед вами прелюбопытнейшая позиция из 10-й партии матча 1966 года на мировое первенство между Тиграном Петросяном и Борисом Спасским. На очереди 21-й ход белых, которыми играл Петросян.

В целях быстрого развития атаки белые отдали сперва одно, а затем другое качество.

21. Kd1—e3! Ch3:f1 22. La1:f1 Ke5—g6 23. Ce2—g4 Kg6:f4 24. Lf1:f4! Lf8:f4 25. Cg4—e6+ Lf4—f7 26. Kd2—e4!

Наступление белых развертывается стремительно, буквально на одном дыхании. Запоминается элегантная заключительная комбинация с жертвой ферзя на тему «вилки».

26. ...Фd8—h4 27. Ke4:d6 Фh4—g5+ 28. Kpg1—h1 La8—a7 29. Ce6:f7+ La7:f7 30. Фb2—h8+!, и черные сложили «оружие».

Продолжаем публикацию заданий нашей шахматной олимпиады. Запомните, пожалуйста, что открытки с ответом на пятый тур нужно отправлять в адрес редакции не позднее 25 мая.

КАК ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ?

1. d2—d4 e7—e6 2. e2—e4 d7—d5 3. Kb1—c3 Kg8—f6 4. Cc1—g5 Cf8—e7 5. e4—e5 Kf6—d7 6. h2—h4.

Кому принадлежит авторское право на эту дебютную систему и кто первым применил ее на международном турнире? (1 балл).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/III 1977 г. А. 09228. Подписано к печати 18/III 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 769. Заказ № 290. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

БЕЛОРУССИЯ

Слова Николая ДОБРОНРАВОВА
Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

Белый аист летит, над белесым Полесьем летит...
Белорусский мотив в песне вереска, в песне раки...
Всё земля приняла—и заботу, и ласку, и пламя,
Полыхал над землей небосвод, как багровое знамя.

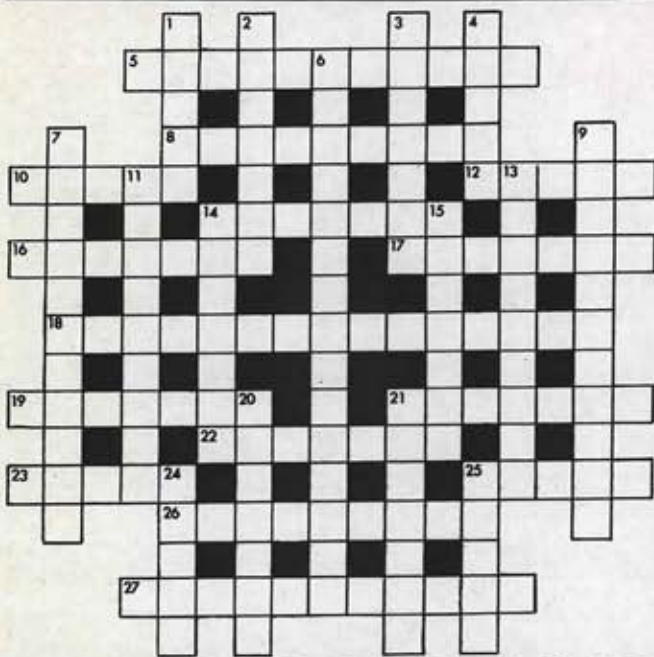
Припев:
Молодость моя,
Белоруссия.
Песня партизан,
Сосны да туман.
Песня партизан,
Алая заря...
Молодость моя,
Белоруссия.

Наша память идет по лесной партизанской тропе,
Не смогли зарастить эти тропы в народной судьбе...
Боль тех давних годин в каждом сердце живет и
поныне,
В каждой нашей семье плачут малые дети Хатыни...

Припев.

Белый аист летит над Полесьем, над тихим жнивьем...
Где-то в топи болот погребен остывающий гром.
Белый аист летит, все летит над родными полями,
Землю нашей любви осеняя большими крылами...

Припев.

КРОССВОРД

Составил П. ОБЧАРЕНКО,
Харьков

По горизонтали:

- Роман В. Гюго.
- Количество домашних животных в хозяйстве, определенном районе.
- Несущая конструкция пролета моста, гидротехнического сооружения.
- Текстильное изделие.
- Писатель, литератор.
- Персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон».
- Приток Северного Донца.
- Стихотворение В. Маяковского.
- Типографская наборная машина.
- Человек, противоположный другому по взглядам и характеру.
- Героиня романа М. Горького.
- Оконечность корпуса судна.
- Химический элемент.
- Креповой центр в РСФСР.
- Прямая, делящая угол пополам.

По вертикали:

- Ритмическая единица стиха.
- Порода кур.
- Регулярные записи наблюдений, исследований.
- Удержание из суммы, подлежащей выплате.
- Работник транспорта.
- Комплекс сооружений для транспортировки жидкого горючего.
- Медицинский кабинет для лечения вдыханием распыленных лекарственных веществ.
- Мир малых величин, атомов.
- Гигиенические средства по уходу за кожей.
- Полярник, дважды Герой Советского Союза.
- Лиственный кустарник, дерево.
- Французский художник, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
- Река в Магаданской области.
- Часть баланса предприятия.
- Способ спортивного плавания.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7**

По горизонтали:

- «Паровоз».
- Аксаков.
- Ливенка.
- Архипов.
- «Магомет».
- Янонис.
- Кооль.
- Иранинг.
- Купюра.
- «Глобус».
- Панова.
- Мимист.
- Бедный.
- Кисть.
- Манера.
- «Кирилка».
- Козетта.
- «Капитал».
- Диалект.
- Табидзе.

По вертикали:

- Ракитина.
- Гобелен.
- Радищев.
- Воронина.
- Знамя.
- Амати.
- «Игрок».
- Шмель.
- «Испанды».
- Рубрика.
- Приво.
- Ильин.
- Лекторий.
- Дидро.
- «Стопп».
- Прозвизм.
- Новелла.
- Нагибин.
- Акант.
- Пакет.

МИГ РАЗ- МЫШ- ЛЕНИЯ

Глядя на репродукции этих картин, читатели, надеюсь, согласятся, что мы имеем дело с художником классического склада. Такая определенная характеристика может показаться рискованной, поскольку речь идет о художнике, едва ступившем за порог института. Но работы Гиви Агапшвили заслуживают, как нам кажется, именно такого определения.

Он традиционен в том смысле, что хорошо знает и усвоил то, что добыто многовековой историей изобразительного искусства. В портрете, как и мастеров прошлого, его интересует главное — внутренняя суть характера. Такое пристальное и глубокое внимание к «жизни человеческого духа» открывает путь к сложной композиционной картине. И не удивительно потому, что художник пришел к ней уже на заре своего творчества. Здесь, как и в портретах, он четко знает, чего хочет.

Картина «Кухня» отчетлива по композиции и строга по живописи. Спокойствие, в ней заключенное, открытое любованием материальностью вещи, ее формой, объемом могли бы напомнить «старых голландцев», если бы не ярко выраженный национальный колорит. Кроме традиций грузинского искусства, выраженных с тонким поэтиче-

ским изяществом, здесь можно увидеть крепкую и благодатную школу учителя молодого живописца — народного художника СССР Уча Джапаридзе, умеющего передать весомую значимость простой жанровой сцены.

Молодой живописец отдал дань благодарности учителю в групповом портрете «Уча Джапаридзе с учениками». Художник

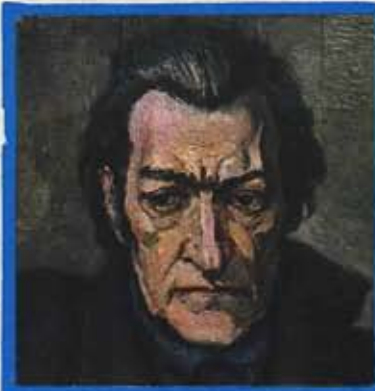
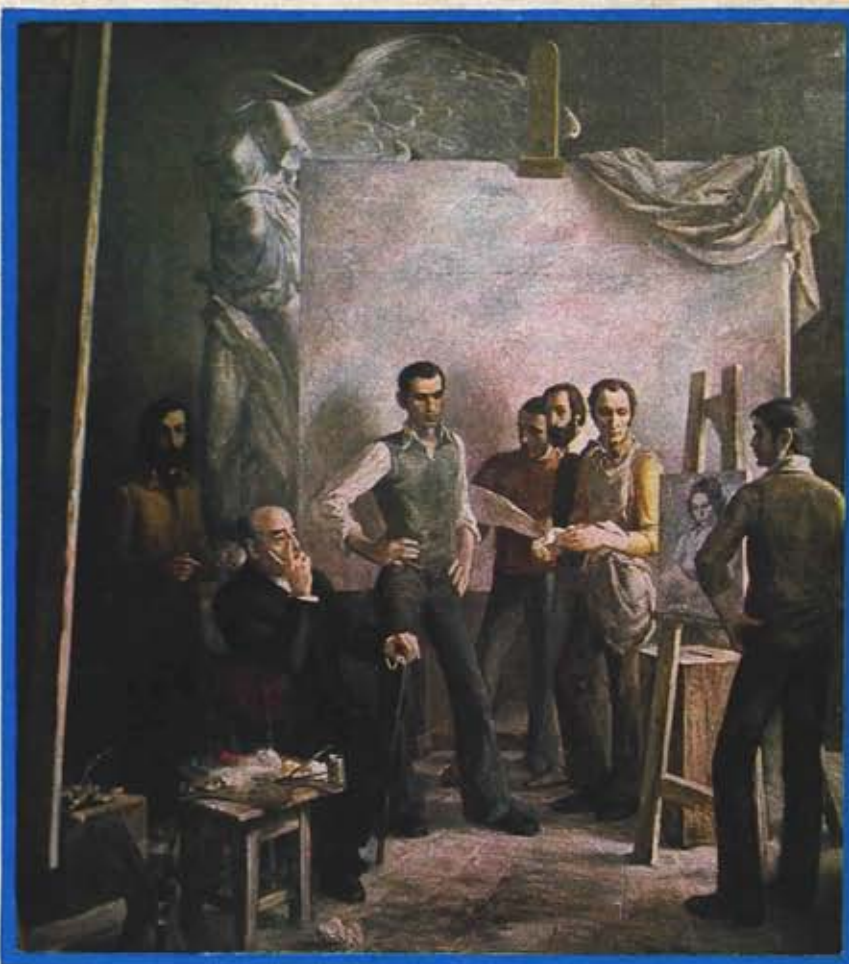
● ПОРТРЕТ МАНАНЫ.

● ПОРТРЕТ ГРУЗИНКИ.

УЧА ДЖАПАРИДЗЕ
С УЧЕНИКАМИ.

● ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА
ВАРАЗИ.

● КУХНЯ.

поставил перед собой нелегкую, быть может, наиболее трудную в живописи задачу — показать процесс размышления. В остановленном живописцем мгновении передано и то, что предшествовало ему, и то, что должно последовать дальше. Психологическое состояние молодых художников, вдумчивое, умудренное жизнью лицо старого мастера — все это так же выразительно, как и скупые отобранные детали: нетронутая белизна загрунтованного холста, палитра, этюд женского портрета на мольберте, и — как символ искусства — фигура Ники Самофракийской. Художник (он изобразил себя в левом углу картины) как бы ввел нас в круг своих героев и приглашает к размышлению вместе с ними — к размышлению о творчестве...

Алексей ВЛАДИМИРОВ

